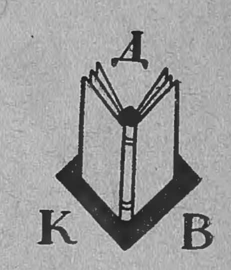
ЮЛЬ 1914 Г.

29

ЭМИЛЬ ЛЮДВИГ

ИЮЛЬ 1914

«КНИГА ДЛЯ ВСЕХ», РИГА

Д
К
В

Эмиль Людвигъ

ІЮЛЬ 1914 г.

Переводъ съ нѣмецкаго
Л. Мейерсона

„Не нужно было быть Бисмаркомъ для того, чтобъ предотвратить эту глупѣйшую изъ всѣхъ войнъ“.

Баллинъ.

„КНИГА ДЛЯ ВСѢХЪ“
Рига, Улица Свободы № 7. Телефонъ № 3-1-0-5-7
1929

Сынамъ въ назиданіе

Печатано въ типографіи Э. Левинъ, Рига, Мельничная 33

слѣ
нов
Гер
на,
пост
лали
Евр
наго
ма
нов

въ
ниг
низ

Предисловіе

Въ войнѣ виновна вся Европа: это доказано изслѣдованіемъ во всѣхъ странахъ. Единственная виновность Германіи, а также полная невиновность Германіи,—сказка для дѣтей по ту и эту сторону Рейна. Какая же страна желала войны? Вопросъ слѣдуетъ поставить иначе: какіе круги во всѣхъ странахъ желали, облегчили или начали войну? Если провести по Европѣ вертикальный разрѣзъ вмѣсто горизонтальнаго, по всѣмъ классамъ, то можно познать: вся сумма вины находилась въ кабинетахъ, вся сумма невиновности на улицахъ Европы.

Потому что нигдѣ люди, стоявшіе за станкомъ въ мастерской, или ходившіе за плугомъ, никогда и нигдѣ не имѣли интереса нарушить миръ, повсюду низшіе классы боялись войны и боролись съ ней до предпослѣдняго дня. Напротивъ кабинеты и сотрудничавшіе съ ними штабы и заинтересованные круги— министры, генералы, адмиралы, поставщики военнаго матеріала, редактора, подгоняемые честолюбіемъ и страхомъ, неспособностью и жаждой наживы, гнали массы впередъ. Чѣмъ меньше правительству приходилось при этомъ опасаться контроля, съ тѣмъ большей тяжестью на него ложится отвѣтственность передъ исторіей. Поэтому больше всего отягощены виной, которую невозможно вычислить процентуально, Вѣна и Петербургъ. Берлинъ и Парижъ слѣдуютъ за ними на довольно неодинаковомъ разстояніи, въ качествѣ секундантовъ. За ними, въ значительно большемъ отдаленіи, слѣдуетъ Лондонъ.

Изобразить все это ни въ коемъ случаѣ не является преждевременнымъ, хотя въ данномъ случаѣ описывается не экономическая и политическая исторія подготовки къ войнѣ, а всего лишь 14 іюля 1914 года. Для этой цѣли имѣется вполнѣ достаточное количество документовъ: возникновеніе послѣдней войны намъ гораздо болѣе точно извѣстно, чѣмъ любой войны въ прошломъ. Только тотъ, кто желаетъ затемнить ясность общеевропейской перспективы въ національномъ духѣ, подымаетъ все больше архивныя книги. Уже въ 1921 году, когда я писалъ эти страницы, за четыре года до моей книги объ императорѣ Вильгельмѣ II можно было все это ясно прочесть по документамъ. Но я все таки опустилъ уже готовую фразу, потому что у противниковъ, едва отдохнувшихъ отъ войны, еще нельзя было преположить способности къ безпристрастному разсмотрѣнію вопросовъ. Съ тѣхъ поръ, при послѣдовавшей переработкѣ, приходилось исправлять и дополнять очень немного.

Настоящее изображеніе событій, какъ всякое историческое описаніе, состоитъ изъ документовъ и ихъ толкованій. Документами послужили обычныя повсюду цвѣтныя книги, (сборники дипломатическихъ документовъ), дополненія къ нимъ, мемуары и другіе общепризнанные источники. Только разговоры государственныхъ мужей, которые они сообщали своимъ правительствамъ, по большей части въ косвенныхъ выраженіяхъ, возстановлены при точномъ соблюденіи словъ въ первоначальный діалогъ: Наоборотъ, толкованія, чтобы не утомлять читателя анлиазомъ, я, повторно приводилъ въ формѣ монологовъ, въ которыхъ дѣйствующія лица обрисовываютъ свои мысли и настроенія. Для читателей и критиковъ эти оба вида изложенія еще болѣе бросаются въ глаза благодаря разницѣ въ наборѣ, благодаря тому, что *всѣ документы набраны курсивомъ,* и, такимъ образомъ, ихъ легко можно отличить отъ работы и мнѣній авторовъ. Это въ данномъ случаѣ казалось необходимымъ потому, что нѣкоторые историки, которые все еще пытаются односторонне доказывать мудрость

тогдашнихъ отвѣтственныхъ государственныхъ людей Германіи, оспаривали подлинность источниковъ моихъ прежнихъ политическихъ и весьма неудобныхъ характеристикъ.

Когда въ 1928 году въ американскихъ газетахъ появились отрывки этой книги я подвергнулся травлѣ извѣстной части печати, которая когда-то науськивала къ войнѣ и поэтому сейчасъ занимается пропагандой невиновности императорской Германіи. Одновременно парижскій „Фигаро" писалъ, что я „къ сожалѣнію не дѣлаю никакого исключенія для тѣхъ, которымъ хотѣлось бы избавить свое отечество отъ послѣдствій пораженія", потому что я, якобы, затронулъ основу версальскаго договора стабилизуя общую виновность. Такимъ образомъ каждаго, кто стремится къ наднаціональной справедливости, аттакуютъ съ двухъ сторонъ.

Эта книга—изученіе глупости людей въ тѣ времена власть имущихъ, и вѣрнаго инстинкта тѣхъ, кто тогда не имѣлъ никакой власти. Здѣсь въ интернаціональномъ масштабѣ доказывается какимъ образомъ мирная трудолюбивая разумная масса въ 500 милліоновъ людей при помощи поддѣланныхъ документовъ, лжи объ угрожамой опасности и патріотическихъ фразъ была втравлена нѣсколькими десятками неспособныхъ вождей въ войну, въ которой не было никакой рековой неизбѣжности. Экономическіе кризисы, вопросы конкуренціи и колоніальные усложнили положеніе Европы и все же неоднократно удавалось избѣгнуть войны. Тремъ способнымъ государственнымъ людямъ еще разъ могло удаться то, чего желало огромное большинство. Это ложь, что одинъ единственный народъ, какъ таковой, желалъ войны, или что онъ желаетъ ее сегодня. Формы современной войны сдѣлали призрачнымъ понятіе о „воинственной націи". Есть только совратители, которые укрываются и совращенные, которые гибнутъ. Ни одинъ изъ тѣхъ министровъ и генераловъ, которые провоцировали войну, не погибъ на фронтѣ. Если Европа не желаетъ дать себя толкнуть на новую войну, то во

всѣхъ странахъ долженъ пройти законъ, согласно котораго у каждаго отвѣтственнаго министра должна быть отнята противогазная маска: тогда всѣ сразу перестанутъ ссориться.

Тамъ, гдѣ исторія не можетъ служить примѣромъ—она все же должна быть плодотворной въ качествѣ предупрежденія. Картина іюля 1914 года показываетъ часть свѣта, націи которой слушались своихъ вождей и довѣряли имъ потому, что тѣ не были отвѣтственны ни передъ какимъ центральнымъ органомъ. Недостатокъ контроля надъ отдѣльными правительствами привелъ ко всеобщей анархіи. Мы знаемъ, *что тѣ*, кто стремился къ войнѣ были сами подгоняемы; и то, что они позволяли подгонять себя, — въ этомъ состоитъ ихъ вина. Поспѣшность, случайность, неожиданность и прежде всего страхъ всѣхъ передъ всѣми, на ряду съ безпомощностью какъ разъ этихъ дипломатовъ, подъ конецъ вынудили войну, которую разумное сообщество націй могло предотвратить. Что война поэтому кончилась первой попыткой созданія подобной инстанціи — было вполнѣ логично и морально.

Эта книга, которая доказываетъ мирное настроеніе массъ всѣхъ народовъ къ іюлю 1914 года, желаетъ содѣйствовать мысли третейскаго суда, который не является утопіей, но становится реальностью, не остается неразрѣшимой проблемой, а является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ послѣдняго опыта. Съ тѣхъ поръ какъ Европа состоитъ де-факто только лишь изъ республикъ, она въ состояніи гораздо легче оберегать себя отъ катастрофъ.

Европѣ остается только одинъ выборъ: сдѣлать это скоро, или, въ концѣ концовъ, послѣ новыхъ войнъ.

Глава I

Покушеніе.

Широкая терраса была залита палящими лучами полуденнаго солнца. У нижнихъ ступеней ожидала карета, запряженная неподвижными, по придворному воспитанными, лошадьми. На козлахъ сидѣлъ неподвижный человѣкъ въ треуголкѣ, четверо лакеевъ стояли по краямъ лѣстницы. Три створчатыхъ двери, большія и бѣлыя широко зіяли, пропуская іюньское солнце въ въ красный салонъ Бельведерскаго дворца въ Вѣнѣ. Хозяинъ дома долженъ былъ пройти здѣсь изъ своей капеллы.

Вдругъ въ замкѣ раздалось хлопанье дверей, послышался шумъ, топотъ, возгласы; дѣтскіе шаги слышны рядомъ съ мужскими: теперь эрцъ-герцогъ тамъ стоитъ позади средней двери. Его массивная фигура затянута въ генеральскій мундиръ, его глаза странно затуманены, похоже на то, что онъ почти ничего не видитъ, какъ человѣкъ, выходящій изъ глубины церкви послѣ экстаза одинокой молитвы, неожиданно ослѣпленный солнцемъ и міромъ.

Рядомъ съ нимъ стоитъ полная крѣпкая женщина, слегка опираясь, взявши его подъ руку; трое красивыхъ дѣтей ждутъ прощальнаго поцѣлуя и всѣ стоятъ подъ сводами бѣлыхъ воротъ, являя собой картину самаго обыденнаго счастья и судьбы людей даже самыхъ могущественныхъ.

Францъ Фердинандъ въ этотъ моментъ смотритъ на свою будущую столицу Вѣну, въ его мозгу скрещиваются неясныя, честолюбиво-скептическія мысли. За подстриженными кустами, хвостатыми фонтанами, деревьями въ формѣ пирамидъ и треугольниковъ тамъ позади шумитъ міровой городъ, и шумъ доносится до замка, въ которомъ онъ живетъ въ ожиданіи. Снова встаютъ передъ его взоромъ прямо надъ моремъ домовъ высокія плечи и крутая башня стараго собора, з слѣва, расплываясь въ синевѣ, вздымается элегантная цѣпь горъ. Онъ оборачивается, обнимаетъ Софію, которая вскорѣ должна послѣдовать за нимъ въ это путешествіе. Все уже готово. Теперь онъ улыбается, что нѣсколько смягчаетъ его мрачное выраженіе, теперь и дѣти тѣснятся къ нему. Онъ цѣлуетъ ихъ, какъ въ туманѣ: судьба уберегаетъ его отъ какого бы то ни было предчувствія вѣчнаго разставанія. Онъ быстро садится въ карету и выѣзжаетъ въ ворота замка, мимо улыбающагося каменнаго сфинкса.

* * *

Кто этотъ человѣкъ, который теперь собирается на югъ? Квадратная, но отнюдь не грубая массивная голова на широкихъ мужскихъ плечахъ. Вообще этотъ не элегантный и не гибкій человѣкъ не имѣетъ ничего австрійскаго и въ частности ничего габсбургскаго.

Въ немъ нѣтъ ни тѣни любезности, очень мало достойнаго любви, все тяжело, упрямо: лобъ, прическа, усы. Это выраженіе человѣка, научившагося молчать и страдать, человѣка властнаго и упрямаго, презирающаго людей, и считающаго весь міръ только лишь желѣзомъ на своей наковальнѣ, обликъ сильнаго, безстрашнаго человѣка. Но его глаза, темные, большіе и расплывчатые выдаютъ мягкость, въ которой онъ самъ себѣ не хочетъ признаться, выдаютъ способность къ внезапному самопожертвованію и тоскѣ любви. Его набожность, повидимому, истинная,

но и его скупость не въ меньшей степени не настоящая. Этого человѣка, стоящаго на перепутьѣ между жаждой власти и презрѣніемъ, трудно представить себѣ веселымъ. Кажется, что оба чувства наложили на него роковую печать. У него голова обреченнаго на смерть.

Теперь ему 50 лѣтъ, его боятся, онъ могущественъ, пройденный жизненный путь былъ не особенно богатъ событіями. Ненависть и завистливая ревность царственныхъ кузеновъ преслѣдовала его въ дни молодости. Когда ему было 20 лѣтъ, свѣтлѣйшіе эрцъ-герцоги, которые думали только о томъ, кто былъ бы для нихъ болѣе удобнымъ престолонаслѣдникомъ, пытались отдѣлаться отъ этого суроваго человѣка: его заставили отказаться отъ права на престолъ, подъ предлогомъ болѣзни якобы обрекавшей его на смерть. Но потомъ эрцъ-герцогъ Оттонъ, заступившій его мѣсто, въ результатѣ распутной жизни преждевременно заболѣлъ, а онъ, Францъ Фердинандъ, выздоровѣлъ, и, къ огорченію всего императорскаго дома, всетаки снова сталъ престолонаслѣдникомъ. Какъ они жаждутъ власти; какъ они властные и холодные, не будучи въ состояніи бороться со смертью, пытаются хоть временно воспользоваться ею.

Въ душѣ этого Габсбурга все-же было немного фантазіи. Любовныя исторіи при помощи которыхъ бездѣятельные принцы пытаются разукрасить свою пустую жизнь, характерное стремленіе этой вырождающейся фамиліи освѣжиться посредствомъ связей съ женщинами изъ народа, мода этихъ эрцъ-герцоговъ накапливать приключенія, подобно тому, какъ собираютъ собакъ или трости, повидимому чужды этому человѣку съ квадратной головой. Онъ мечтаетъ о бракѣ по любви и имѣетъ рѣшимость не дать заслонить собственному честолюбію свое представленіе о любви. Онъ выбираетъ себѣ какую-то графиню, на ней онъ хочетъ жениться и отъ нея хочетъ имѣть своихъ дѣтей.

Теперь какъ разъ прошло 14 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ онъ боролся съ семи-десятилѣтнимъ импера-

торомъ за свою Софію. Тотъ сказалъ — нѣтъ. Рудольфъ, его единственный сынъ, покончилъ съ собой изъ-за женщины, на которой онъ, какъ престолонаслѣдникъ, не смѣлъ жениться, — а теперь какой-то племянникъ, котораго онъ терпѣть не могъ, заодно съ правомъ наслѣдія пытался навязать ему еще какую-то мелкую дворянку и испортить строго легитимныя поколѣнія императоровъ примѣсью менѣе благородной крови! Но племянникъ не уступалъ; упрямый и полный ненависти, какъ онъ стоялъ передъ старикомъ,—такъ онъ и остался при своемъ желаніи. Францъ Фердинандъ хорошо зналъ, что во второй разъ отъ него нельзя было отдѣлаться.

Наконецъ, за два дня до своей свадьбы, которую ему удалось отвоевать, онъ все же стоялъ, въ маленькомъ залѣ совѣщаній Гофбурга и передъ лицомъ императора, и всего государства торжественно клялся въ полномъ отказѣ отъ наслѣдства Габсбурговъ, за каждаго ребенка, который родится отъ его брака съ чешской графиней. Потрясающій моментъ для человѣка, котораго привели къ браку набожность, одиночество, а можетъ и сентиментальность.

А теперь онъ вынужденъ лишить своихъ правъ отпрысковъ этого брака раньше даже чѣмъ они зачаты!

Развѣ не должно было съ каждымъ дальнѣйшимъ годомъ этого счастливаго брака расти въ немъ желаніе окольными путями въ концѣ концовъ все же легитимировать свою подругу, дѣти которой его сердечно любили и на которыхъ пріятно было смотрѣть? Такимъ образомъ ему удалось настоять на томъ, что она стала герцогиней, и онъ пытался среди равныхъ ему членовъ царствующихъ домовъ разсѣять предубѣжденіе, которое все еще повсюду окружало его въ иной формѣ. Спустя много лѣтъ, онъ дожилъ до торжества, что даже сама германская императрица приняла его жену. Вильгельмъ II, великій союзникъ, отъ настроенія котораго зависѣли государственные планы Франца-Фердинанда, былъ всегда внимателенъ къ Софіи и если дружба ихъ обоихъ, бывшихъ рове-

сниками основывалась и не на этомъ, то она все же была бы невозможной, если бы императоръ отталкивалъ герцогиню. За это эрцъ-герцогъ былъ благодаренъ германскому императору какъ разъ потому, что Францъ-Іосифъ, непреклонный и несокрушимый у себя дома, твердо держался своего церемоніала и при дворѣ изгонялъ свою племянницу въ послѣдніе ряды, позади послѣдней эрцъ-герцогини.

И все же самымъ сильнымъ желаніемъ эрцъ-герцога, желаніемъ страстнымъ и упорнымъ было сдѣлать свою жену императрицей и своихъ дѣтей наслѣдниками престола. Старый императоръ достаточно долго заставилъ ждать его, но теперь ему уже было за 80.

Поэтому — сегодня и завтра были для Франца-Фердинанда днями огромной важности. Послѣ инспектированія XV и XVI армейскихъ корпусовъ онъ хотѣлъ ввести въ Сараево. жену, которая послѣдуетъ за нимъ въ Сербію. На территоріи двуединой монархіи, а не только въ Бухарестѣ и въ Берлинѣ должна была Софія въ первый разъ, именно въ эти дни, торжественно появится, какъ супруга будущаго императора. Это было неожиданностью, которую онъ придумалъ. И еще вчера его друзья обѣщали хранить эту тайну отъ его вѣнскихъ враговъ.

Мысли Франца Фердинанда безпокойно мечутся между его личной судьбой и судьбой государствъ. Когда онъ думаетъ объ императорѣ Вильгельмѣ, то онъ придерживается при этомъ строго монархической основной черты своихъ идей и уважаетъ въ своемъ могучемъ другѣ тотъ легитимизмъ, который онъ же потрясъ своимъ собственнымъ бракомъ. Императоръ внушаетъ ему уваженіе, также и какъ охотникъ, потому что оба охотятся не какъ Францъ-Іосифъ, преслѣдующій только одну дичь, — трудно уловимую серну. Они оба радуются массѣ уловленной дичи и послѣ охоты проходятъ вдоль длиннаго фронта, какъ будто обходя ряды солдатъ.

Впрочемъ оба съ полнымъ правомъ считаютъ другъ друга миролюбивыми. Когда какая-то цыганка

предсказала эрцъ-герцогу, что изъ за него вспыхнетъ большая война, онъ высмѣялъ ее: онъ ни въ коемъ случаѣ не думалъ о побѣдныхъ лаврахъ. Его желаніемъ было снова укрѣпить изнутри это ветхое государство и для этого у него были свои предположенія.

Отнять у венгерцевъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ, Трансильванію, приблизить Румынію въ той или иной формѣ къ двуединой монархіи, исполнить давнишнее желаніе чеховъ — короноваться въ Прагѣ, какъ въ Будапештѣ, превратить дуализмъ въ тріализмъ, или же, если потребуется, заново перестроить всю имперію въ видѣ союзнаго государства, состоящаго изъ пяти частей. Таковъ былъ его планъ.

Но для этой цѣли нужно было, однако, защитить сербовъ отъ болгаръ извнѣ и отъ венгерцевъ изнутри, спасти вѣрныхъ хорватовъ изъ рукъ венгерскихъ ищеекъ и съ осторожностью отдѣлить другъ отъ друга родственные племена такъ, чтобы славяне чувствовали себя въ странѣ достаточно хорошо, и забыли о своемъ стремленіи къ отдѣленію. Францъ-Фердинандъ былъ другомъ сербовъ и въѣзжая на ихъ границу могъ надѣяться, что его и его жену встрѣтятъ съ привѣтливыми лицами.

* * *

Сіяютъ бѣлыя плоскія крыши низенькихъ домиковъ Сараева, рѣзко очерчиваясь въ синевѣ неба. Пестрятъ всѣми цвѣтами праздничные наряды и костюмы босняковъ подъ полуденнымъ солнцемъ издалека пришедшихъ въ городъ, въ жаждѣ поглядѣть на чуждаго князя, который скоро будетъ называться господиномъ страны.

Все смѣшалось въ общемъ гулѣ. Сегодня двойное празднество: къ боснякамъ пріѣзжаетъ въ гости престолонаслѣдникъ, но боснійскіе сербы*) празднуютъ день, въ который пять вѣковъ тому назадъ ихъ отцы

---

*) Босняки—сербы магометане считавшіеся преданными допрестолу Габсбурговъ.

были уничтожены въ битвѣ на Коссовомъ полѣ. Нація снова поминаетъ въ рѣчахъ и пѣсняхъ свое величайшее пораженіе.

Но въ этомъ году впервые этотъ день превратился въ день воскресенія, потому что они наконецъ разбили турокъ и болгаръ. А тѣ сотни тысячъ, которыхъ Австрія заставляетъ называться своими подданными, потому что Эренталь шесть лѣтъ тому назадъ похитилъ обѣ окупированныхъ провинціи — Боснію и Герцеговину, плоть отъ ихъ плоти, — чувствуютъ удвоенную злобу, потому что сегодня чужой престолонаслѣдникъ хочетъ навязать имъ свою особу, вмѣстѣ со своей женой, которая тамъ въ Вѣнѣ не считается полноправной. Такъ объяснили это горожанамъ и крестьянамъ адвокаты и разные агенты.

Но и поповскія рѣчи оживленно и смущающе будоражатъ сегодня возбужденныя сердца этого пестраго въ религіозномъ отношеніи народа, тѣснящагося на переполненныхъ улицахъ столицы. По римскому обряду молятся и исповѣдуются хорваты, православные — только сербы. И уже въ теченіе десятилѣтій ставится вопросъ, что здѣсь сильнѣе: религія, или раса? По религіи хорваты примыкаютъ къ западной Европѣ и, такимъ образомъ, къ Австріи; по крови — къ своимъ сербскимъ братьямъ. Сегодня мы спросимъ его—думаютъ одѣтые въ пестрое хорваты, — когда онъ на банкетѣ въ Конакѣ выпьетъ нѣсколько стакановъ тяжелаго сладкаго вина: будутъ ли изъ Будапешта продолжать обращаться съ нами какъ съ шайкой воровъ, или можетъ быть, въ Вѣнѣ, желаютъ вспомнить о нашемъ Яллачичѣ, который положилъ свой окровавленный мечъ на алтарь святого Стефана и спасъ Австрію отъ мятежныхъ венгерцевъ?

— Какъ много чужихъ сегодня въ городѣ, — думаетъ начальникъ полиціи, венгерскій докторъ, молча проѣзжая по улицамъ. Такъ какъ посѣщеніе должно было остаться *„чисто военнымъ“*, то охрана предоставлена войскамъ. Гражданской полиціи всего 150 чело-

вѣкъ и ей остается только заботиться о порядкѣ, какъ ежедневно.

— Какъ мало видно, солдатъ — думаетъ начальникъ полиціи и молчитъ. — Что думаетъ министръ въ Вѣнѣ? Почему онъ совершенно не заботится о безопасности? Но губернаторъ тоже не отдалъ никакихъ особыхъ распоряженій:—Неудобно—сказалъ онъ,—выстроить войска шпалерами, потому что эрцъ-герцогъ пріѣзжаетъ со своей супругой и, такимъ образомъ, это въ сущности говоря было бы въѣздомъ престолонаслѣдника.

Четыре автомобиля быстро минуютъ предмѣстье, издали слышны веселые, отнюдь не дикіе крики „Живіо", теперь они сворачиваютъ на набережную. Въ первомъ автомобилѣ правительственный комиссаръ и бургомистръ, во второмъ престолонаслѣдникъ со своей супругой, позади ихъ Потіорекъ, губернаторъ Босніи и Герцеговины, рядомъ съ шоферомъ графъ Гаррахъ, собственникъ машины, офицеръ автомобильныхъ войскъ. Въ третьемъ и въ четвертомъ автомобиляхъ слѣдуетъ свита. Толпа сгрудилась, возгласы становятся все громче. На самой отдаленной границѣ своего государства эрцъ-герцогъ ощущаетъ привѣтствіе въ такомъ спорномъ, подверженномъ бурямъ углу. Рядомъ съ нимъ его жена и, онъ видитъ, какъ она, точно настоящая императрица. благодарно отвѣчаетъ на привѣтственные крики. Этотъ моментъ слегка опьяняетъ его: изъ-за нея, а также потому, что онъ настоялъ на исполненіи своего долгіе годы лелѣяннаго желанія. Кортежъ приближался къ ратушѣ.

Вдругъ, въ половинѣ одиннадцатаго, справа отъ автомобиля раздается трескъ, какъ отъ ружейнаго выстрѣла, какая-то маленькая штучка падаетъ позади четы, ударяется о дверцы и отскакиваетъ: только при проѣздѣ слѣдующаго автомобиля бомба разрывается съ грохотомъ орудійнаго выстрѣла.

Всѣ автомобили останавливаются. Двое офицеровъ свиты ранены. Эрцъ-герцогъ посылаетъ имъ помощь, тяжело раненаго подполковника доставляютъ въ госпиталь. Тѣмъ временемъ террористъ побѣжалъ

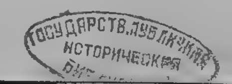
по Миляцкому мосту. За нимъ гонятся и схватываютъ его на другомъ берегу. Это австрійскій сербъ, молодой наборщикъ Габриновичъ. Черезъ 10 минутъ всѣ ѣдутъ дальше.

Ратуша, — встрѣча отцами города. Эрцъ-герцогъ блѣдный и гнѣвный рѣзко спрашиваетъ: *„Здѣсь, слѣдовательно, гостей встрѣчаютъ бомбами?“* Никто не отвѣчаетъ. Бургомистръ съ ужасомъ держитъ свою рѣчь, всѣ взволнованно и безпокойно слушаютъ ее. Когда эрцъ-герцогъ собирается отвѣтить онъ замѣчаетъ, что его голосъ дрожитъ и съ усиліемъ подавляетъ нервность. Его жена принимаетъ женъ сливокъ мѣстнаго общества. Развѣ она и онъ не чувствуютъ насколько смѣшна эта сцена, отъ которой они въ сущности говоря такъ много могли ожидать и которая разыгрывается въ атмосферѣ мѣщанской дѣйствительности? Стоило ли подвергать свою жизнь опасности отъ которой едва удалось уйти, чтобы въ этомъ низенькомъ домикѣ, которому при помощи пары ковровъ съ трудомъ былъ приданъ праздничный видъ, раздались двѣ банальныя рѣчи?

Они выходятъ наружу. Толпа апплодируетъ все сильнѣе. Графъ Гарахъ съ удивленіемъ спрашиваетъ губернатора: *„Развѣ Ваше Превосходительство не вытребовало войскъ для охраны Его Императорскаго Высочества.*

„Вы развѣ думаете графъ, что Сараево полно террористами?—ѣдко отвѣчаетъ губернаторъ.

Блѣдный, съ трудомъ владѣя собой, эрцъ-герцогъ мѣняетъ программу, хочетъ одинъ поѣхать въ госпиталь посѣтить раненаго, жена должна выѣхать впередъ въ Конакъ, гдѣ состоится банкетъ. Но она настаиваетъ на томъ, чтобы провожать его. Молча онъ уступаетъ ей. Изъ предосторожности рѣшаютъ ѣхать другой дорогой, не намѣченной раньше. Молодой графъ Гаррахъ, который не могъ настоять ни на чемъ другомъ, желаетъ стоять рядомъ съ эрцъ-герцогомъ на лѣвой подножкѣ. Эрцъ-герцогъ недовольно восклицаетъ: *„Да оставьте же эти глупости.“* Четыре авто-

мобиля слѣдуютъ прежнимъ порядкомъ, но только гораздо быстрѣе.

Толпа увеличилась, стала безпокойнѣе, кричитъ живіо, но только тогда, когда какая-то старушка крикнула по чешски наздаръ, на блѣдныхъ губахъ Софіи появляется улыбка. Въ началѣ улицы Франца-Іосифа, находившейся на первомъ пути, люди безъ всякаго вмѣшательства полиціи очистили путь для проѣзда.

„*Вслѣдствіе фатальнаго недоразумѣнія*“ первый автомобиль сворачиваетъ за уголъ, въ поперечную улицу. Введенный этимъ въ заблужденіе шоферъ второго автомобиля слѣдуетъ за первымъ, но губернаторъ, который только что далъ этотъ ѣдкій отвѣтъ, тотъ самый Потіорекъ, который за все отвѣтственъ, кричитъ шоферу, что онъ ошибся и велитъ ему ѣхать дальше по набережной. Благодаря этому автомобиль подъѣзжаетъ очень близко къ правому тротуару, въ то время какъ шоферъ замедляетъ темпъ ѣзды.

Внезапно, съ правой стороны улицы, на разстояніи неполныхъ трехъ метровъ раздаются два выстрѣла. Въ первый моментъ кажется, что никто не задѣтъ. Губернаторъ, который слишкомъ поздно замѣчаетъ, что Сараево полно террористами, подскакиваетъ въ сидѣніи и велитъ шоферу снова поѣхать обратно, чтобы достигнуть другого мѣста. При этомъ движеніи герцогиня падаетъ на грудь своего мужа. Губернаторъ слышитъ, какъ оба супруга бормочутъ нѣсколько словъ. Теперь только этому человѣку приходитъ въ голову, что быть можетъ что-нибудь случилось.

Но эрцъ-герцогъ сидитъ прямо. Сбѣжалась свита. Еще никто не замѣчаетъ, что онъ пораженъ пулей и всѣ думаютъ, что его жена просто упала въ обморокъ. Но вотъ на его губахъ показывается кровь, онъ полуопрокидывается наискось, растегиваютъ его мундиръ: справа на шеѣ изъ большой артеріи хлещетъ кровь по зеленому генеральскому мундиру, по мягкому сидѣнью автомобиля.

Герцогиня, прислонившись къ нему, какъ бы ища у него защиты—безъ сознанія. Но на ней не видно

ранъ. Ѣдутъ къ губернаторскому дому. Ихъ вносятъ наверхъ, рядомъ съ залой, гдѣ охлаждаются бутылки съ шампанскимъ. Врачи устанавливаютъ, что она ранена въ полость живота, а онъ истекъ кровью, благодаря раненію въ артеріи. Францисканскій монахъ даетъ имъ вмѣстѣ отпущеніе грѣховъ, потомъ приходитъ архіепископъ, предупреждавшій его. Черезъ четверть часа онъ мертвъ, онъ Францъ-Фердинандъ, эрцъ-герцогъ Австріи и Эсте, престолонаслѣдникъ габсбургской монархіи. За нѣсколько минутъ до него— Софія, графиня Хотекъ, герцогиня Гогенбергъ, единственный человѣкъ, котораго признавалъ этотъ мизантропъ и какъ разъ къ этому человѣку плохо относился окружающій міръ. Можетъ быть ей предназначались его послѣднія слова, а ея слова — ему: никто не понялъ ихъ. Никто не горевалъ о немъ, только дѣти плачутъ въ Бельведерскомъ замкѣ.

Тѣмъ временемъ толпа схватила убійцу. Онъ гимназистъ, 19 лѣтъ отъ роду, сербъ по національности, австріецъ по подданству. Его имя вдвойнѣ символическое: Гавріилъ Принципъ. „Вѣстникъ?“ Почему вѣстникъ? И вѣстникъ какого принципа?

* *
*

Три часа спустя въ Кильской бухтѣ моторная лодка приближалась къ императорской яхтѣ Гогенцоллера. Императоръ Вильгельмъ въ качествѣ адмиала сталъ на палубѣ, подъ парусами и руководилъ гонками. Когда онъ обращалъ свой взглядъ немного на Востокъ, то онъ видѣлъ при этомъ пару черныхъ судовъ, очертанія которыхъ вырисовывались на солнцѣ. На нихъ развѣвался англійскій флагъ. И Черчиль морской министръ тоже собирался прибыть вмѣстѣ съ этими англійскими судами, которые впервые, послѣ 19 лѣтъ снова появились на Кильской недѣлѣ, но Тирпицъ воспротивился: *„сѣсть за одинъ столъ съ этимъ авантюристомъ“*. Императоръ не чувствовалъ отсутствія этого англичанина, съ него было достаточно вчерашняго разсказа его посла о миролюбіи Англіи.

Да, Бріана онъ ожидалъ. Съ этимъ гражданиномъ Парижа, приглашеннымъ имъ черезъ посредство князя Монакскаго, онъ поговорилъ бы, но тотъ уклонился отъ пріѣзда. Почему?

Осторожность, недовѣріе въ отношеніяхъ этихъ трехъ государствъ. Маленькій итальянецъ тоже становился все болѣе сдержаннымъ. Можно ли было вообще полагаться на кого нибудь, кромѣ стараго владыки въ Вѣнѣ?

Моторная лодка причалила къ борту. Съ нея подаютъ знаки. Императоръ дѣлаетъ отрицательный жестъ: пусть его оставятъ въ покоѣ. Но офицеръ въ лодкѣ не уступаетъ; высоко подымаетъ депешу, аккуратно вкладываетъ въ футляръ и бросаетъ его на бортъ. Ординарецъ поднимаетъ брошенный футляръ и вытягивается во фронтъ передъ Его Величествомъ. Императоръ читаетъ о случившемся въ Сараево. Онъ кусаетъ себѣ губы, потомъ произноситъ: „*Теперь я долженъ снова начинать сначала.*“ Гонки прекращаются. Кильская неделя кончена. На борту взадъ и впередъ шагаетъ императоръ. Быть можетъ онъ думаетъ:

Цареубійцы! Эти сербскія свиньи мнѣ всегда были противны! Безъ всякой религіи въ душѣ! Какъ онъ выглядѣлъ, этотъ Петръ, тогда, когда я имѣлъ честь его видѣть! Если попадаешь на тронъ при помощи убійства, то нельзя взращивать въ себѣ сознаніе высоты своей миссіи. У насъ абсолютно невозможно... Слѣдовательно, сейчасъ на очереди маленькій Карлъ. Совершенное ничтожество, но зато строго легитимный, значитъ однѣми любезностями съ нимъ трудно будетъ справиться. Стоило добрую, толстую Хотекъ повести къ столу, какъ Франца можно было склонить на что угодно....Придется поѣхать въ Вѣну. Но какъ же ихъ тамъ похоронятъ? Въ императорскую усыпальницу она никакъ не можетъ попасть. Кромѣ того, старый монархъ терпѣть ее не могъ. Въ сущности говоря, онъ былъ славный малый. Не перешагнувъ еще пятаго десятка, онъ успѣлъ уложить пять тысячъ оленей: вотъ это достиженіе. Только никакого понятія о чемъ нибудь высшемъ. Музыка и поэзія,—высшія блага человѣчества—

вызывали въ немъ скуку и мѣшали ему. Въ лучшемъ случаѣ старинныя вещи. Къ сожалѣнію и никакіе языки не интересовали его. Иногда онъ неожиданно бывалъ тихимъ до жути... Примутъ ли вѣнцы мѣры, въ виду того, что этотъ типъ сербъ? Ничего подобнаго, эти герои всегда страдаютъ медвѣжьей болѣзнью. Телеграмма!

И онъ пишетъ: Глубоко потрясенъ, получивъ извѣстіе объ этомъ отвратительномъ убійствѣ.

* * *

Какъ же было это возможно!—воскликнула вся Европа. Горе людямъ, обреченнымъ отвѣтственностью! Имъ придется жестоко поплатиться за это.

Творятся удивительныя вещи, на удивительныя вещи не обращается вниманія. Мало времени продолжается слѣдствіе, удивительной таинственностью обставлено оно. Развѣ здѣсь собираюсся щадить когонибудь? Что будетъ съ Потіорекомъ— Его превосходительствомъ, губернаторомъ, поручившимся за безопасность и еще послѣ перваго взрыва принявшемъ обиженный видъ? Который въ промежуткѣ между бомбами не велѣлъ вызвать войскъ для охраны своего господина? Который въ самомъ критическомъ мѣстѣ, гдѣ никто не въ состояніи быстро ѣздить, замѣтилъ неправильное направленіе, исправилъ его, поѣхалъ назадъ и даже не замѣтилъ, что его Господинъ со своей супругой уже успѣли истечь кровью? И хотя онъ не могъ защищаться, но тѣмъ охотнѣе съ него ничего не взыскивается.

Что можетъ показать Начальникъ Управленія рыцарь фонъ Билинскій, который, очевидно, зналъ больше чѣмъ это было желательно эрцъ-герцогу? И не будетъ ли строго допрошенъ его начальникъ полиціи, люди котораго оставили спокойно стоять „*шесть, или семь*" знакомыхъ имъ фигуръ, вооруженныхъ бомбами и револьверами на улицѣ, по которой совершался въѣздъ и послѣ первой бомбы? Ни одинъ полицейскій не подвергается аресту. Развѣ за ними стоятъ болѣе могущественныя силы?

Комендантъ Загреба впослѣдствіи,—не передъ судомъ,—слѣдовательно это трудно проконтролировать, довѣрилъ по секрету своимъ друзьямъ: въ началѣ іюня онъ получилъ изъ Бѣлграда анонимный доносъ, въ которомъ упоминались имена будущихъ террористовъ. Онъ передалъ этотъ доносъ правительству Хорватіи, а оно въ свою очередь Венгерскому правительству. Но изъ Будапешта въ Загребъ не приходитъ никакого отвѣта и, такимъ образомъ, никто не уполномоченъ наблюдать за объявленными убійцами, когда они дѣйствительно, съ пунктуальной точностью, переходятъ черезъ границу. Въ этотъ промежутокъ времени загребскій юристъ д-ръ Галіарди является въ полицію съ тѣми же предупреждающими извѣстіями. Но и по поводу этого протокола венгерское правительство хранитъ молчаніе.

Но въ то время, когда такъ по братски щадятъ своихъ людей, то есть по-просту они щадятъ другъ друга, весь гнѣвъ и месть находятъ свободный выходъ въ сторону сербовъ, которые должны быть виновны въ этомъ убійствѣ, какъ нація. Хотя бы видны были нити, ведущія въ Бѣлградъ. Такія недежды таитъ Вѣна. Хотя бы одинъ сербскій министръ былъ замѣшанъ—тогда, наконецъ, можно будетъ взять ихъ за шиворотъ.

— Извлеките все, что только можете! — Такимъ восклицаніемъ напутствуютъ изъ Баллплаца г-на фонъ Виснера, отправляющагося съ порученіемъ быстро проштудировать всѣ акты на мѣстѣ. Матеріалъ, г-нъ совѣткикъ отдѣла, противъ сербскаго правительства!

Тотъ ищетъ и роется изо всей мочи. Но спустя 14 дней, онъ, какъ честный человѣкъ, въ состояніи протелеграфировать въ Вѣну только слѣдующее: Во первыхъ: „*Матеріалы, относящіеся ко времени до покушенія не даютъ никакихъ данныхъ за то, что сербское правительство развивало пропаганду. Но о томъ, что это движеніе, исходящее изъ Сербіи, пользуясь терпимостью со стороны сербскаго правительства, поддерживается разными организаціями, матеріалы имѣются, хотя скудные, но вполнѣ достаточные.* Во

вторыхъ: *Причастность сербскаго правительства къ руководству покушеніемъ, или его подготовкѣ и, доставкѣ оружія ничѣмъ не доказана... Наоборотъ, есть указанія на то, что это совершенно исключено.* Въ третьихъ: *Происхожденіе бомбъ изъ сербскаго военнаго арсенала безспорно доказано, но это еще не значитъ что онѣ только теперь auf hoc взяты со склада. Онѣ могли быть взяты изъ запаса комитаджіевъ, со времени войны. Прочія наблюденія послѣ покушенія даютъ возможность заглянуть въ организацію пропаганды союза НароднаОтбрана". Здѣсь налицо цѣнный, годный къ употребленію матеріалъ, который однако еще не провѣренъ. Быстрое разслѣдованіе уже въ ходу."* По отчету единственными почти навѣрное виновными являются: пограничные и таможенные чиновники, одинъ сербскій маіоръ и какой-то боснійскій желѣзнодорожный служащій.

Политическихъ послѣдствій, слѣдовательно, не приходится опасаться: хорваты и венгры должны быть „виноватыми", сербы съ вѣсомъ и положеніемъ обвиняться не могутъ.

Тѣмъ временемъ убійцы подвергаются допросу. Одинъ изъ нихъ, Габриновичъ, сынъ австрійскаго подданаго изъ Сараево, взялъ на себя руководство, вышколилъ и посвятилъ своего младшаго товарища, и контрабанднымъ путемъ доставилъ оружіе черезъ границу. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими они составили въ Бѣлградѣ заговоръ на жизнь престолонаслѣдника.

Не былъ ли этотъ день тождествомъ? Пріѣздъ эрцъгерцога совпалъ съ тѣмъ самымъ днемъ, въ который ихъ отцы нѣкогда были разбиты турками. Но одновременно молодой Милошъ Обиличъ закололъ Мурада —побѣдителя и сталъ національнымъ героемъ. И по сей день имя Милоша звучитъ въ народныхъ пѣсняхъ. Стать вторымъ Милошемъ,—хотя бы это стоило жизни!

Принцинъ четыре года обучался въ Бѣлградской гимназіи, потомъ сблизился съ національными организаціями и, такимъ образомъ, воспитанный въ велико-

сербскихъ идеяхъ, молодой человѣкъ съ мрачными и рѣшительными чертами лица заявляетъ передъ судомъ.

„Я считалъ эрцъ-герцога нашимъ смертельнымъ врагомъ, онъ хотѣлъ помѣшать объединенію всѣхъ южныхъ славянъ!“ Поэтому онъ рѣшилъ убить его, но потомъ и себя, чтобы все осталось въ тайнѣ. Каждаго, который привлекается къ этому дѣлу онъ защищаетъ, отказывается называть имена, чтобы оберегать другихъ, онъ никогда не извлекалъ выгодъ изъ своихъ мыслей. Онъ хотѣлъ свободно пожертвовать своей жизнью во имя высшей мечты своего народа. Онъ выступаетъ мужественно, просто, съ однобокимъ идеализмомъ анархиста. Ничто не говоритъ противъ него, кромѣ совершеннаго дѣла, которое онъ счелъ единственно пригоднымъ средствомъ. Его приговариваютъ къ 20 годамъ каторги. Послѣ трехъ лѣтъ заключенія въ темной камерѣ онъ умираетъ. Трехъ другихъ казнятъ.

Но отчетъ Виснера не предается гласности и даже не сообщается союзнику; сербское правительство должно остаться виновнымъ.

Надъ страной бурно надвигается черный туманъ. Факелы бросаютъ фантастическій свѣтъ на промокшую дорогу передъ двумя высокими черными повозками, въ которыхъ гробы убитыхъ супруговъ, качаясь приближаются къ Дунаю. Они ѣдутъ въ Артштеттенъ, гдѣ эрцъ-герцогъ самъ выстроилъ свой могильный склепъ. Лучше вмѣстѣ съ Софіей лежать въ нашемъ имѣніи, чѣмъ безъ нея въ усыпальницѣ капуциновъ, — такъ нѣкогда думалъ Францъ Фердинандъ, который больше чѣмъ всѣ символы власти любилъ эту женщину.

Внезапно разразилась сильная гроза; распрягаютъ лошадей, ждутъ, несутъ гробы обратно въ маленькую залу станціи Пехларнъ, снова стоятъ они холодные и молчаливые рядомъ съ ящиками и чемоданами, какъ будто имъ не суждено найти покоя, который они искали со дня на день послѣ долгаго похороннаго путешествія. Позднимъ вечеромъ достигаютъ

они Дуная, тяжело катящаго подъ проливнымъ дождемъ свои волны.

Пехларнъ. Здѣсь нѣкогда правилъ графъ Рюдигеръ. И когда гробы, наконецъ, на черной баржѣ переплываютъ Дунай внезапно появляется изъ мрака фигура Гагена. Гизельгеръ, Кримгильда, и Этцель тоже здѣсь, собираясь черезъ тысячу лѣтъ молча принять своего потомка.*)

Здѣсь, на томъ же самомъ изгибѣ Дуная, когда-то возникъ мiровой пожаръ, потому что въ Вормсѣ палъ безвинный.

Глава II

Воинственные графы.

Глубоко усѣвшись въ покойныхъ креслахъ стиля барроко, перекинувъ стройныя ноги, въ плотно облегающихъ свѣтло сѣрыхъ костюмахъ сидятъ два графа средняго возраста, въ золотисто-красномъ рабочемъ кабинетѣ вѣнскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Черезъ высокiя открытыя окна проникаетъ липовый ароматъ изъ народнаго сада. Въ началѣ iюля еще въ Вѣнѣ? Развѣ у нихъ государственные дѣла? Да, они обсуждаютъ вопросъ можно ли ходить въ желтой чесучѣ или только въ сѣромъ. Придворный трауръ лѣтомъ всегда дѣйствуетъ фатально и черный крепъ, который они носятъ на лѣвомъ рукавѣ въ сочетанiи съ желтымъ давалъ бы австрiйскiе нацiональные цвѣта. Глухо разговаривая оба пытаются возбудитъ другъ въ другѣ мрачныя настроенiя, обсуждая вопросы этикета. Въ дѣйствительности же оба радостно оживлены благодаря сараевскому происшествiю.

Имена этихъ императорскихъ и королевскихъ кавалеровъ?

---

*) Дѣйствующiя лица изъ „Пѣсни о Нибелунгахъ.“
Прим. переводчика.

Онѣ очень длинны и исторія назоветъ ихъ только Берхтольдъ и Форгачъ. Но такъ какъ мы подслушиваемъ ихъ въ ихъ историческій моментъ, то историческая точность требуетъ представить ихъ. Леопольдъ графъ Берхтольдъ фонъ-и-цу Унгаршитцъ, Фраттингъ и Пуллитцъ, министръ императорскаго и королевскаго двора и иностранныхъ дѣлъ соединенныхъ королевствъ и странъ. Овальная голова, немного острый подбородокъ, тонкій носъ, утомленные глаза, рано облысѣвшій лобъ, коротко подстриженные усы надъ мягкимъ чувственнымъ ртомъ. Онъ одинъ изъ самыхъ элегантныхъ кавалеровъ Вѣны, цинично-усталый, обаятельный, если ему этого хочется, милый, когда это необходимо, поверхностный въ мышленіи, легкомысленный въ дѣйствіи, нерѣшительный, когда надо принимать рѣшенія, съ выраженіемъ пресыщеннаго человѣка и спортсмена, который охотнѣе тренируетъ лошадей для скачекъ и для боя, чѣмъ самъ ѣздитъ верхомъ, который вообще охотнѣе всего съ трибуны направляетъ и наблюдаетъ за жизнью, чтобы ради своихъ идей заставить стартовать жеребца и генерала, солдата и жокея.

Другой выглядитъ болѣе мужественнымъ, это типъ гусарскаго ротмистра, брюнетъ, мадьяръ. Тоже звучное имя: графъ Форгачъ фонъ Гаймсъ и Гачъ, до недавняго времени посланникъ двуединой монархіи въ Бѣлградѣ, гдѣ онъ въ процессѣ Фридъюнга попался на подложныхъ документахъ, при помощи которыхъ Австрія боролась со своими хорватами. Онъ слѣдовательно, достаточно испытанъ на дипломатической службѣ, чтобы теперь быть товарищемъ министра, при своемъ собесѣдникѣ и одновременно тайнымъ чрезвычайнымъ посломъ Венгріи при графѣ Берхтольдѣ. Это онъ, который въ теченіе трехъ лѣтъ все время подстрекаетъ быстро устающаго министра: что-нибудь должно случится!

Прошлый годъ — между нами говоря, былъ большимъ позоромъ для Берхтольда. Эта хартія, Бухарестскій миръ, должна быть вытравлена. Такова основная мысль честолюбиваго графа. Тогда увеличи-

лась территорія и сила трехъ балканскихъ государствъ, въ особенности Сербіи. Пришлось стать въ смѣшное положеніе передъ военными, которые два раза напрасно производили мобилизацію. Пересмотръ неизбѣженъ, если вообще еще хочется остаться на должности и сохранить престижъ. Годъ тому назадъ Болгарія обѣщала сербамъ военную помощь также противъ насъ, хотя мы повсюду поддерживали свободу Болгаріи. Въ то время Берлинъ заворчалъ и поддерживалъ противъ васъ оба неславянскихъ государства, Румынію и Грецію. Два тяжелыхъ пораженія министра.

Теперь наступилъ моментъ реванша! Для этого не нужно громкихъ словъ, вполнѣ достаточны старые золотые слова о престижѣ. Развѣ позади еврейской прессы не стоятъ и безъ того почти исключительно враждебные сербамъ демократы? И, если даже никто изъ гражданъ терпѣть не могъ престолонаслѣдника, развѣ за исключеніемъ Тироля, гдѣ его сдѣлало популярнымъ папское благословеніе, то все же будетъ легко инсценировать крикъ оскорбленнаго народа: престижъ Австріи въ опасности передъ лицомъ сербскихъ убійцъ. Такимъ образомъ Баллплацъ укрѣпляется, Извольскій скрежещетъ зубами, Санъ-Джуліано испускаетъ легкій свистъ сквозь зубы. А берлинцы, которые всегда ругаютъ насъ за вялость, широко раскрываютъ ротъ.

Каждый день возрастаютъ внутреннія опасности.

Повсюду царитъ отчаяніе, ненависть, бушуютъ страсти, обструкція, путаница языковъ. Правительственные чиновники ведутъ переговоры, вмѣсто того чтобы дѣйствовать. Парламентаріи, лишенные мужества. Тонкій слой интеллигенціи въ большихъ городахъ современнаго типа прикрываетъ огромную массу тяжелыхъ на подъемъ мужиковъ, которые не умѣютъ ни писать, ни читать, цѣпляются за землю, въ Трансильваніи еще охотятся на медвѣдей, или въ Сѣверной Богеміи поставляютъ рабочихъ для фабрикъ. Крамаржъ можетъ узнать о томъ, что монархія еще жива только въ случаѣ, если будетъ проявленъ сила.

Но мобилизовать въ третій разъ и тогда еще не выступить противъ врага? Тогда ружья начнутъ стрѣлять внутри страны и переворотъ тутъ какъ тутъ. Значитъ о дипломатическихъ побѣдахъ не можетъ быть и рѣчи! Каждое униженіе дѣлаетъ этихъ сербскихъ бандитовъ еще болѣе дерзкими. Или мы должны отнять у нихъ свиней или же начинать. Со времени Бухарестскаго мира въ Босніи, почти наполовину населенной сербами, совершенно невозможно дышать. Этотъ полякъ Билинскій кажется тоже начинаетъ задирать. Значитъ надо удержать румынъ по крайней мѣрѣ на нейтральномъ положеніи, осторожно перетянуть къ себѣ Фердинанда, а затѣмъ Берлинъ.

Берлинъ! Когда еще будетъ подобный случай! Цареубійство автоматически дѣйствуетъ на Вильгельма: карательная экспедиція, какъ противъ Китая, заговоръ противъ дома Габсбурговъ, бронированный кулакъ, блестящее вооруженіе! Значитъ нуженъ парадъ по всѣмъ правиламъ. Собственноручное письмо стараго монарха. Кого же послать въ Потсдамъ? Развѣ что маленькаго Гойеса, тѣ тамъ очень любятъ его, и онъ будетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы старый Седени не болталъ глупостей. Но какъ же посвятить въ это дѣло стараго монарха? Въ концѣ концовъ все исходитъ отъ его имени и если произойдетъ неожиданный взрывъ, онъ можетъ испугаться до смерти, тогда на престолъ взойдетъ мальчишка и съ нами кончено. Что можно было бы потребовать отъ Берлина? Общее обязательство въ стилѣ Нибелунговъ: попадутся ли они на эту удочку? Тамъ все возможно. Имѣя подобное согласіе въ карманѣ можно дѣйствовать безъ всякихъ дальнѣйшихъ стѣсненій. Гетцендорфъ уже въ теченіе пяти лѣтъ сгораетъ отъ нетерпѣнія, а Кробатинъ въ теченіе трехъ. *„Съ Сербіей можно въ четыре недѣли покончить“*, сказалъ онъ вчера. Значитъ, быстро, прежде чѣмъ Россія будетъ знать, что случилось съ ея возлюбленнымъ сыномъ. Впрочемъ всѣ облегченно вздыхаютъ по поводу того, что Вильгельмъ не пріѣдетъ на похороны: иначе оба

ихъ величества снова обнялись бы со слезами мира на глазахъ. Всѣ полны радостью боя, нѣкоторые считаютъ даже невозможнымъ локализацію конфликта.

Опасности? Развѣ русскіе не ретировались благородно пять лѣтъ тому назадъ, когда Эренталь забралъ обѣ провинціи? Русскій колоссъ стремится къ открытому Южному морю, имѣя на это такое же право, какъ и маленькій сербъ: значитъ наша историческая задача помѣшать обоимъ. Если же они все-таки захотятъ, — какъ же тогда сохранить миръ? Чѣмъ скорѣе случится столкновеніе, тѣмъ лучше для насъ! Къ тому же Пашичъ, этотъ воръ и убійца, собственно говоря и не противникъ, ради котораго стоило бы пожертвовать своимъ отдыхомъ. Но великая борьба съ Россіей прекраснѣйшая цѣль, которую даже Эренталь не сумѣлъ достигнуть! Черезъ два года русскіе выстроятъ всѣ свои желѣзныя дороги. Кто можетъ гарантировать намъ это мѣсто черезъ два года? Значитъ быстро! Начнемъ составлять собственноручное письмо для нашего всемилостивѣйшаго государя!

Немного времени спустя графъ Берхтольдъ писалъ своему посланнику въ Римъ, что прослѣдить всѣ возможности ближайщихъ недѣль значило бы предпринять прогулку по лабиринту. *„Прежде всего у меня чувство, что я призванъ провидѣніемъ быть причисленнымъ къ числу министровъ, которые хотѣли дѣлать мирную политику, а должны были вести политику войны—отъ кардинала Флери до Ламсдорфа**), — *будемъ надѣяться съ большимъ успѣхомъ чѣмъ послѣдній представитель этого направленія"*.

* * *

Графъ Тисса противъ этого.

Самый способный человѣкъ во всей странѣ одновременно и самый могущественный, онъ противъ

---

*) Россійскій министръ ин. дѣл. во время русско-японской войны, противникъ манджурской и корейской авантюры.
Прим. переводчика.

сербской войны, которую придумали два другихъ графа. Помѣшаетъ ли онъ начать войну своимъ властнымъ словомъ? Быть можетъ разумъ воплотится въ этого жилистаго венгерца? Быть можетъ онъ серьезный европеецъ, который, сознавая страшную отвѣтственность, желаетъ во всякомъ случаѣ избѣжать войны только для того, чтобы она не случилась?

Онъ не похожъ на пацифиста. Лучшій фехтовальщикъ и лучшій ораторъ во всей странѣ, мужественный, упорный, скрывая волю къ власти легкими жестами, человѣкъ вчерашняго дня, по своему олигархическому міровоззрѣнію, не лояльный по отношенію къ другой половинѣ государства, въ основѣ настроенный противъ всего, что находится внѣ Венгріи: но въ этихъ рамкахъ государственный человѣкъ и знатокъ людей, всегда подвижный, неутомимый, повсюду, гдѣ онъ появляется — первый. При томъ онъ выглядитъ какъ школьный учитель въ своемъ старомодномъ костюмѣ. Похоже также на то, что этотъ мастеръ рапиры постоянно носитъ фехтовальную маску на лицѣ, потому что большіе совиные очки скрываютъ его пытливый взглядъ отъ пытливыхъ взглядовъ другихъ. Въ его продолжительномъ молчаніи, быстрыхъ эпиграмматическихъ чертахъ въ сочетаніи физической и духовной подвижности есть нѣчто отъ героя романа стараго стиля и все это дѣйствуетъ на интересныхъ женщинъ.

Графъ Стефанъ Тисса со смѣшанными чувствами принялъ телеграфное извѣстіе объ убійствѣ врага венгровъ Франца Фердинанда. Теперь больше не было угрозы всеобщаго избирательнаго права, при помощи котораго наслѣдникъ престола собирался сломить въ Венгріи господство мадьяръ надъ саксонцами, румынами, хорватами и словаками, теперь „*тріализмъ*“, самостоятельная Юго-Славія, разсѣялась какъ дымъ. И все благодаря одному единственному выстрѣлу. Стоило ли графу Тисса первые четверть часа чувствовать себя несчастнымъ?

Но во вторые четверть часа политикъ пришелъ

втупикъ: не воспользуется ли честолюбивый Берхтольдъ хорошимъ предлогомъ, чтобы послѣ столькихъ попытокъ наконецъ ударить по Сербіи? Дастъ ли Форгачъ уломать себя своимъ вѣнскимъ друзьямъ? Въ глазахъ Тиссы нѣтъ ничего опаснѣе, чѣмъ побѣда надъ Сербіей: она увеличила бы число славянскихъ подданныхъ монархіи на нѣсколько милліоновъ и, такимъ образомъ, нарушила бы священный законъ равновѣсія между Венгріей и Австріей въ пользу послѣдней, взбудоражила бы также хорватовъ и румынъ, въ его собственной странѣ, и, стало быть, подвергнула опасности всю его политику, основанную на подчиненіи всѣхъ прочихъ народностей мадьярамъ.

Въ Вѣнѣ Тисса скоро узнаетъ, что Берхтольдъ дѣйствительно собирается воевать. Значитъ теперь надо быстро пригрозить старому монарху и Тисса пишетъ своему императору: „. . . *что я намѣреніе графа Берхтольда сдѣлать отвратительное злодѣяніе въ Сараево поводомъ къ разсчету съ Сербіей не могу одобрить. Я не скрылъ отъ графа Берхтольда, что я счелъ бы это роковой ошибкой и ни въ коемъ случаѣ не согласился бы раздѣлить за это отвѣтственность. Прежде всего мы до сихъ поръ не имѣемъ достаточно вѣскихъ основаній, чтобы быть въ состояніи возложить отвѣтственность на Сербію и, несмотря на возможныя удовлетворительныя объясненія сербскаго правительства, спровоцировать войну съ этимъ государствомъ. Наше положеніе было бы самымъ худшимъ, какое себѣ только можно представить. Въ глазахъ всего міра мы были бы нарушителями мира и начали бы большую войну, при наличіи самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Во вторыхъ, я считаю весьма неблагопріятнымъ данный моментъ, когда мы Румынію почти что потеряли, а Болгарія единственное государство, на которое мы можемъ разсчитывать, совершенно переутомлена. При теперешнемъ положеніи на Балканахъ меня бы меньше всего опечалила невозможность найти поводъ къ войнѣ.*“ И онъ самымъ настоятельнымъ образомъ совѣтуетъ, наконецъ, привлечь симпатіи Германіи къ Болгаріи, использовать присут-

ствіе германскаго императора, *„чтобы бороться съ симпатіями этой высокой особы Сербіи, пользуясь послѣдними возмутишельными событіями и побудить его къ дѣятельной поддержкѣ нашей балканской политики.“*

Это письмо, маленькій шедевръ, изумительное фехтованіе, въ которомъ удары и парированье ударовъ секунда за секундой слѣдуютъ другъ за другомъ. Если онъ одновременно довольно ясно угрожаетъ отставкой, то, какъ дикктаторъ Венгріи, онъ угрожаетъ венгерскимъ вето. Ясно видно, что Тисса держитъ рѣшеніе въ своихъ рукахъ. Останется ли онъ твердымъ?

* * *

Быстро вернувшись съ похоронныхъ торжествъ старый императоръ сидитъ въ своей виллѣ въ Ишлѣ, въ охотничьемъ костюмѣ, изучая свое собственноручное письмо,, которое изготовилъ для него Берхтольдъ, его министръ иностранныхъ дѣлъ. Если только долгій опытъ способенъ формировать государственныхъ людей, то Францу-Іосифу на старости лѣтъ слѣдовало бы быть умнѣе, чѣмъ въ молодости. То обстоятельство, что онъ больше не желаетъ войнъ, послѣ того какъ онъ проигралъ рѣщительно всѣ, ни въ коемъ случаѣ не дѣлаетъ изъ него пацифиста во что бы то ни стало. Несмотря на всю изолированность испанскаго этикета, которымъ этотъ послѣдній историческій императоръ окружаетъ свою особу, онъ обладаетъ чуткимъ слухомъ, къ тому, куда зовутъ его люди, онъ чуетъ и взвѣшиваетъ чего желаютъ офицеры и чиновники, нѣмецкіе и венгерскіе, послѣдняя опора его искусственнаго трона. Его сердце не трогаетъ смерть племянника. Онъ никогда не могъ терпѣть его, но его невозможный бракъ сдѣлалъ его для старика настолько ненавистнымъ, что онъ при полученіи извѣстія объ убійствѣ обоихъ супруговъ, видитъ въ этомъ только Божій судъ, и тутъ же говоритъ своему адъютанту. „Нельзя посылать вызова Всемогущему“. Черезъ три дня послѣ этого жестокаго изреченія онъ взвѣшива-

етъ виды на оленью охоту, которая въ концѣ концовъ послѣ всѣхъ потерь оставалась послѣдней радостью его жизни. Его мало касается, кто будетъ править послѣ него. Онъ, повидимому, догадывается, что это государство, со столькими центробѣжными силами, держится только при помощи общей для всѣхъ робости передъ его возрастомъ, робости которая возвышается до почтенія, потому что достоинство и высота устраняютъ интимность съ этимъ прирожденнымъ императоромъ еще больше, чѣмъ даже съ царемъ всея Руси.

Несмотря на это не надо быть утомленнымъ, надо слѣдить за тѣмъ, что шевелится внутри страны и въ случаѣ необходимости стремиться заглушить внутреннюю опасность, при помощи внѣшней. Нѣсколько дней тому назадъ онъ сказалъ германскому послу, который пришелъ передать извиненія за отсутствіе императора Вильгельма. *„Я вижу будущее въ весьма мрачномъ свѣтѣ... и не знаю, сумѣемъ ли мы еще дольше спокойно смотрѣть на положеніе вещей и я надѣюсь, что и Вашъ императоръ понимаетъ опасность, заключающуюся для монархіи въ сербскомъ сосѣдствѣ. Что меня особенно безпокоитъ,—это русская пробная мобилизація, назначенная на эту осень, слѣдовательно, какъ разъ въ то время, когда у насъ происходитъ новый призывъ и увольненіе въ запасъ. Съ такими разумными людьми, какъ Венизелосъ и Стрейтъ, конечно можно будетъ идти дальше по этому разумному пути. Если я, конечно, не питаю никакихъ симпатій къ царю Фердинанду, то все же Болгарія большая страна и способна къ значительному развитію. Болгарія, кромѣ быть можетъ Греціи, единственно балканское государство, которое не имѣетъ никакихъ интересовъ, противорѣчащихъ австрійскимъ. Поэтому, я считаю правильнымъ поддерживать добрыя отношенія съ этой страной... Я знаю, что вашъ императоръ имѣетъ полное довѣріе къ королю Каролю У меня его нѣтъ... Если бы намъ только удалось совершенно отдалить Англію отъ ея друзей—Франціи и Россіи“.*

Нѣсколько ударовъ по клавишамъ, ударовъ непродуктивныхъ и недостаточныхъ,—но аккорды взяты совершенно правильно.

Теперь, когда онъ сидитъ, читая документъ развивающій планъ, направленный противъ Сербіи, ему на самомъ дѣлѣ можетъ вспоминаться только дурное, а прошлое само собой ведетъ его къ искушающему вліянію Берхтольда, отъ котораго быстро разсѣиваются всѣ предупрежденія Тиссы. Уже тогда послѣдній Обреновичъ обманулъ его благоволеніе, тотъ самый Александръ, который безчеловѣчно обращался со своимъ отцомъ Миланомъ и который потомъ, благодаря женитьбѣ на своей Драгѣ, отрѣзалъ всякую возможность участія къ себѣ. Убійство такихъ людей, въ сущности говоря, даже не цареубійство.

И все же старый императоръ рѣшился принять сербскаго короля. Въ Будапештѣ все уже было готово, какъ разъ три года тому назадъ. Свита, кареты, былъ назначенъ банкетъ: какъ вдругъ сербскаго короля охватилъ страхъ и онъ отказался.

Этого также не въ состояніи забыть ему Габсбургъ, и еще меньше двѣ мобилизаціи, къ которымъ тотъ принудилъ его. И теперь такой сербъ подстрѣливаетъ Габсбурга на австрійской почвѣ и безъ покаянія отправляетъ его на тотъ свѣтъ. Нѣтъ, Берхтольдъ правъ и онъ подписываетъ предложенное ему собственноручное письмо, въ которомъ онъ обращается къ Вильгельму съ такими словами:

„Покушеніе, совершенное на моего бѣднаго племянника, прямое послѣдствіе, ведущейся русскими и сербскими панславистами агитаціи, единственная цѣль которой, — ослабленіе тройственнаго союза и разрушеніе моего государства... Стремленіе моего правительства должно въ будущемъ быть направленнымъ на изоляцію и уменьшеніе Сербіи... Но обезпечить миръ будетъ возможно только тогда, когда Сербія... будетъ сведена на нѣтъ, какъ факторъ политической силы на Балканахъ... что о примиреніи противорѣчій, отдѣляющихъ насъ отъ Сербіи,

не приходится больше думать и что политика всѣхъ европейскихъ монарховъ, направленная на сохраненіе мира, будетъ находиться подъ угрозой, пока этотъ очагъ преступной агитаціи въ Бѣлградѣ будетъ продолжать оставаться безнаказаннымъ."

„Сербофобія" единственная національная ненависть, на которую воинственный духъ можетъ ссылаться въ началѣ.

Съ этаго собственноручнаго письма начинается рѣшеніе воевать, какъ это придумали въ послѣдніе дни оба графа вмѣстѣ съ военными.

* * *

Въ слѣдующій полдень старый графъ Седени-Маричъ, венгерецъ, простодушный человѣкъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ посланникъ въ союзномъ Берлинѣ, приглашенъ на завтракъ въ Потсдамъ, чтобы тамъ передать собственноручное письмо своего монарха. Императоръ читаетъ длинное письмо, указываетъ потомъ на Бетмана, съ которымъ онъ предварительно долженъ поговорить и идетъ къ столу. Здѣсь онъ размякаетъ, разговоръ заходитъ о многихъ вещахъ, императрица тоже присутствуетъ. Послѣ завтрака все читается иначе, теперь императоръ высказывается:

„Позиція Россіи будетъ во всякомъ случаѣ враждебной ... Если дѣло дойдетъ до войны между Австро-Венгріей и Россіей, то Вѣна можетъ быть убѣждена, что Германія съ обычной союзной вѣрностью будетъ стоять на сторонѣ двуединой монархіи. Впрочемъ, Россія ни въ коемъ случаѣ еще не готова къ войнѣ. Я хорошо понимаю, что императору Францу-Іосифу, при его общеизвѣстномъ миролюбіи, было бы очень трудно вступить въ Сербію. Но если въ Вѣнѣ дѣйствительно признали необходимость военныхъ дѣйствій противъ Сербіи, то я буду сожалѣть, если Австро-Венгрія оставитъ неиспользованнымъ данный моментъ, для нея весьма благопріятный. Что касается Румыніи, то я позабочусь о корректномъ

отношеніи короля Кароля. Къ царю Фердинанду у меня, какъ и раньше, нѣтъ ни малѣйшаго довѣрія.... Несмотря на это, я не имѣю ни малѣйшихъ возраженій противъ сближенія двуединой монархіи съ Болгаріей путемъ договора.“ При каждомъ словѣ старый венгерецъ расцвѣтаетъ. Придя домой, онъ быстро велитъ зашифровать и передать эти драгоцѣнныя слова въ Вѣну.

И все же онъ увидалъ только одинъ уголокъ души Вильгельма: искусственно сдержанное выступленіе, сперва негибкое, потомъ великодушное. Потому что еще до того, какъ онъ что-нибудь узналъ объ этомъ собственноручномъ письмѣ, онъ прочелъ въ отчетѣ своего вѣнскаго посла, что тотъ настоятельно и серьезно предостерегъ воинственныхъ графовъ отъ чрезмѣрной поспѣшности. Тогда императоръ взялся за длинный карандашъ съ коронкой и на поляхъ написалъ нижеслѣдующія, удобопонятныя слова:

„Кто уполномочилъ его на это? Это очень глупо! Совершенно его не касается... Потомъ, если дѣло обернется криво, это будетъ значитъ, что Германія не хотѣла! Пусть Чиршки будетъ настолько любезенъ прекратитъ эти глупости! Съ сербами должно быть покончено, и какъ можно скорѣе! Теперь или никогда!

Что привело миролюбиваго императора въ такой ражъ? Еще не прошло двухъ лѣтъ, когда сербы наступали въ Албаніи, чтобы наконецъ достигнуть моря. Вѣна желала войны. Но императоръ воспротивился, онъ формулировалъ свои мысли въ слѣдующихъ примѣчательныхъ словахъ...

> „Австрія по неосторожности взяла по отношенію къ сербскимъ притязаніямъ рѣзкій диктаторскій тонъ. Это можетъ оказать провокаціонныя дѣйствія и привести къ осложненіямъ. Сербія требуетъ доступа и гаваней на Адріатическомъ морѣ, Австрія—категорически противится этому желанію. Россія повидимому желаетъ поддерживать сербскія притязанія и изъ за этого можетъ столкнуться съ Австріей. Тогда для Германіи наступаетъ casus foederis, такъ какъ Вѣна

подвергнется нападенію изъ Петербурга—согласно договору. Договоръ обуславливаетъ мобилизацію и войну на два фронта для Германіи. Парижъ безъ сомнѣнія будетъ поддержанъ Лондономъ. Слѣдовательно Германія должна вступить въ борьбу за существованіе съ тремя великими державами, причемъ она все должна поставить на карту и даже можетъ погибнуть.

Все это случится потому, что Австрія не желаетъ видѣть сербовъ въ Албаніи или въ Дураццо. Ясно, что эта цѣль не можетъ быть для Германіи лозунгомъ войны на уничтоженіе. Въ виду этаго нѣтъ никакой возможности воспламенить германскую націю лозунгомъ войны ради подобныхъ основаній. Никто не въ состояніи отвѣчать ни передъ своей совѣстью, ни передъ Богомъ, ни передъ своимъ народомъ по подобнымъ основаніямъ поставить на карту самое существованіе Германіи.

„Это выходило бы далеко изъ рамокъ договора... чтобы германское войско и народъ непосредственно служили капризамъ иностранной политики другого государства и якобы для этого должны быть наготовѣ! Договоръ о тройственномъ союзѣ только взаимно гарантируетъ дѣйствительныя владѣнія трехъ государствъ, но не содержитъ обязательствъ къ безусловному соучастію въ треніяхъ относительно владѣній другихъ!

Во всякомъ случаѣ, наступаетъ моментъ, когда Австрія подвергнется наступленію со стороны Россіи, но только тогда, когда Австрія не спровоцировала Россію на нападеніе. Именно здѣсь могло бы создаться подобное положеніе по отношенію къ Сербіи, и этого Вѣна во всякомъ случаѣ должна избѣжать. Она должна выслушать или сдѣлать предложеніе о посредничествѣ ..

„Въ случаѣ, если Россія отклонитъ австрійскія предложенія о посредничествѣ, на которыя прочія державы изъявятъ согласіе, русскіе вы-

ставятъ себя въ невыгодномъ свѣтѣ по отношенію къ Вѣнѣ, вызовутъ недовольство державъ по отношенію къ себѣ, возбудятъ подозрѣніе, что они вообще стремятся къ войнѣ съ Австріей, причемъ Албанія только мнимый поводъ. На нихъ посмотрятъ какъ на нарушителей мира, что вызоветъ недовольство всѣхъ разумныхъ людей."

Этимъ документомъ Вильгельмъ II съ прозорливостью государственнаго человѣка разрѣшилъ политическій конфликтъ, который почти во всѣхъ своихъ частяхъ былъ одинаковъ съ конфликтомъ іюля 1914 года. Предвидѣніе, что Англія будетъ участвовать, Бисмарковская теорія, что *„союзъ не товарищество въ цѣляхъ пріобрѣтенія"*, скачущій пунктъ, что тотъ, кто провоцируетъ будетъ осужденъ Европой, пониманіе того, что сербамъ нужна морская гавань: все это онъ видѣлъ совершенно правильно. Онъ долженъ былъ повторить все это 6 іюня 1914 года точно также, какъ онъ написалъ все это это 11 ноября 1912 года. Согласно конституціи германскій императоръ одинъ рѣшалъ вопросы войны и мира. Простое повтореніе его собственныхъ мыслей въ тотъ день лишило бы вѣнскій кабинетъ возможности что-либо предпринять. Слѣдовательно это во всякомъ случаѣ помѣшало бы міровой войнѣ вспыхнуть въ этотъ моментъ.

Перемѣна взглядовъ объясняется, если въ данномъ случаѣ оставить въ сторонѣ психопатическую натуру монарха, прежде всего мыслью о цареубійствѣ. Такимъ образомъ, можно понять и счастливое настроеніе воинственныхъ графовъ въ Вѣнѣ, когда они послѣ покушенія наконецъ почувствовали, что пришелъ моментъ переубѣдить императора, вопреки вето котораго еще въ 1912 году нельзя было вести войну.

Съ того времени за эти 20 мѣсяцевъ не усилился ни спорный вопросъ, ни союзъ. Если тѣмъ временемъ группа противниковъ сомкнулась тѣснѣе, то слѣдовало съ удвоенной осторожностью избѣгать всякаго рода конфликта, прежде чѣмъ вызывать судьбу. И все таки онъ сегодня накричалъ на своего посланника, который съ точностью занимаетъ тогдашнюю

позицію императора, какъ на кучера, поѣхавшаго не туда куда надо. Почему же сегодня: *„съ сербами должно быть покончено и какъ можно скорѣе“*?

На этотъ разъ еще одинъ мотивъ приводитъ его въ движеніе: тщеславіе. *„На этотъ разъ всѣ увидятъ, что онъ не падаетъ.“* За кулисами этого все громче раздаются голоса генераловъ, смущенное молчаніе взвинченныхъ придворныхъ, смиренная улыбка кронпринца, молчаливые взгляды адмираловъ, издѣвающіеся фразы пангерманской печати и все это при каждой надеждѣ на войну и каждомъ новомъ рѣшеніи императора въ пользу мира, осторожно давало ему понять, что вотъ стоитъ сгрудившись вокругъ него прекрасное войско, сильнѣйшая армія въ мірѣ, — но онъ не смѣетъ дерзнуть.

Но и внутренне его тщеславіе раздразнено. Если Бисмарковская вѣрность монарху, какъ онъ временами утверждалъ, коренилась въ его вѣрѣ, то вѣра Вильгельма наоборотъ исходила изъ его монархическаго чувства. Это самое „Божьей милостью“ навѣрно самый настоящій тонъ души императора. Одновременно его средневѣковое настроеніе ускользаетъ такимъ образомъ отъ необходимости мыслить о единеніи съ народомъ: онъ остается одинъ. Но въ качествѣ человѣка своего сословія онъ переноситъ эту теорію, которую ему диктуетъ его собственное чувство самосознанія, на всѣхъ коронованныхъ кузеновъ. Среди царственныхъ особъ Францъ Фердинандъ былъ его другомъ, или это по крайней мѣрѣ казалось такъ. И этого эрцъ-герцога, отпрыска одного изъ старѣйшихъ родовъ, теперь осмѣлились застрѣлить, несмотря на то, что германскій императоръ дружилъ съ нимъ? Божіей милостью и милостями Вильгельма — и все-же подстрѣленъ? Онъ чувствовалъ себя задѣтымъ лично и обязаннымъ отомстить за свою честь.

Это обстоятельство правильно учли воинственные графы, которые безъ помощи меча Вильгельма не могли бы сдвинуться съ мѣста.

Послѣ обѣда въ паркъ потсдамскаго замка вызывается имперскій канцлеръ, вмѣстѣ съ помощникомъ статсъ секретаря по иностраннымъ дѣламъ Лиммерманомъ. Оба, какъ полагается, раздѣляютъ мнѣніе монарха, тѣмъ болѣе, что тотъ, *„не ожидая предложеній имперскаго канцлера,“* сейчасъ же далъ свои инструкціи относительно отвѣта въ Вѣну: серьезность положенія, предоставить рѣшеніе самой Австріи, не отталкивать Румынію, привлечь Болгарію, локализовать споръ, въ серьезный моментъ исполнить союзническій долгъ. Вечеромъ Бетманъ передаетъ австрійскому послу эти приказанія императора, и еще прибавляетъ, что *„немедленное выступленіе противъ Сербіи было бы лучшимъ исходомъ.“* Сидящій при этомъ графъ Гойосъ съ живостью киваетъ. Болѣе молодой и свѣжій, чѣмъ старый посолъ, онъ сегодня всѣмъ сказалъ въ министерствѣ: *„Мы уничтожимъ Сербію.“*

Но уже на слѣдующее утро у господъ министровъ возникаютъ сомнѣнія. Циммерманъ въ частномъ письмѣ, адресованномъ германскому послу въ Вѣнѣ, подчеркиваетъ необходимость предостеречь Австрію отъ слишкомъ рѣзкихъ требованій. Но эта правильная мысль осталась скрытой въ письмѣ, письмо въ конвертѣ, а конвертъ въ письменномъ столѣ, гдѣ написавшій его нашелъ его качая головой только три года спустя, во время общей уборки, по случаю своего ухода съ поста. Также Бетманъ немного отступаетъ, потому что, когда Циммерманъ собирается оффиціально информировать своего посла въ Вѣнѣ о вчерашнемъ разговорѣ и заставляетъ императора выступать „при любыхъ обстоятельствахъ вѣрнымъ на сторонѣ Австріи,“ Бетманъ вычеркиваетъ слова „при любыхъ обстоятельствахъ“ и предоставляетъ своему повелителю всего лишь скромно и просто оставаться вѣрнымъ.

Это выступленіе и отступленіе Бетмана, это вѣчное колебаніе будетъ разворачиваться на нашихъ глазахъ въ продолженіе трехъ недѣль, а потомъ еще цѣлыхъ три года. Этотъ человѣкъ еще мальчикомъ

былъ первымъ ученикомъ въ своемъ классѣ, еще по сей день въ минуты отдыха читалъ греческихъ классиковъ въ оригиналѣ, юношей блестяще сдавалъ юридическіе экзамены, пользовался славой любезнѣйшаго гостя и товарища по охотѣ и, въ общемъ и цѣломъ, былъ идеальнымъ примѣромъ для выраженія Бисмарка, что Пруссія воспитываетъ превосходныхъ тайныхъ совѣтниковъ и регирунгспрезидентовъ, но не государственныхъ людей.

* * *

На слѣдующее утро, съ 6 іюля императоръ уѣзжаетъ. Итакъ, отецъ отечества бороздитъ волны Сѣверныхъ морей, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ наслаждается въ Люцернѣ брачнымъ путешествіемъ, г-нъ фонъ-Штуммъ принимаетъ солнечныя ванны на морскомъ берегу, командующіе арміей и флотомъ проводятъ время въ Карлсбадѣ и Тараспѣ, главный квартирмейстеръ хоронитъ въ Ганноверѣ свою тетку. А канцлеръ черезъ нѣсколько дней собирается уѣхать въ свое имѣніе, откуда онъ можетъ править по телефону. Развѣ эта картина жаждущаго войны правительства? Въ Вѣнѣ и Петербургѣ никто не ушелъ въ отпускъ!

Императоръ догадывался, что можетъ случится, нисколько не желая того, чтобы что-нибудь случилось, но канцлеръ, подталкиваемый генералами, которымъ нужны были на нѣсколько недѣль развязанныя руки, чтобы дѣло дошло до столкновенія, удалилъ императора, въ силу вѣрнаго инстинкта желавшаго остаться подъ предлогомъ, что отказъ отъ путешествія вызвалъ бы испугъ заграницей. Въ виду надвигающейся опасности, императоръ желаетъ удостовѣриться, что все будетъ наготовѣ. На той же самой скамейкѣ въ саду, еще въ тѣ же послѣобѣденные часы, онъ принимаетъ военнаго министра, на слѣдующее утро рано—представителя начальника морского штаба, находящагося въ отсутствіи, и по одному представителю начальника генеральнаго штаба и морскаго министра. Никогда

не было никакого *„коронного совѣта“*, — къ сожалѣнію никогда: потому что на немъ всѣ шефы могли бы изложить свои возраженія противъ желаній императора. Аудіенція Фалькенгейма была очень коротка. Императоръ прочитываетъ ему собственноручное письмо Франца-Іосифа и меморандумъ, но по всей вѣроятности только частично, потому что они оба охватываютъ двѣнадцать печатныхъ страницъ; военный министръ отмѣчаетъ *„поскольку это было возможно при быстротѣ совершившагося“*, свое впечатлѣніе, что Вѣна не рѣшается воевать, добавляетъ, обращаясь къ Мольтке; *пребываніе Вашего Превосходительства на курортѣ едва ли будетъ нуждаться въ сокращеніи времени.“*

Въ томъ же самомъ замковомъ паркѣ императоръ, готовый къ отъѣзду, на другое утро также коротко принимаетъ трехъ другихъ господъ. Императоръ обращаясь къ Капелле, представителю находящагося въ отпуску генералъ-адмирала, говоритъ: *„Въ крупныя военныя осложненія я не вѣрю. Царь не станетъ на сторону убійцъ эрцъ-герцога. Кромѣ того, ни Россія, ни Франція не готовы. Чтобы не создавать безпокойства я, по совѣту рейсхканцлера, отправлюсь въ путешествіе на сѣверъ. Я хотѣлъ Васъ только информировать о напряженномъ положеніи для того, чтобы вы сами обдумали дальнѣйшее“*.

Ни одинъ изъ четырехъ отвѣтственныхъ представителей германскаго военнаго и морского управленія не былъ спрошенъ о своемъ мнѣнія. Эти высшіе офицеры всего лишь пластинки фонографа для того, чтобы воспринимать приказы верховнаго главнокомандующаго, — никакого совмѣстнаго совѣщанія нѣтъ. Военный министръ долженъ поспѣшно догадываться о намѣреніи Вѣны и ошибается потому, что ему даже не былъ показанъ основной документъ, говорящій объ угрозѣ войны. Одновременно императоръ ошибается въ оцѣнкѣ врага; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, вѣдь все только въ зародышѣ. Только одна мелочь сегодня уже установлена твердо: германскія армія и флотъ, то есть жизнь 10 милліо-

новъ людей, отданы въ залогъ, благодаря слову данному однимъ императоромъ другому, и два вѣнскихъ графа начиная съ сегодняшняго дня имѣютъ *„свободу дѣйствій“*, поступать такъ, какъ ихъ легкомысліе и глупость сочтутъ это наиболѣе правильнымъ.

Потомъ яхта „Гогенцоллернъ“ выходитъ въ море и императоръ, до котораго теперь можно добраться лишь по радіо, видитъ только воду, небо и лица своихъ приближенныхъ: цѣлые три недѣли подрядъ, въ теченіе которыхъ на континентѣ въ безчисленныхъ личныхъ бесѣдахъ государственныхъ людей формируется судьба Европы.

Глава III

Ультиматумъ.

На слѣдующее утро въ Вѣнѣ на Баллплацѣ, вокругъ совѣщательнаго стола, засѣдаютъ министры двуединой монархіи. Графъ Берхтольдъ встрѣтилъ всѣхъ господъ, распредѣлилъ мѣста, какъ на банкетѣ. Онъ изысканно и элегантно предсѣдательствуетъ: это великій моментъ его жизни. По правую руку отъ него засѣдаетъ съ неподвижной миной кавалерійская фигура графа Тиссы, слѣва высокій человѣкъ съ острой сѣдой бородкой, похожій на Бетмана, но гораздо здоровѣе на видъ: графъ Штюргкъ, императорскій и королевскій министръ президентъ, по происхожденію штирійскій дворяниннъ. Ни исторіи, ни ему самому неизвѣстно, какъ онъ попалъ на этотъ постъ. Рядомъ съ его смуглыми чертами лица вырисовывается блѣдное лисье лицо польскаго рыцаря фонъ Билинскаго, который все знаетъ, что происходитъ въ предѣлахъ монархіи и даже слишкомъ хорошо знаетъ все, что дѣлается у ея враговъ. Онъ быть можетъ самый опасный человѣкъ за этимъ столомъ, гдѣ четыре націи и пять вѣдомствъ съ недовѣріемъ относятся другъ къ другу. Эти четыре дипломата въ сѣромъ штатскомъ готовы броситься въ объятія трехъ блестящихъ го-

сподъ въ зеленомъ, бѣломъ и золотѣ, которые вмѣстѣ съ ними засѣдаютъ за столомъ. Здѣсь императорскій и королевскій военный министръ фонъ Кробакинъ съ головой фельдфебеля, усами на балканскій манеръ, какой-то адмиралъ представитель командующаго флотомъ и баронъ Конрадъ фонъ Геццендорфъ въ качествѣ центральной фигуры: человѣкъ внесшій улучшенія въ австрійскую армію, составившій планъ похода на Италію, во всякомъ случаѣ человѣкъ, въ которомъ какъ въ зеркалѣ отражается военная гордость монархіи. Въ чертахъ этого лица наряду съ рѣшимостью и энергіей чувствуется много способности къ самопожертвованію, это скорѣе голова мыслителя и въ то же время человѣка дѣйствующаго сильнѣе на мужчинъ.

Графъ Бертхольдъ все по кавалерски подготовилъ и открываетъ это военное засѣданіе со словами, что желательно обсудить мѣры, *„которыя должны быть примѣнены въ цѣляхъ оздоровленія выплывшихъ наружу по случаю катастрофы въ Сараево, недочетовъ внутренней политики въ Босніи и Герцеговинѣ“*. Потомъ онъ объявляетъ о своемъ намѣреніи, *„путемъ проявленія силы навсегда обезвредить Сербію“*. Соучастіе Берлина *„гарантировано безусловно“*. Рѣшительный ударъ, разсчетъ и откровенное признаніе: *„мнѣ совершенно ясно, что въ результатѣ сербской войны весьма вѣроятна война съ Россіей.* (Эти рѣшительныя слова графъ потомъ собственноручно поддѣлываетъ въ протоколѣ въ болѣе привѣтливый оборотъ рѣчи, *„что военный походъ на Сербію могъ бы имѣть послѣдствіемъ войну съ Россіей“*).

Графъ Тисса возражаетъ: „На неожиданное нападеніе на Сербію безъ предварительнаго дипломатическаго выступленія, какъ это повидимому предполагается, я никогда не дамъ своего согласія. Мы должны непремѣнно формулировать требованія, тяжелыя, но отнюдь не выполнимыя. Если Сербія приметъ ихъ, то мы сумѣемъ отмѣтить блестящій дипломатическій успѣхъ и нашъ престижъ на Балканахъ подымется. Въ противномъ

случаѣ я тоже стою за военныя дѣйствія, но подчеркиваю уже сейчасъ, что мы не должны тѣмъ самымъ ставить себѣ цѣлью полнѣйшее уничтоженіе Сербіи, потому что противъ этого Россія будетъ бороться не на жизнь, а на смерть, и потому что я, какъ венгерскій министръ-президентъ, никогда не соглашусь на то, чтобы монархія анексировала часть Сербіи".

А въ общемъ вести войну сейчасъ не только не рекомендуется, но и просто опасно.

Послѣ этого говорятъ Штюргкъ и Билинскій, высказываясь за войну, оба опираясь на бравурный докладъ того самаго Потіорека, который желалъ своимъ мечомъ разрубить внутреннія противорѣчія Босніи. Съ этимъ большинствомъ соглашается военный министръ со словами столь глупыми, какъ и типичными:

„дипломатическій успѣхъ не имѣетъ никакой цѣнности".

Онъ настоятельно рекомендуетъ предупредительную войну, готовъ сейчасъ же выступить и бравурнымъ тономъ добавляетъ:

„съ военной точки зрѣнія я долженъ подчеркнуть, что благопріятнѣе было бы вести войну сейчасъ же, чѣмъ въ болѣе поздній моментъ .. Двѣ возможности уже упущены. Если мы теперь не нанесемъ удара, то Южно-Славянскія провинціи воспримутъ это, какъ признакъ слабости".

Графъ Штюргкъ на всякій случай дѣлаетъ еще одинъ шагъ дальше и подчеркиваетъ съ удареніемъ,

„было бы полезно удалить бѣлградскую династію и передать корону какому-нибудь европейскому князю".

Въ графѣ Тиссѣ усиливается желаніе бороться, потому что онъ чувствуетъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ. Когда потомъ воинственные графы и рыцарь единогласно держатся за непріемлемыя требованія по адресу Сербіи, Венгрія начинаетъ угрожать:

„я пошелъ господамъ навстрѣчу въ томъ, что требованія должны быть очень рѣзкими. Но если ясно

увидятъ наше намѣреніе ставить непріемлемыя требованія, то для насъ создается невозможная правовая основа, для объявленія войны. Если моя точка зрѣнія не будетъ сохранена въ этой нотѣ, то я сдѣлаю соотвѣтствующіе выводы."

Потомъ онъ направляетъ свой ударъ на Билинскаго и дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за покушеніе въ Сараево.

Теперь слово берутъ военные; военный министръ заявляетъ о возможности войны на три фронта, выясняетъ соотношеніе силъ и „*возможное теченіе войны*". Не принявъ рѣшенія всѣ расходятся,

Будетъ ли въ состояніи твердость Тиссы не допустить катастрофы?

* * *

Германскій посолъ въ Вѣнѣ фонъ Чиршки-Бендорфъ былъ человѣкомъ умнымъ, тихимъ и недовѣрчивымъ, а, впрочемъ, хорошо образованнымъ, добродушнымъ и не очень отсталымъ. Такой видъ имѣло и его чиновничье лицо, въ которомъ все выражало благородство: волосы, взглядъ и голосъ. Бывшій статсъ-секретарь, онъ снова опустился на нѣсколько ступенекъ по служебной лѣстницѣ. Поэтому онъ контролировалъ уваженіе къ своему положенію, еще болѣе тщательно, чѣмъ къ своей личности, не былъ тщеславенъ и выигрывалъ въ личныхъ отношеніяхъ.

Злобу онъ питалъ только къ петербургскому двору: тамъ его задѣли. Будучи и безъ того недостаточно гибкимъ для русской качели тамошняго общества онъ пережилъ на одномъ изъ придворныхъ баловъ случай, когда какой-то великій князь небрежно отбилъ у него даму и повелъ ее къ столу. Жалоба, извиненія, перемѣщеніе. Никогда онъ не забудетъ этотъ моментъ,—его недовѣрчивость видитъ за этимъ заговоръ: враждебное нѣмцамъ настроеніе, для чего впрочемъ имѣлись и другіе болѣе важные признаки:

Несмотря на то, его первымъ побужденіемъ въ этомъ кризисѣ было предостереженіе отъ черезчуръ поспѣшныхъ шаговъ.

„Тогда слѣдовало бы... имѣть въ виду, что Австро-Венгрія не одна на свѣтѣ, что это обязанность... принимать въ разсчетъ общее положеніе въ Европѣ."

За эти умныя слова онъ получилъ отъ императора пощечину, въ видѣ той замѣтки на поляхъ, которая пришла къ нему изъ Берлина, въ формѣ выговора за *„слабость"*. Къ этому прибавилась старая злоба на Петербургъ, а также политическая индиферентность его посольства, въ которомъ служили два принца болѣе свѣдущіе въ музыкѣ, чѣмъ въ политикѣ. Послу лучше слѣдовало бы выйти въ отставку, чѣмъ по приказу Берлина играть роль сильнаго человѣка, но онъ остался и согласился на все.

Отъ Бертхольда его отдѣляло, кромѣ общаго недовѣрія между союзниками, еще его личное недовѣріе; но вотъ уже онъ велитъ доложить о себѣ и заявляетъ:

„по порученію моего императора подчеркиваю, что въ Берлинѣ ожидаютъ выступленія монархіи противъ Сербіи и въ Германіи не будетъ понято, если Вѣна теперь не будетъ дѣйствовать". Этотъ саксонецъ внезапно заговорилъ прусскимъ языкомъ.

Сейчасъ же Берхтольдъ пишетъ эти драгоцѣнныя слова своему врагу Тиссѣ, обращаясь къ нему въ принятой формѣ на „ты". Но тотъ все еще остается непреклоннымъ. Онъ даже во внушительномъ письмѣ излагаетъ свою точку зрѣнія императору.

Но императору было уже 84 года и придворно-элегантное краснорѣчіе Берхтольда подѣйствовало сильнѣе чѣмъ письмо находившагося въ отсутствіи венгерца. Итакъ, въ то время, когда Тисса, при единодушномъ одобреніи венгерскихъ министровъ, излагаетъ въ Будапештѣ свою политику міра, Францъ-Іосифъ утверждаетъ военный планъ своего министра военныхъ дѣлъ.

Когдя недѣлю спустя графъ Тисса пріѣзжаетъ въ Вѣну, въ немъ уже успѣла совершиться внезапная перемѣна. Что такъ сильно подѣйствовало на его душу и на его мозгъ? Можетъ быть онъ надѣется черезъ годъ благодаря войнѣ побѣдить на выборахъ, которые серьезно угрожаютъ будапештскому олигарху несмотря на милліоны кронъ, тратящіеся на подкупъ?. Быть можетъ его тронули мольбы его сородичей, феодальныхъ аграріевъ, которымъ хотѣлось бы воспользоваться убійствомъ престолонаслѣдника, какъ отдѣльнымъ поводомъ къ борьбѣ съ угрожающимъ имъ конкурентомъ, сербской свиньей? Ему помѣшала также личная ревность въ этой чрезвычайной ситуаціи запросить по крайней мѣрѣ конфиденціально оппозицію. Ясно одно, что онъ тѣмъ временемъ прочелъ грозный документъ: настойчивое обращеніе генеральнаго штаба къ министру иностранныхъ дѣлъ, которое хотя воздерживается отъ политическихъ рѣшеній.

„...только я долженъ, какъ я уже въ полномъ согласіи съ Вашимъ Превосходительствомъ изложилъ это устно, снова подчеркнуть, что при дипломатическихъ путяхъ слѣдуетъ избѣжать всего того, что благодаря затяжкѣ и послѣдовательному началу дипломатическаго выступленія, могло бы дать противнику выиграть время для принятія военныхъ мѣръ.. Но если рѣшеніе дѣйствовать твердое—тогда оно, принимая во вниманіе военные интересы, должно быть сдѣлано единственнымъ актомъ съ краткосрочнымъ ультиматумомъ.“

Намѣренія ясныя и поэтому настроеніе мѣняется.. Слышится угрожающій тонъ генерала по адресу дипломата, который просилъ объ этомъ тонѣ, чтобы привлечь колеблющагося венгерца. Это письмо ясно указываетъ на интимные переговоры, оно настолько поспѣшно составлено, что даже забыли поставить число, которое годы спустя было приблизительно возстановлено. 14 дней подрядъ Тисса ежедневно слышалъ однѣ и тѣ же фразы: престижъ, проявленіе силы, признаки слабости, покончить, дѣйствіе. Къ тому

же повторно звучали фанфары въ Берлинѣ и повторный соблазнъ Берхтольда, имѣть на своей сторонѣ сильнѣйшую армію Европы и полную *„свободу дѣйствій“* въ Берлинѣ. Въ концѣ слышалась ясная угроза высшаго командованія. „За послѣдствія откладыванія ты намъ отвѣтишь!“ Онъ долженъ былъ бы быть пацифистомъ по убѣжденію, а не офицеромъ, и не вращаться въ кругу феодальныхъ господъ, чтобы имѣть силу противостоять этому.

Такимъ образомъ послѣдній внутренній врагъ военныхъ графовъ былъ сломленъ путемъ внушенія, Тисса направляется въ Германское посольство и заявляетъ, что согласенъ на ультиматумъ. На слѣдующій день онъ въ Будапештскомъ парламентѣ даетъ объясненія настолько двусмысленное, что даже парижскій „Temps“ хвалитъ его за умѣренность.

Тѣмъ болѣе страстно въ Вѣнѣ, гдѣ никакой парламентъ не мѣшалъ кругамъ, подстрекавшимъ къ войнѣ, принялись натравливать общественное мнѣніе. Значительная часть печати воетъ отъ ярости противъ Сербіи, противъ *„сброда разбойниковъ и убійцъ“*, *„похитителей барановъ“*, *„вшиваго народа“*. Этотъ вой въ серединѣ мѣсяца раздается гораздо сильнѣе, чѣмъ въ началѣ, и, такъ какъ эхо бѣлградскихъ газетъ ничѣмъ не отличается отъ этого, возникаетъ вопросъ кто же началъ? Не въ этомъ мѣстѣ и нигдѣ вообще нельзя дать на это отвѣтъ. Это отвѣтъ дельфійскаго оракула на вопросъ о рокѣ войны, которому подходитъ всякое рѣшеніе, но ни одно рѣшеніе не вполнѣ достаточно. Правда, графы принимаются за дѣло такъ тщательно скрывая тайну, какъ массоны, что даже сербскій посолъ въ Вѣнѣ все время можетъ только сообщать, что что-то надвигается, но что онъ самъ не знаетъ. Гетцендорфъ въ своемъ письмѣ рекомендовалъ также *„избѣгать всего, что могло бы преждевременно взбудоражить противника: наоборотъ во всѣхъ отношеніяхъ слѣдовало бы показывать мирное лицо*. Назначить представленіе вмѣсто сегодняшняго дня на завтрашній, но играть сейчасъ же. Это считалось очень тонкимъ номеромъ.

— Вы слыхали что-нибудь? спрашиваютъ другъ друга иностранные дипломаты, встрѣчаясь въ отелѣ Зазера. Такъ какъ обычный еженедѣльный пріемъ у Берхтольда прекратился и хотя они ничего не слышатъ, но они все же узнаютъ разныя вещи. Они догадываются, комбинируютъ, критикуютъ.

— Увѣряю, васъ ваше превосходительство, только одинъ знаетъ кое-что, это Чиршки, и тотъ ничего не говоритъ.

— Говорятъ, что Штюргкъ выглядитъ озабоченно?

— Я видѣлъ, какъ мимо проѣхалъ Брудерманъ *), онъ сіялъ.

— Шебеко открыто заявилъ, что онъ заступится за Сербію, если что-нибудь случится.

— Я думаю, Шебеко завтра уходитъ въ отпускъ? Въ такомъ случаѣ не можетъ же онъ опасаться чего-нибудь?

— Дюменъ только улыбается.

— Дюменъ всегда улыбается.

— Да, Чиршки молчитъ обо всемъ, потому что онъ немного знаетъ, потому что вѣнскіе господа охраняютъ свою тайну даже отъ Берлина. Какъ хорошо, что нѣмцы въ отвѣтъ на вѣжливый общій запросъ, что они думаютъ по поводу ультиматума, сдѣлали великодушный жестъ: это частное дѣло Австріи! Да какъ же имъ сегодня было найти время и сосредоточиться по поводу такихъ вещей, въ то время, какъ берлинское министерство занято совершенно иной проблемой. Слѣдуетъ или не слѣдуетъ послать королю Сербіи завтра поздравленіе ко дню рожденія? Ультиматумъ? Частное дѣло Австріи! Еще въ преддверіи міровой войны вѣжливые дипломаты императорскихъ столицъ деликатно отступаютъ передъ дверьми и одновременно говорятъ: „Вы сперва, ваше превосходительство!"

---

*) Генералъ отъ инфантеріи Рудольфъ фонъ Брудерманъ, главный инспекторъ австрійской арміи въ 1914 г.

Прим. переводчика.

Тѣмъ не менѣе въ Берлинъ сообщаютъ, что потребуютъ манифестъ короля Петра, направленный противъ Великобританскаго движенія, производства слѣдствія надъ интеллектуальными зачинщиками, при австрійскомъ участіи, и увольненія всѣхъ скомпрометированныхъ въ Бѣлградѣ. Эти три неясно формулированныя требованія за одиннадцать или пять дней до ультиматума, знали Бетманъ въ Гогенфиновѣ, Яговъ въ Берлинѣ, Тирпицъ въ Тараспѣ, императоръ на морѣ. Но никто не настроенъ недовѣрчиво, не требуетъ ни объясненій, ни точнаго текста.

Даже больше: австрійскій посолъ въ Берлинѣ сообщаетъ въ Вѣну:

> „Императоръ и всѣ вліятельные круги самымъ настойчивымъ образомъ ободряютъ вѣнскій кабинетъ, дѣйствовать противъ Сербіи самымъ энергичнымъ образомъ. Чтобы покончить съ тамошнимъ гнѣздомъ революціонныхъ заговорщиковъ разъ навсегда и предоставляетъ при этомъ полностью монархіи выбирать какія угодно средства. Можно пожалуй сказать: они подталкиваютъ монархію.“

Берхтольдъ увѣряетъ, „что о колебаніи или о нерѣшительности здѣсь не можетъ быть и рѣчи“. Впрочемъ окончательная редакція предварительно будетъ дана на осмотръ германскому правительству.

Но на желаніе воевать въ Вѣнѣ падаютъ раннія тѣни: а какъ же быть, если эти сербскіе бандиты преподнесутъ намъ сюрпризъ, принявъ всѣ наши условія?

> „тогда должно будетъ сказаться“, пишетъ домой баварскій посолъ, „является ли воля къ расчлененію Сербіи непоколебимой. Но здѣсь вовсе не хотятъ допустить до такого второго рѣшенія и придать нотѣ непріемлемое содержаніе... полагаютъ, что если Россія не допуститъ локализаціи спора, то нынѣшній моментъ гораздо болѣе благопріятенъ для сведенія счетовъ, чѣмъ любой дальнѣйшій.

Самоубійство изъ страха передъ смертью, нѣкогда сказалъ Бисмаркъ.

* * *

Подобныя извѣстія вызываютъ въ берлинскомъ кабинетѣ безпокойство. На посту снова находится интеллигентный человѣкъ. Такъ какъ онъ ни въ коемъ случаѣ не настроенъ рамантически, даже послѣ свадебнаго путешествія, то онъ скорѣе склоненъ стать циникомъ. Господинъ фонъ Яговъ, статсъ-секретать по иностраннымъ дѣламъ, маленькаго роста человѣкъ, съ безцвѣтно-твердыми чертами лица специалиста, сквозь которыя казалось былъ виденъ черепъ. Это была натура лишенная иллюзій, но зато и многихъ предразсудковъ. Это былъ реалистъ осторожный и знающій людей.

Онъ сейчасъ же замѣчаетъ опасность, которую таитъ въ себѣ неограниченная довѣренность, выданная императоромъ въ эти дни и говоритъ Круппу фонъ Боленъ:

„Я никогда бы такъ не поступилъ. Но такъ какъ императоръ заранѣе предопредѣлилъ свою позицію, то теперь нельзя больше принять никакихъ мѣръ противъ Вѣны“.

Классическая формулировка основного вопроса; наконецъ послышался скептическій голосъ на Вильгельмштрассе. Но и этотъ человѣкъ не пошелъ сказать: Государь я не въ состояніи больше служить вамъ. Онъ вмѣсто этого принимаетъ на себя тяжесть наслѣдства 5 іюля, когда монархъ предписалъ канцлеру свою политическую линію.

Но у Ягова появляются идеи. Въ разгаръ этаго кризиса онъ просилъ Баллина послать сигналъ предупрежденія Хольдену, чтобы усилить сопротивленіе въ кабинетѣ Грея, противъ находящагося въ стадіи осуществленія морского соглашенія съ Россіей. По основному вопросу онъ разсуждаетъ такъ же, какъ и всѣ прочіе. Таково настроеніе министерства, какъ

разъ передъ отправкой ноты, какъ это описано баварскимъ посланникомъ:

„Сильное и успѣшное выступленіе противъ Сербіи привело бы къ тому, что австрійцы и венгерцы снова почувствовали свою государственную мощь... На этомъ основаніи здѣсь заявили безъ колебаній, что мы согласны съ любымъ выступленіемъ, на которое тамъ рѣшатся, даже въ случаѣ опасности войны съ Россіей... Въ Вѣнѣ повидимому не ожидали такого безусловнаго выступленія Германіи въ пользу двуединой монархіи. И создается впечатлѣніе, какъ будто вѣчно боязливому и неспособному къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ вѣнскому правительству, почти даже непріятно, что со стороны Германіи не послѣдовало призыва къ осторожности и сдержанности... Въ интересахъ локализаціи войны имперское правительство, сейчасъ же послѣ передачи австрійской ноты въ Бѣлградѣ, сдѣлаетъ дипломатическіе шаги передъ великими державами. Оно будетъ утверждать, указывая на то, что императоръ находится въ путешествіи на сѣверъ, а начальникъ генеральнаго штаба и прусскій военный министръ въ отпуску, что для него преступленіе Австріи было такимъ же неожиданнымъ, какъ и для прочихъ державъ...

„Мобилизовать германскую армію не собираются и черезъ посредство нашихъ военныхъ властей хотятъ подѣйствовать въ томъ смыслѣ, чтобы Австрія не мобилизовала бы всю армію, въ частности войска, стоящія въ Галиціи, чтобы не вызвать автоматически русскую контръ-мобилизацію, которая потомъ заставитъ и насъ, а послѣ этого и Францію, принять подобныя же мѣры и такимъ путемъ вызвать европейскую войну... Если же все-таки дойдетъ до этого, то мы, согласно царящимъ здѣсь взглядамъ, встрѣтимъ англичанъ на сторонѣ нашихъ противниковъ.“

И послѣ того, какъ роли всѣхъ европейскихъ государствъ окончательно распредѣлены, это потрясающее дипломатическое донесеніе заканчивается парижскимъ bon mot.

Государственный корабль скользитъ внизъ по теченію, по стремнинамъ и порогамъ, какъ маленькая лодочка. Ни у кого нѣтъ желанія грести и только изрѣдка рука протягивается къ пруду, чтобы избѣжать крушенія. Ни одинъ германскій дипломатъ не желаетъ войны, на самомъ дѣлѣ всѣ надѣятся, что все пройдетъ безшумно, потому что такъ гласитъ отчетъ:

„Австро-Венгрія, благодаря своей нерѣшительности и расхлябанности теперь стала большимъ человѣкомъ въ Европѣ. Поэтому являтся сомнѣніе, что въ Вѣнѣ на самомъ дѣлѣ соберутся дѣйствовать“.

Такъ одна имперія сомнѣвается въ способности другой активно дѣйствовать, а та въ свою очередь испугана когда видитъ, что ея союзница подбадриваетъ ее своимъ планомъ. Обѣ желаютъ найти другъ у друга препятствіе, которое лишитъ ихъ возможности дѣйствовать, при чемъ послѣдствія бездѣйствія взаимно можно будетъ взвалить другъ на друга. Такъ какъ никто въ свои рѣшенія цѣликомъ не вѣритъ, то онъ вполнѣ довѣряется другому, надѣясь, что неохота противниковъ поможетъ обоимъ.

Временами Яговъ подымается въ уносимомъ внизъ по теченію суденышкѣ, которымъ онъ долженъ былъ бы править и осмѣливается поставить вопросъ. Онъ потихоньку велитъ запросить въ Вѣнѣ,

„Каковы мысли австро-венгерскихъ государственныхъ людей относительно будущности Сербіи? Для насъ было бы очень цѣнно хоть немного ознакомиться куда долженъ привести этотъ путь“.

Но вѣнскіе умники отнюдь не склонны чернымъ по бѣлому показать друзьямъ то невѣроятное, что они затѣваютъ до тѣхъ поръ, пока оно не станетъ непреложнымъ. Они тянутъ съ отвѣтомъ германскому посольству, повторно обѣщая дать свѣдѣнія на завтра. Баронъ, который занимается въ министер-

ствѣ составленіемъ его ультиматумовъ и подобныхъ манифестовъ, долженъ четыре раза передѣлывать ноту, пока, наконецъ, совѣтъ министровъ не соглашается съ ней. Здѣсь снова приходится столкнуться съ Тиссой, который желаетъ гарантировать свою Венгрію отъ Австріи, уже теперь путемъ объявленнаго отказа отъ завоеваній, совсѣмъ какъ накануне неравнаго брака престолонаслѣдникъ долженъ былъ отказаться отъ правъ для своихъ дѣтей, которые еще не были зачаты. Именно теперь, когда Берхтольдъ заявляетъ о своемъ намѣреніи большую часть Сербіи раздѣлить между пограничными государствами, Тисса въ энергичной формѣ ставитъ подъ вопросомъ рѣшительно все. Графъ Штюргкъ возвращается къ своей излюбленной идеѣ: онъ хочетъ смѣстить съ престола сербскую династію. Графъ имѣетъ что-то противъ этой династіи. Въ концѣ концовъ приходятъ къ соглашенію въ крайнемъ случаѣ сохранить за собой стратегическіе пункты. У васъ, графъ Берхтольдъ, врагъ, который съ вами на „ты“ собирается накануне крупнаго грабежа, ради котораго вы нарушаете покой Европы, вырвать лучшіе куски изъ-подъ носа еще раньше, чѣмъ раздался первый выстрѣлъ? Но министръ улыбается усмѣшкой Меттерниха. Одинъ министръ собирается завоевать вражескую страну. Его компаньонъ имѣетъ основаніе опасаться, что общее отечество усилитъ половину другого. Такимъ путемъ Тисса страхуетъ себя отъ грозящей опасности побѣды и излучаетъ надъ собой и надъ недовольными партнерами сіяніе миролюбивой морали, которая собирается наказать виновныхъ, не не желая ихъ ограбить.

* * *

Наконецъ нота готова. Она очень длинная и прежде всего требуетъ отъ сербскаго короля предуказаннаго ему заявленія, осуждающаго всякую великосербскую войну и агитацію и которое непремѣнно должно появиться въ правительственной газетѣ, по-

добно тому, какъ обиженный требуетъ для себя права опубликовать приговоръ въ печати. За этимъ слѣдуетъ десять требованій изъ которыхъ пять направлено противъ агитацій: подавленіе всякой пропаганды печати и общества, роспускъ „Народной Одбраны", контроль надъ преподаваніемъ въ школѣ, увольненіе всѣхъ скомпрометированыхъ офицеровъ и чиновниковъ, имена которыхъ будутъ названы Вѣной, участіе императорскаго и королевскаго правительства въ слѣдствіи. Итакъ, возможно, — всеобщая проскрипція совсѣмъ, какъ въ свое время, сто лѣтъ тому назадъ Австрія, совмѣстно съ Пруссіей, поступила въ пресловутыхъ Карлсбадскихъ постановленіяхъ, чтобы помѣшать объединенію германскихъ племенъ и государствъ. Слѣдуютъ еще пункты относительно покушенія и слѣдствія, при участіи австрійскихъ чиновниковъ.

Таковы главные пункты ультиматума. Послѣдніе мѣста, усиливающіе рѣзкость ноты, графъ Форгачъ поспѣшно передъ отправкой добавилъ отъ руки карандашомъ. Здѣсь, такимъ образомъ, государственныя учрежденія, взгляды, чувства безъ преній предаются партійному суду, чтобы требованія были безусловно приняты въ сорока восьми часовой срокъ. Ультиматумъ долженъ былъ быть переданъ въ Бѣлградъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы по сообщенію въ Петербургъ онъ не засталъ бы больше французскаго президента, который только что собирался закончить тамъ свой визитъ. Разсчитанъ каждый часъ. Яговъ въ послѣдній моментъ узнаетъ, что Пуанкарэ покинетъ Петербургъ не послѣ обѣда, а только вечеромъ и, такимъ образомъ, Берхтольдъ велитъ передать ноту часъ спустя послѣ этого. Такъ дѣйствуютъ оба плечомъ къ плечу: нѣмецъ хлопочетъ относительно времени передачи ноты, содержаніе хотя и не знаетъ, но за которую онъ поручился. Обоихъ объединяетъ мысль достойная государственныхъ людей, что французъ и русскій не должны бесѣдовать объ этомъ и француза это извѣстіе должно застать въ открытомъ морѣ. Графу Берхтольду представляется нѣчто терпкое и, въ то же время, благодаря своей неожиданно-

сти, пикантное, нота, которая является сюрпризомъ. Онъ знаетъ, что этотъ омлетъ его шедевръ, означаетъ ультиматумъ всей Европѣ. И его старый императоръ тоже ознакомившись съ ультиматумомъ видитъ совершенно ясно:

„Россія не можетъ согласиться съ этимъ... Не слѣдуетъ обманывать себя... изъ этого выйдетъ великая война“.

Въ четвергъ вечеромъ пусть прочтутъ это сербы послѣ того, какъ почти четырехнедѣльное перешептываніе сдѣлало обѣ страны нервными и разнуздало ихъ печать. Наконецъ, за два дня до того германскій посолъ въ Вѣнѣ держитъ документъ въ рукахъ. Онъ не испуганъ? Не спѣшитъ къ телефону дать своему берлинскому начальству точный отчетъ и потребовать полномочій задержать отправку ноты въ этой формѣ? Нѣтъ, онъ даже не пользуется услугами телеграфа, нота слишкомъ длинна для зашифрованія. Завтра вѣдь она будетъ передана австрійцамъ и при помощи документа, который прочтетъ весь міръ, можно скомпрометировать свой шифръ“

Такимъ образомъ, рѣшающіе 24 часа истекаютъ неиспользованными.

Только на слѣдующій день послѣ обѣда старый венгерскій графъ въ Берлинѣ, которому его вѣнскій шефъ очевидно посовѣтовалъ отложить дѣло на самый послѣдній моментъ, предъявляетъ документъ германскому статсъ-секретарю. Теперь читаетъ Яговъ, знавшій, что на его бланко-векселѣ стоитъ только тройка, но не знавшій сколько нулей будетъ къ ней прибавлено, весь вексель цѣликомъ, за который императоръ двѣ недѣли тому назадъ, ни съ кѣмъ не посовѣтывавшись, слѣпо поручился. Онъ испуганъ и говоритъ: *„Но это слишкомъ рѣзко!“* На это старый графъ отвѣчаетъ классическими словами:

„Да, тутъ ничего больше нельзя подѣлать! Завтра утромъ это будетъ передано въ Бѣлградѣ въ такомъ видѣ“.

—Тутъ больше ничего нельзя подѣлать—думаетъ Яговъ, думаетъ Бетманъ, которому даже вѣнскій пе-

рецъ не въ состояніи развязать языкъ. Развѣ они не замѣчаютъ, что старый венгерецъ обманываетъ ихъ даже насчетъ часа передачи ноты. А если онъ только ошибается,—почему же они еще сегодня вечеромъ не вмѣшиваются? До императора, правда, находившагося на кораблѣ, такъ скоро нельзя было добраться, но въ полчаса они успѣли бы переговорить съ Вѣной, а черезъ два часа Вѣна можетъ снестись со своимъ бѣлградскимъ посломъ. Правда Бетманъ, Яговъ, Циммерманъ объявляютъ ноту „слишкомъ рѣзкой со всѣхъ сторонъ." Но никому не приходитъ въ голову измѣнить циркулярное предписаніе германскимъ посламъ, которое вчера и сегодня передано по телеграфу въ Петербургъ, Парижъ и Лондонъ, чтобы послѣзавтра служить канвой рѣшающихъ переговоровъ въ кабинетахъ этихъ столицъ. Этотъ циркуляръ говоритъ, что Германія считаетъ ноту своей союзницы „правильной и умѣренной":такъ писали до того времени, какъ ознакомились съ содержаніемъ ноты. Теперь же господа официально оставляютъ въ силѣ это безусловное согласіе на ультиматумъ передъ лицомъ всей Европы. Хотя они и осуждаютъ ноту, но все же выступаютъ въ защиту Австріи передъ Европой. Но когда, въ ближайшіе дни, кто-то заговорилъ съ графомъ Берхтольдомъ объ опасности его ультиматума, то онъ докторальнымъ тономъ, слегка поднявъ вверхъ наманикюренный указательный палецъ, слегка покачавъ головой, вѣжливо поправилъ. „Виноватъ, Ваше Превосходительство, это не ультиматумъ, —это обусловленное срокомъ выступленіе."

Глава IV.

Испуганные.

Въ жесткой постели, на постояломъ дворѣ какого то сербскаго гнѣзда, лежитъ посѣдѣвшій человѣкъ со смѣлымъ лицомъ. Он смуглъ, его лицо изборождено морщинами, жизнь потрепала его, но не въ сос-

тояніи была его сломить. Онъ только что успѣлъ произнести безсчетную избирательную рѣчь и вернулся домой, сопровождаемый криками живіо партійныхъ друзей. Завтра утромъ поѣздка продолжается, онъ усталъ отъ пыли и жары, отъ фразъ и возгласовъ съ мѣстъ, но онъ все таки долженъ продолжаетъ. Это Пашичъ, королевскій сербскій министръ-президентъ.

— Теперь это должно случиться, — думаетъ онъ неподвижно уставившись на стѣну. Дольше чѣмъ пару дней это не можетъ продолжаться, и какъ на зло теперь эта проклятая избирательная поѣздка! Тамъ въ Вѣнѣ, понятно имъ гораздо удобнѣе. Его величество назначаетъ, дворецъ наготовѣ, по возможности еще лѣтняя резиденція, и пока высочайшій лобъ не начинаетъ морщиться министръ купается въ лучахъ милости. А нашъ братъ долженъ изъ кожи лѣзть вонъ, чтобы пріобрѣсти это, такъ называемое, расположеніе народа. Совсѣмъ какъ этотъ римлянинъ, котораго я когда-то видѣлъ въ шекспировской драмѣ, какъ его бишь, звали? Тогда въ Цюрихѣ молодымъ инженеромъ.

Тридцать лѣтъ быть вождемъ радикаловъ и все еще совершать предвыборныя поѣздки! Не былъ ли онъ, въ сущности говоря, болѣе свободнымъ, проживая молодымъ бѣглецомъ въ Болгаріи, Щвейцаріи, заочно приговореннымъ къ смерти, но невредимымъ? Сдержитъ ли Россія на этотъ разъ свое слово? Въ прошломъ году мнѣ царь опредѣленно обѣщалъ: „*скажите вашему королю, что для Сербіи мы все сдѣлаемъ.*“ Но что понимаетъ этотъ бѣдняга въ политикѣ! Извольскаго нѣтъ, Гартвигъ умеръ, Сазоновъ ненадеженъ.

И въ промежуткѣ между сномъ и пробужденіемъ въ его умѣ въ сотый разъ проходятъ планы послѣдняго времени. Возможно, что онъ думаетъ о Бисмаркѣ: развѣ тому тоже не понадобились три войны, чтобы объединить племена его расы? У него, Пашича, въ прошломъ только что двѣ, его страна увеличилась почти вдвое, старые враги, болгары и турки, разбиты. Не можетъ ли онъ теперь, при помощи Россіи, нанести смертельный ударъ расшатаной двуединой монархіи?

Тогда всѣ южные славяне объединятся съ Сербіей и стремленія пятнадцати милліоновъ, мечта пяти столѣтій, будутъ исполнены. И какъ разъ этотъ Бисмаркъ, великій врагъ его націи, который тогда на своемъ берлинскомъ конгрессѣ правда отнялъ Боснію у турокъ, но не отдалъ ее сербамъ, всегда былъ его прообразомъ! Если онъ завоевалъ у французовъ двѣ провинціи со смѣшаннымъ населеніемъ, то почему же мы не должны отнять у Австріи двѣ другихъ, принадлежащихъ нашей расѣ цѣликомъ, а Австріи даже не принадлежащихъ по праву.

Во время прогулки этотъ высокомѣрный вѣнскій графъ засовываетъ въ карманъ, такъ себѣ, здорово живешь, двѣ провинціи, которыми онъ имѣлъ право только управлять подъ контролемъ Европы. Почему турецкій переворотъ уполномочилъ его на это больше чѣмъ насъ? Вы могли заставить насъ просить у васъ прощенія за то, что вы похитили у турокъ кусокъ земли, но наши мысли свободны, не освободились ли многіе народы Европы только въ борьбѣ противъ Австріи?

Отъ этихъ мыслей его отрываетъ стукъ въ двери: телеграмма изъ Бѣлграда; австрійскій ультиматумъ. Требуется немедленное его возвращеніе!

* * *

Когда три недѣли тому назадъ, черезъ три часа послѣ покушенія, извѣстіе объ этомъ произвело въ Бѣлградѣ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы, умнѣйшій во всемъ городѣ человѣкъ сказалъ: „*Дай Богъ, чтобы это не былъ сербъ!*“ Сказавшій эти слова самъ не былъ сербомъ и призывая имя Божье онъ лгалъ, потому что въ теченіе многихъ лѣтъ онъ желалъ войны и раздувалъ конфликтъ: онъ хотѣлъ побѣдоносную Россію изъ Бѣлграда повести въ Вѣну. Это былъ г-нъ Гартвигъ, русскій посланникъ, человѣкъ, стоявшій на виду потому что царь, его властелинъ, какъ полярная звѣзда сіялъ на небѣ сербскихъ надеждъ. Вечеромъ, послѣ

покушенія, у него были гости. Русское посольство въ этотъ вечеръ было по праздничному иллюминировано.

На другой день Гартвигъ отправляется къ своему австрійскому коллегѣ. Съ молчаливой враждебностью одно его превосходительство пожимаетъ руку другому, въ знакъ соболѣзнованія.

—Скоро придетъ разсчетъ,—думаетъ ненавидящій австрійцевъ русскій.

—Прохвостъ!— думаетъ ненавидящій русскихъ австріецъ. Въ слѣдующій моментъ Гартвигъ падаетъ со стула и черезъ двѣ минуты онъ уже мертвъ.

— Крайне непріятно, именно у насъ! — думалъ молодой баронъ, совершено не понимая символичности этой сцены. Поймутъ ли ее народы?

Въ первые дни послѣ покушенія всѣ Бѣлградскіе круги были очень подавлены. Еще нѣсколько недѣль тому назадъ террористы были здѣсь, отсюда они при помощи сербскихъ офицеровъ и чиновниковъ взяли съ собой оружіе, и опредѣленные слухи о предстоящемъ покушеніи дошли до правительства. Чувствовалось, что весь міръ и прежде всего враги, повѣрятъ въ моральное соучастіе Сербіи. И какъ разъ сейчасъ должны были быть закончены экономическіе переговоры съ двуединой монархіей. Въ теченіе всего іюля Балканы давилъ кошмаръ. Снова почувствовалось, что здѣсь сталкиваются двѣ расы и двѣ культуры, за спиной которыхъ двѣ военныя державы. Старое соперничество между Австріей и Россіей потрясло этотъ уголокъ Европы. Сперва газеты осудили покушеніе, но уже на слѣдующій день сербскій посолъ въ Петербургѣ, глупо и безтактно заявилъ печати, что покушеніе объясняется недовольствомъ Босніи. Тогда одновременно въ Бѣлградѣ и въ Вѣнѣ вспыхнули ракеты, что теперь можно дѣйствовать и сейчасъ же начался фейерверкъ оскорбленій въ печати, которому ни одно изъ обоихъ правительствъ не желало положить конецъ, потому что оба охотно желали быть освѣщены бенгальскимъ огнемъ.

Въ рѣшающій день въ австрійскомъ посольствѣ все готово. Съ самаго утра посланникъ баронъ Гизль упражняется въ историческомъ поведеніи: между 4 и 5-гласитъ приказъ его начальства. Внезапно приходитъ телеграмма изъ Вѣны. Такъ какъ Пуанкарэ долженъ покинуть Петербургъ только въ 11 часовъ, то пусть Гизль передастъ ноту *„самое раннее за нѣсколько минутъ до 5“* и сейчасъ же телеграфируетъ будетъ ли онъ дѣйствовать въ 5 или даже только въ 6. Волненіе Гизля растетъ. Отъ одного часа иной разъ зависятъ судьбы народа и хотя ему достаточно протелефонировать по ту сторону границы, что онъ сдѣлаетъ это въ 6, онъ не выходитъ изъ своей трагической роли и телеграфируетъ, что онъ *„сдѣлаетъ все, чтобы провести выступленіе только въ 6 часовъ“* Наслѣдство Меттерниха.

Въ 6 часовъ передача ультиматума. Министръ финансовъ замѣщающій Пашича говоритъ: едва ли будетъ возможнымъ такъ быстро созвать Совѣтъ Министровъ въ полномъ составѣ. Часть министровъ находится въ разъѣздахъ.

Гизль улыбается: въ эпоху желѣзныхъ дорогъ, телеграфа и телефона, при размѣрѣ королевства, это не трудно будетъ сдѣлать. Историческая фраза.

* * *

Дѣйствіе ужасающее. Черезъ два часа весь городъ знаетъ, Австрія хочетъ разгромить насъ. Все смѣшалось, всѣмъ слухамъ вѣрятъ. О всѣхъ вождяхъ поочередно разсказываютъ, что они убиты, смѣщены, сосланы. Въ то время, какъ всѣ хотятъ отклонить ультиматумъ, такъ какъ всѣ чувствуютъ себя безпомощными.

На слѣдующее утро прибываетъ Пашичъ и совѣщается до поздняго вечера, не принявъ рѣшенія. Но онъ собираетъ вокругъ себя всѣхъ, приказываетъ престонаслѣднику телеграфировать въ Римъ и въ особенно прочувствованныхъ выраженіяхъ въ Петербургъ, гдѣ нота уже извѣстна съ сегодняшняго

утра. Онъ беззащитенъ и апелируетъ къ славянскому сердцу царя.

Внезапно подъ вечеръ за столомъ, за которымъ совѣщаются сербы, раздаются голоса двухъ великихъ державъ. Испуганные люди встрѣчаютъ ихъ какъ божества. Пойти на максимальныя уступки, совѣтуетъ Лондонъ; постараться выиграть время, апелировать къ третейскому суду Европы, совѣтуетъ Парижъ, хотя бы только въ формѣ личнаго мнѣнія замѣстителя завѣдующаго отдѣломъ Кэ д'-Орсе. Но великая Россія молчитъ.

На слѣдующій день, послѣдній оставшійся для принятія рѣшенія, ввиду отсутствія русской телеграммы, настроеніе совершенно мрачное. Самъ Пашичъ совѣтуетъ мириться. Народъ былъ утомленъ двумя войнами, династія находилась въ опасности быть свергнутой вмѣстѣ съ радикалами. Крестьяне и офицеры, носители послѣднихъ побѣдъ были врагами радикаловъ. Изъ боязни или предосторожности, поэтому король Петръ въ маѣ удалился отъ дѣлъ и престолонаслѣдникъ сталъ регентомъ.

Пашичъ совѣтуетъ принять ультиматумъ до самой предѣльной возможности, почти безусловно: восемь пунктовъ, хотя частично и со значительными оговорками принимаются, обѣщаны унизительныя заявленія и приказъ по арміи. Только для преслѣдованія виновныхъ требуются сперва доказательство и отклоняется требованіе допущенія австрійскихъ административныхъ органовъ къ участію въ слѣдствіи, потому что это противорѣчитъ конституціи и закону объ уголовномъ процессѣ. Въ частностяхъ соблюдается лицемѣрная наивность: какъ это должно быть сдѣлано, что то или иное означаетъ?

Во время окончательной редакціи по городу распространяется ложный слухъ о полученіи ободряющей телеграммы царя. Полная перемѣна настроенія, военные требуютъ войны, волненіе на улицахъ. Престолонаслѣдникъ, шедшій пѣшкомъ въ сопровожденіи офицеровъ, заворачиваетъ въ замокъ, разочарованіе. Гонцы спѣшатъ отъ одного посольства, къ другому. Крики

„Эввива“ по адресу Италіи: разочарованіе. Шествіе къ французскому посольству, гдѣ молодой атташе ничего не можетъ сказать толпѣ, кромѣ слова *„симпатія“*. Шествіе къ англичанину, который не желаетъ говорить. Русскія тетеграммы, адресованныя разнымъ людямъ въ Бѣлградѣ, не разносятся по домамъ, а попросту открыто выставляются въ почтамтѣ, всѣ они ободряющаго содержанія. Новыя шествія къ Конаку: *„Долой Австрію“*, *„Горе трусамъ:“* Отъ престолонаслѣдника ускользаетъ руководство! Только умный Пашичъ не даетъ смутить себя, потому что русскій хранитъ молчаніе. Дипломатически онъ оставляетъ себѣ открытыми оба пути и въ то время, какъ онъ, принявъ ультиматумъ закрываетъ одни ворота храма Януса, одновременно открываетъ другіе, приказывая произвести мобилизацію во всей странѣ. 1 часъ дня. Король Петръ сидитъ, имѣя передъ собой роковой листъ, который вскорѣ будетъ предложенъ цѣлой дюжинѣ главъ государствъ. Онъ снова долженъ призвать къ оружію свой народъ, едва успѣвшій перевести дыханіе.

Одиннадцать лѣтъ тому назадъ при помощи убійства онъ сѣлъ на тронъ. Русскій посолъ глядѣлъ изъ окна, наблюдая какъ тамъ напротивъ убивали послѣдняго Обреновича. Наконецъ споръ обоихъ домовъ былъ конченъ, но подобно духу Банко онъ является старику въ рѣшающую минуту. Англія отнеслась отрицательно. Развѣ этотъ тотъ самый сэръ Эдуардъ Грей, который тогда отозвалъ своего посланника, потому, что онъ зналъ, что король Петръ знаетъ объ убійствѣ своего врага? Послѣ этого многое стерлось, но старикъ все еще чувствуетъ какъ его ненавидятъ. Царь великъ. Свою дочь онъ правда не далъ, но онъ могучъ и ненавидитъ Австрію. Онъ подписываетъ приказъ о мобилизаціи. Составляется придворный поѣздъ, туда грузится золото государственнаго банка, документы и въ три часа королевская семья и правительство уѣзжаютъ вглубь страны изъ столицы, расположенной на границѣ съ Австріей. Крѣпость, вокзалъ, городъ приходятъ въ движеніе.

Гарнизонъ выходитъ изъ крѣпостныхъ стѣнъ, увозится амуниція, все на югъ, по направленію къ Нишу.

Сразу передъ глазами встаетъ картина, своей наглядностью вызывающая ужасъ во всѣхъ сердцахъ, несмотря на обманчивый видъ войскъ, марширующихъ съ музыкой и развернутыми знаменами: это первые санитарные обозы, какъ исповѣдники, предостерегающіе, молчаливые, появляющіеся еще до грѣхопаденія.

Тѣмъ временемъ австріецъ уложилъ вещи и приготовилъ все къ отъѣзду и, будучи вполнѣ увѣренъ въ отрицательномъ отвѣтѣ сербовъ, стоитъ въ дорожномъ костюмѣ, какъ приходитъ пѣшкомъ самъ Пашичъ и незадолго до 6 час. передаетъ королевско-сербскій отвѣтъ.

Нѣсколько дней спустя императоръ Вильгельмъ написалъ на поляхъ этого документа ненавистныхъ цареубійцъ:

„Великолѣпная работа за короткій срокъ времени, въ 48 часовъ... Тѣмъ самымъ отпадаетъ всякій поводъ для войны и Гизль преспокойно долженъ былъ остаться въ Бѣлградѣ. Въ отвѣтъ на это я никогда не объявилъ бы мобилизацію“.

Такъ разумно реагировалъ германскій императоръ. Но Вѣна категорически предписала своему послу живымъ или мертвымъ привезти домой поводъ къ войнѣ. У Гизля вообще нѣтъ больше времени внимательно прочесть длинный документъ: онъ наскоро пробѣгаетъ его, успокаивается при видѣ нѣсколькихъ „но“ и „если“ и отправляетъ заранѣе заготовленный отвѣтъ въ министерство настолько поспѣшно, что гонецъ приходитъ туда сейчасъ же вслѣдъ за Пашичемъ: отношенія црерваны. Чтеніе и отвѣтъ потребовали бы не меньше часу времени. Но Гизль поставилъ рекордъ: черезъ 35 минутъ послѣ полученія сербской ноты его и его людей уже уносилъ скорый поѣздъ по большому желѣзнодорожному мосту въ Землинъ, на почву двуединой монархіи. Въ теченіе цѣлаго часа онъ былъ самой важной особой во всей Европѣ.

Въ тотъ же часъ у Іоанновскихъ воротъ въ Іенѣ рухнулъ послѣдній изъ трехъ тополей мира, посаженныхъ тамъ сто лѣтъ тому назадъ, во время Вѣнскаго конгресса.

Глава V.

Взволнованные.

Со стороны моря бѣлой лѣтней ночью въ городъ мчится открытый автомобиль. Описывая большую дугу онъ покидаетъ портъ, стремясь поскорѣе добраться до столицы. Мысли человѣка въ офиціальномъ фракѣ, сидящаго въ автомобилѣ также описываютъ большую дугу, уносясь въ портъ и на оба корабля, на которыхъ только что свершилось многообѣщающее разставаніе. Онъ видитъ русскій корабль, посылающій прощальные сигналы свѣтовыми шарами, Блестящій чужой крейсеръ отвѣчаетъ, медленно взявши курсъ на западъ, стремясь выйти въ Финскій заливъ.

Потому, что теперь мы у воротъ Петербурга, а этотъ человѣкъ министръ иностранныхъ дѣлъ царя, только что потрясшій на прощаніе союзную руку главы Франціи послѣ четырехъ дней ослѣпительныхъ празднествъ и серьезныхъ разговоровъ. Какъ въ калейдоскопѣ, подобно пролетающимъ мимо домамъ, мелькаютъ передъ нимъ картины послѣднихъ дней, быстрый темпъ ѣзды подгоняетъ его воспоминанія. Сазоновъ думаетъ:

— Какой холодной все время оставалась публика. Почувствовали ли французы, что оваціи были инсценированы? Замѣтили ли они, какъ рабочіе пѣли революціонныя пѣсни и махали красными платками? Я готовъ побиться объ закладъ, что ихъ карманы были полны камней. Что можно было сдѣлать? Слѣдовало въ честь французовъ устроить свалку? Его Величество держался хорошо, ни одна душа не замѣтила, что претенціозный гость дѣйствовалъ ему на нервы;

его поведеніе скорѣе было похоже на поведеніе монарха, чѣмъ на формальную дѣловитость президента. А эта исторія при пріемѣ дипломатическаго корпуса была ужъ очень безтактна. Долженъ же былъ почувствовать добрый Пуанкарэ, что онъ здѣсь только гость и въ сущности говоря не вправѣ въ такой формѣ задѣвать посла чужого государства. *„Не забудьте Ваше Превосходительство, что Сербія имѣетъ на свѣтѣ друзей, которые не оставятъ ее на произволъ судьбы"*. Ну хорошо, но подобныя вещи не говорятъ въ лицо, да еще этому венгерцу, который презрительно думаетъ: вы партійный вожакъ, а у меня двадцать два поколѣнія предковъ позади.

— Почетный эскортъ въ ярко красномъ ему очень импонировалъ. Почувствовалъ ли онъ иронію судьбы, когда онъ вмѣстѣ со своимъ соціалистическимъ министромъ пріѣхалъ въ Петропавловскую крѣпость, окруженный нашими блестящими лейбъ-гвардіи казаками? *„Люди, стоящіе снаружи спрашиваютъ себя только"*,—полагаетъ Палеологъ, *„не препровождаютъ ли этихъ двухъ революціонеровъ въ тюрьму*. Въ подобные моменты парадоксальность нашего союза способна заставить разсмѣяться кого угодно.

Автомобиль Сазонова выѣхалъ на прямую дорогу, онъ видитъ, какъ весь ландштафтъ расплывается при сіяніи полной луны, какъ разъ у воротъ грузнаго массива міровoго города. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ чувствуетъ красоту этой лѣтней ночи, но его мозгъ работаетъ такъ же усиленно, какъ и днемъ, въ немъ оживаютъ всѣ планы и выступленія послѣднихъ лѣтъ. Его планы снова приближаются къ точкѣ кризисовъ, какъ два года тому назадъ, когда онъ выковалъ балканскій союзъ. Тогда въ тайныхъ договорахъ онъ поставилъ царя третейскимъ судьей на Балканахъ и договоръ въ Ракониджи *) принесъ свои плоды.

*) Договоръ въ Ракониджи, заключенный между Россіей и Италіей въ 1911 году, въ значительной степени содѣйствовалъ отпаденію Италіи отъ тройственнаго союза.

Прим. переводчика.

— Не казалось ли все близкимъ къ исполненію, —продожаетъ размышлять Сазоновъ. Италія получила все Триполи, а теперь очередь была за вами ограбить трупъ Турціи: получить голову Калифа на золотомъ блюдѣ. Проливы такъ легко было взять и если удавалось заставить царицу помечтать о томъ моментѣ, когда, наконецъ, послѣ многихъ столѣтій, снова подъ сводами св. Софіи послышится пѣніе „Господи помилуй“, то царь отвращалъ свое ухо отъ графа Фредерикса и другихъ мечтателей и соглашался на постройку судовъ Черноморскаго флота. Только проклятый Кайо натравилъ тогда парижскихъ банкировъ на насъ и обезплодилъ работу Извольскаго.

— Пашичъ сейчасъ тоже не будетъ спать. Когда онъ въ послѣдній разъ былъ здѣсь, онъ слишкомъ круто взялся за дѣло. „*Рядомъ съ сербскимъ престолонаслѣдникомъ дочь Вашего Величества стала бы царицей Южно-Славянскаго государства.*“ Истинно балканскія фразы. Этому мужику ударило въ голову, онъ хотѣлъ сосватать царскую дочь.

— Во всякомъ случаѣ сербскій визитъ пригодился, — продолжаетъ размышлять Сазоновъ. Въ тотъ разъ докладъ нашего генеральнаго штаба могъ указать на значеніе сербскаго наступленія на Австрію.“

„*Тогда Австрія была бы вынуждена выдѣлить противъ Сербіи отъ четырехъ до пяти корпусовъ. Для каждаго русскаго сердца проливы имѣютъ такое огромное значеніе, что при малѣйшей наступившей перемѣнѣ мы должны были бы ухватиться за нихъ. Правда, борьба за Константинополь была бы возможна, только во время европейской войны*“.

Автомобиль Сазонова въѣзжаетъ въ предмѣстье, онъ слышитъ грохотъ выстрѣловъ.

— Все еще?—недовольно думаетъ онъ.—83 тысячи бастующихъ на Выборгской сторонѣ. Даже была сдѣлана попытка строить баррикады. И это въ тотъ же самый часъ, когда императорская лейбъ-гвардія въ Красномъ Селѣ играетъ въ честь француза его революціонный маршъ.

— И почему только Маклаковъ сейчасъ же велитъ палить? Развѣ это никогда не прекратится? Проклятая промышленность. Въ деревняхъ все идетъ въ лучшемъ видѣ, тамъ еще столѣтія все можетъ оставаться спокойно. Если Жоресъ узнаетъ число убитыхъ за вчерашній день, то онъ снова заставитъ колебаться половину палаты.

Автомобиль приближается къ большимъ набережнымъ, уже почти полночь, но все еще играетъ музыка въ садахъ при ресторанахъ. Городъ еще хочетъ дышать послѣ этого жаркаго дня. Мысли министровъ переносятся отъ Бурбонскаго дворца къ парижскому банковскому міру. Онъ думаетъ объ условіяхъ, на которыхъ Франція дала послѣдніе два съ половиной милліарда исключительно на постройку новыхъ стратегическихъ дорогъ въ Польшѣ. Какъ хорошо связываетъ оба народа золотая цѣпь многихъ милліардовъ. Потомъ ему приходитъ въ голову статья, которой Сухомлиновъ нѣсколько недѣль тому назадъ взбудоражилъ полъ Европы. *„Россія готова, Франція должна послѣдовать ея примѣру“*. Въ ней онъ подталкивалъ къ введенію трехлѣтней службы тамъ, у нихъ. Потому что наряду со своими двумя милліонами войскъ Россія нуждается въ трехъ четвертяхъ милліонахъ французскихъ, ибо въ противномъ случаѣ нельзя рисковать. Хорошо, что можно было быть увѣреннымъ въ Пуанкарэ; уже въ своемъ первомъ посланіи и онъ провозгласилъ: *„въ интересахъ цивилизаціи и мира Франція должна быть великой и сильной. То, что необходимо прежде всего, — это воля къ дѣйствію“*. Можно ли болѣе ловко замалчивать реваншъ?

Министръ съ безпокойствомъ думалъ о томъ, что донесенія изъ Вѣны и Бѣлграда указываютъ на опредѣленныя рѣшенія. Есть у него и предчувствія. Этотъ реалистъ не свободенъ отъ мистическихъ чертъ характера и въ то время, какъ онъ обдумываетъ свои планы и чувства—онъ кричитъ шоферу: *„Нѣтъ, поѣзжай въ министерство“*. Ночной швейцаръ изумленъ, курьеры бѣгутъ, распахиваются двери, только въ шифровальномъ бюро изумляются нюху шефа, по-

тому что какъ разъ тамъ расшифровывается длинная депеша изъ Бѣлграда, которая будетъ готова черезъ 20 минутъ.

— Значитъ Вивіанъ правъ. Слѣдовало бы придупредить его. Берхтольдъ точно разсчиталъ часъ, когда уѣдутъ наши французы.

Сазоновъ успокаиваетъ свое нетерпѣніе подписывая разныя бумаги. Когда онъ сидитъ этой ночью за письменнымъ столомъ, при раскрытыхъ настежъ окнахъ, во фракѣ и въ орденахъ, его интересная голова напоминаетъ голову героя романа: костлявый русскій типъ, большой носъ, красивыя дугообразныя черныя брови, черная коротенькая бородка, узенькой лентой тянущейся до ушей, сжатый ротъ, общее впечатлѣніе лисье, холодное, жестокое.

Около полуночи ему приносятъ расшифрованный вѣнскій ультиматумъ.

* * *

Съ крикомъ пробудилась отъ своего лѣтняго сна на слѣдующее утро Европа. Кабинеты и посольства, штабы и банковскія заправилы, всѣхъ столицъ пришли въ движеніе, прервали свой отпускъ, спѣшно вызвали всѣхъ своихъ людей, любопытные, испуганные.

Здѣсь въ Петербургѣ большинство изъ столповъ въ кабинетѣ и въ генеральномъ штабѣ были радостно возбуждены, вѣдь они уже долгое время жаждали войны:

„обѣтованная земля Сербіи лежитъ въ предѣлахъ нынѣшней Австро-Венгріи. . Время работаетъ на Сербію и на погибель ея враговъ, которые показываютъ уже ясные признаки разложенія.“

Такъ стояло не въ какой нибудь цвѣтистой статьѣ, а въ офиціальной депешѣ, при помощи которой Сазоновъ вдохнулъ мужество Бѣлградскому правительству, послѣ первой балканской войны. Осенью 1913 года французъ сообщалъ домой изъ Петербурга: *„со времени начала балканскаго кризиса Россія прежде всего добивалась униженія Австріи на Балканахъ, въ*

знакъ реванша за 1908 годъ, когда графъ Эренталь унизилъ Россію". А въ январѣ 1914 года русскій военный министръ и начальникъ генеральнаго штаба вмѣстѣ *„категорически заявилъ о полной готовности Россіи къ поединку съ Германіей, совершенно уже не говоря объ Австріи."*

Сегодня въ обѣденное время, въ томъ же самомъ Петербургѣ засѣдали за однимъ столомъ три могущественныя державы. Гибкій французъ сейчасъ же съ утра условился по телефону съ министромъ иностраныхъ дѣлъ, обѣщавъ ему преподнести блюдо, которое никто кромѣ него не могъ бы подать ему — самого англійскаго посла. Сэръ Джорджъ Бьюкененъ человѣкъ консервативный и, настроенный если и не въ пользу французовъ, то въ пользу русскихъ и во всякомъ случаѣ противъ нѣмцевъ, во время этого завтрака вынужденъ былъ отступать противъ воли. Но господинъ Палеологъ, хозяинъ, былъ ловокъ, краснорѣчивъ, и взвинченъ своимъ президентомъ Пуанкарэ въ теченіе послѣднихъ дней до точки. Во всякомъ случаѣ онъ былъ взволнованнымъ за этимъ историческимъ столомъ. Уже три недѣли тому назадъ онъ пророчески заявилъ Бріану: *„Я проникнутъ убѣжденіемъ, что мы идемъ навстрѣчу надвигающейся бурѣ; гдѣ и когда она разразится—этого я не могу сказать."*

Напротивъ, Сазоновъ въ этотъ день еще не желалъ войны: Сербія все-таки дала вѣнцамъ морально нѣсколько очковъ впередъ, Россія сама, несмотря на всѣ увѣренія военныхъ, еще не была готова и это зналъ министръ. Поэтому онъ помышлялъ о частичной мобилизаціи, чтобы, оставивъ въ сторонѣ Германію, нажать на Австрію и послѣ ея первыхъ побѣдъ спасти Сербію. Румынія была бы прикрыта благодаря этой мобилизаціи, а также въ случаѣ необходимости она могла бы быть выдвинутой впередъ на защиту Бухарестскаго мира. Дипломатическая побѣда, срединныя державы въ тѣни; слава Эренталя въ 1912 году потускнѣетъ. Однако, а если и Германія мобилизуетъ? Тогда во всякомъ случаѣ это значитъ, что

на насъ совершено нападеніе, для помощи союзной Франціи имѣется и внѣшній поводъ, раскрываются невѣроятныя шансы, поскольку можно быть увѣреннымъ въ Англіи. Тогда наступалъ кульминаціонный пунктъ и можно было пріобрѣсти Дарданеллы! Сегодня утромъ его парижскій посолъ, прибывшій вмѣстѣ съ Пуанкарэ, и еще не уѣхавшій, изложилъ ему все это со своей обычной страстностью острія кинжала. Это было мечтой Извольскаго.

Отнюдь не по тѣмъ же причинамъ, но съ той же страстностью теперь за завтракомъ русскій и французъ пытаются заманить англичанина. Если онъ передъ всѣмъ міромъ объявитъ, что онъ за насъ, — думаетъ русскій, то либо тройственный союзъ подастся назадъ, либо мы побѣдимъ. Этотъ французъ думаетъ о войнѣ, этотъ русскій чувствуетъ какъ сербъ и хочетъ оставить себѣ двѣ дороги, изъ которыхъ одна безкровная сейчасъ и сегодня кажется ему въ основѣ лучшей.

За столомъ всѣ три сходятся въ двухъ пунктахъ: Вѣна сошла съ ума, а Берлинъ стоитъ за ней. Докладъ Палеолога приводитъ главные пункты этой бесѣды:

Французъ: *„Все, что нужно мы сдѣлаемъ. Еще вчера царь и нашъ президентъ обѣщали другъ другу: мы будемъ дѣйствовать твердо и рѣшительно.“*

Русскій: *„А если насъ эта политика приведетъ къ войнѣ?“*

Французъ: *„Она только тогда приведетъ насъ къ войнѣ, если германскія державы заранѣе готовы примѣнить силу.*

Англичанинъ: *„Я думаю, что мы останемся нейтральными; боюсь, что тогда Франція и Россія будутъ раздавлены тройственнымъ союзомъ.“*

Пауза. Хозяинъ дома и хозяинъ страны пораженные молчатъ. Потомъ Сазоновъ рѣшительно произноситъ: *„При нынѣшнихъ обстоятельствахъ нейтралитетъ Англіи былъ ды равнозначущъ самоубійству.“*

— *„Развѣ вы не видите,“* — въ унисонъ воскли-

цаетъ Палеологъ, *„что Англія можетъ здѣсь сыграть рѣшающую роль. Всего только четыре дня тому назадъ царь сказалъ мнѣ: если Германія еще не совсѣмъ лишилась разсудка, то она никогда не посмѣетъ напасть на соединенныя Россію, Францію и Англію."*

Сэру Джорджу Бьюккенену это очень непріятно. Онъ говоритъ: *„Боюсь, что наше общественное мнѣніе еще очень далеко отъ того, чтобы понять то, чего такъ властно требуютъ наши національные интересы. Въ Сербіи мы непосредственно незаинтересованы и человѣкъ съ улицы никогда не согласился бы на войну изъ-за нея."*

Такъ всѣ три державы въ первый день заняли свои позиціи.

* *

Засѣданіе совѣта министровъ продолжалось пять часовъ. Онъ перенесъ свое засѣданіе на завтра, когда долженъ былъ состояться коронный совѣтъ, но рѣшилъ уже сегодня, что Вѣна должна дать срокъ на разсмотрѣніе державами предъявленнаго Сербіи обвиненія, а военному министру было указано, *„въ случаѣ необходимости"* потребовать мобилизаціи противъ Австріи. Въ офиціальномъ сообщеніи было сказано, что Россія не можетъ остаться равнодушной. Утромъ къ министру иностранныхъ дѣлъ явился австрійскій посолъ, а вечеромъ германскій. Они были весьма различные люди и другъ друга терпѣть не могли.

Графъ Сапари любезнѣйшій венгерскій кавалеръ, графъ Пурталесъ надменный прусскій чиновникъ, съ изсѣченной головой, сѣдоватой острой бородкой, широкой нижней губой, человѣкъ своего вѣдомства, недалекихъ взглядовъ ума.

Венгерецъ офиціально прочитываетъ ноту, переданную Сербіи, но Сазоновъ все время прерываетъ его. Онъ хочетъ казаться нервнѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, чтобы венгерецъ телеграфировалъ о „русскомъ возбужденіи".

„Вы желаете имѣть гарантіи отъ Пашича? Онъ дастъ ихъ вамъ 25 разъ, если вамъ только угодно, но ваши требованія изгоняютъ сербовъ изъ ихъ собственнаго дома. Вы постоянно будете желать интервенціи. Какую жизнь вы уготовите Европѣ“.

Венгерецъ продолжаетъ читать.

Сазоновъ: *„почему же вѣнскій кабинетъ далъ себѣ такъ много труда, когда онъ уже успѣлъ предъявить ультиматумъ? Это большая ошибка съ вашей стороны, если ваша монархія полагаетъ, что всѣ цивилизованныя націи думаютъ также, какъ и она“.*

„Было бы очень печально если монархія въ этомъ вопросѣ, когда поставлено на карту все, что у нея есть святого и что свято также и Россіи, не найдетъ разумнаго исхода“

„Монархическая идея не имѣетъ съ этими вещами ничего общаго, вы желаете войны и сожгли за собой всѣ мосты.

„Мы самая миролюбивая держава въ мірѣ, но должны защищать нашу страну отъ революціи и нашу династію отъ бомбъ.

„Миролюбивая? Вы зажигаете европейскій пожаръ!“

Полтора часа продолжаются эти рѣзкости.

Вечеромъ нѣмецъ торжественно заявляетъ, что Германія безусловно стоитъ за двуединой монархіей. Сазоновъ говоритъ:

„Австрія предложила разсмотрѣніе дѣла въ то время, когда уже предъявленъ ультиматумъ. Можете ли вы согласиться съ этимъ?“

„Я очень жалѣю, что не могу послѣдовать за Вашимъ Превосходительствомъ въ эту область“.

„Австро-Венгрія не можетъ согласиться на вмѣшательство въ ея отношенія къ Сербіи. И мы не можемъ принять никакого предложенія, противорѣчащаго достоинству вашего союзника“.

„Мы не оставимъ Сербію одну въ ея борьбѣ противъ Австріи“.

„Вы недостаточно любите Австрію. Почему вы хотите отравить послѣдніе годы жизни достойнаго уваженія монарха?“

Сазоновъ враждебно смотритъ на нѣмца, потомъ холодно говоритъ:

„Да въ самомъ дѣлѣ мы не любимъ Австріи. И чего ради мы должны были ее любить? Она всегда только вредила намъ. И если ея достойный уваженія монархъ еще носитъ на своей головѣ корону, то онъ этимъ обязанъ намъ. Вспомните только о томъ, какъ онъ доказалъ намъ свою благодарность въ 1855, 1878 и 1908 году. И послѣ этого еще упрекать насъ за то, что мы не любимъ Австріи".

Министръ разжигаетъ себя, посолъ уходитъ. Сейчасъ же послѣ этого Сазоновъ разсказываетъ французу эту исторію и заканчиваетъ: *„Бесѣда закончилась въ большомъ возбужденіи."*

* * *

Верховный совѣтъ состоялся на слѣдующій день за городомъ въ Красносельскомъ лагерѣ и это было роковымъ обстоятельствомъ. Необозримое поле блестѣло штыками на всемъ протяженіи, маленькое мѣстечко гремѣло шпорами и саблями штабныхъ офицеровъ, кругомъ все воинственно шумѣло. Царь робкій и по натурѣ миролюбивый во время смотра войскамъ былъ окруженъ только своими офицерами, генералами, начальниками войскъ и великими князьями. Онъ находился подъ угрозой. Послѣ завтрака пришелъ еще отрицательный отвѣтъ изъ Вѣны, категорическій, содержащій отказъ въ продленіи срока ультиматума. Настроеніе бывшее до этого серьезнымъ и умѣреннымъ теперь перешло въ возмущеніе. Все это вмѣстѣ съ тономъ ноты и возбуждающимъ поведеніемъ Пуанкарэ казалось давало офицерамъ законное основаніе стремиться къ войнѣ.

Во время придворнаго обѣда, на которомъ присутствовалъ царь, за столомъ сидѣлъ адъютантъ германскаго императора генералъ фонъ Хеліусъ высококультурный человѣкъ, весьма почитавшій свое гуманистическое имя и умѣвшій молчать въ отвѣтъ на злые взгляды и слова вокругъ него. Петербургскій

губернаторъ забывается и говоритъ о мобилизаціи такъ, что нѣмецъ могъ это услыхать. Оберъ шталмейстеръ любезно обращается къ нему и говоритъ: *„О томъ что рѣшено, я не имѣю права сказать вамъ, но имѣйте въ виду, что дѣло очень серьезно.“* Онъ чокается съ нимъ и говоритъ ясно, какъ на прощаніе: *„Надѣюсь, что мы еще увидимся въ лучшіе времена.“*

Въ 6 часовъ одинъ генералъ смотритъ на часы и говоритъ нѣмцу, ссылаясь на истеченіе срока ультиматума:

„Теперь должно быть на Дунаѣ орудія открыли огонь, потому что такую ноту можно отправить только тогда, когда орудія заряжены.“

Вечеромъ въ оперѣ царю устраиваютъ овацію, подготовленную великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Послѣдній участвовалъ въ выработкѣ позиціи верховнаго совѣта. Огромнаго роста съ острой сѣдой бородой и дерзкимъ взглядомъ, другъ французовъ по веселымъ днямъ проведеннымъ въ Парижѣ, великій князь и искатель приключеній, человѣкъ котораго можно себѣ представить среди женщинъ и слугъ, съ нагайкой въ рукахъ, супругъ страстной черногорки, въ теченіе многихъ лѣтъ интригующей противъ Германіи: уже давно онъ былъ головой и правой рукой германофобской русской военной партіи.

Рядомъ съ нимъ въ сегодняшнемъ верховномъ совѣтѣ засѣдалъ Сухомлиновъ, военный министръ, толстый и грубоватый, авторъ знаменитой статьи „Россія готова“ и меморандума послѣднихъ лѣтъ, о пріобрѣтеніи проливовъ. Подлѣ него — его единомышленникъ, Янушкевичъ, начальникъ генеральнаго штаба. Потомъ старый Горемыкимъ, предсѣдатель совѣта министровъ, простоватый, какъ всегда лавирующій. Сазоновъ самъ не высказывается за войну, а надѣется пугать при помощи мобилизаціи. Только старый, благородный графъ Фредериксъ, балтіецъ, единственный человѣкъ при дворѣ не имѣющій враговъ, несмотря на то, что его въ теченіе многихъ лѣтъ осыпаютъ почестями, открыто заявляетъ на этомъ засѣданіи о своихъ симпатіяхъ къ Германіи.

Съ пустымъ взглядомъ предсѣдательствуетъ блѣднымъ слабый человѣкъ, подавленный тяжестью мундира и оружія: что этотъ царь въ состояніи предпринять противъ тигроваго взгляда великаго князя, своего дяди, когда за нимъ не стоитъ ни миролюбиво настроенный кабинетъ, ни даже Распутинъ? Развѣ они всѣ не прожужжали царю уши со времени балканскихъ войнъ, Эренталя и японской войны, что только большая война бокъ о бокъ съ Франціей въ состояніи спасти блескъ и могущество трона? Едва онъ успѣлъ указать на затрудненія при производствѣ мобилизаціи во время крупныхъ забастовокъ, какъ напротивъ него поднимается Маклаковъ.

Это быть можетъ самый могущественный и во всякомъ случаѣ самый внушительный человѣкъ за этимъ столомъ. Его лобъ очень высокъ, его взглядъ пронзителенъ, мощь этой римской головы только немного смягчается жиденькой бородкой. Выжидающій борецъ, который убиваетъ однимъ ударомъ. Прежде его рѣчей боялось правительство, теперь какъ министра внутреннихъ дѣлъ его боится царь. Потому что его большая рука въ минуту опасности всегда указываетъ на улицу, его слова заставляютъ почувствовать грохотъ революціи раньше чѣмъ она вспыхиваетъ. На дняхъ онъ игралъ въ пантеру передъ царскими дѣтьми, но когда онъ соскочилъ со стула царица испугалась больше чѣмъ ея дѣти.*)

Теперь онъ встаетъ и начинаетъ доказывать: внутреннюю опасность можно еще разъ предотвратить обще-національнымъ призывомъ къ оружію. Война, — единственное спасеніе отъ внутренняго врага. Рѣшеніе: имѣть въ виду мобилизацію 13 корпусовъ противъ

---

*) Здѣсь очевидная ошибка автора, который во первыхъ, повидимому, смѣшалъ въ одномъ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклакова и его брата извѣстнаго думскаго оратора лидера кадетовъ В. А. Маклакова. Во вторыхъ, согласно всѣмъ русскимъ источникамъ, Н. А. Маклаковъ никогда не считался сильной личностью, а игралъ при дворѣ роль шута, причемъ его излюбленнымъ номеромъ былъ описанный выше „Прыжокъ влюбленной пантеры". (Прим. переводчика).

Австріи, но исполненіе этого рѣшенія поставить въ зависимость отъ нападенія на Сербію, а день мобилизаціи въ зависимости отъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Ты чувствуешь ли темный Сазоновъ что беретъ царь всея Руси передъ лицомъ всѣхъ генераловъ въ свои царскія руки? Ящикъ Пандоры.

Глава VI.

На морѣ.

Крейсеръ „Франція" плавно скользитъ по морю во тьмѣ ночной. Это былъ тотъ самый часъ, когда сербскій и русскій министры спѣшили въ свои столицы навстрѣчу рѣшеніямъ, къ которымъ ихъ вынудилъ шагъ вѣнскихъ воинственныхъ графовъ. Подобно этимъ двумъ людямъ, мысли которыхъ возвращались къ прошлому, заочно они пытались въ послѣдніе оставшіеся имъ свободные часы провести параллели въ своихъ воспоминаніяхъ, — поступали и сидѣвшіе на борту вожди, чуткое ухо которыхъ долгіе годы прислушивалось къ грядущимъ осложненіямъ въ Европѣ.

Пуанкарэ пережилъ величайшій моментъ своей жизни. Не былъ ли этотъ моментъ еще болѣе великимъ, чѣмъ тотъ, когда онъ только что избранный въ президенты, появился на балконѣ Елисейскаго дворца и вѣчно насмѣшливые парижане прокричали ему каламбуръ, сдѣланный изъ его имени? Не были ли превзойдены мечты его юности теперь, когда онъ, сидя слѣва отъ блѣдной какъ мраморъ царицы, ѣхалъ мимо разставленной шпалерами императорской гвардіи, а рядомъ съ нимъ въ блестящей каретѣ ѣхалъ царь? Тридцать лѣтъ тому назадъ даже по праздникамъ затаенное честолюбіе этого адвоката, не парило такъ высоко. Теперь жизнь требовала величайшаго напряженія, чтобы закончить то, что слѣдовало достигнуть послѣ десятилѣтій страстной настойчивости. Погнать свой народъ на войну было невозможно, это онъ хо-

рошо зналъ. Но если же наслѣдственный врагъ изъ легкомыслія давалъ поводъ и начиналъ самъ, или же можно было доказать только видимость этого,—какая удивительная судьба быть въ такой часъ вождемъ французовъ. Въ этотъ часъ Пуанкарэ походилъ на дѣвушку, чье пламенное мечтаніе подвергнуться нападенію исполнилось.

А въ остальномъ онъ впрочемъ не былъ невиннымъ. Потому что онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногомъ власть имущимъ, которые въ собственномъ сердцѣ вынашивали потухающее во французскомъ народѣ пламя реванша. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, онъ уроженецъ Лотарингіи и послѣ войны признается: „Когда я посѣщалъ школу (сейчасъ же послѣ войны 1870—71 г.) мой духъ помраченный пораженіемъ безпрестанно переступалъ границу, на которую насъ оттѣснилъ франкфуртскій миръ и когда я спускался съ заоблачныхъ высотъ, то видѣлъ для своего поколѣнія основы существованія вообще только въ надеждѣ снова пріобрѣсти потерянныя провинціи.“ Это глубочайшее переживаніе его юности онъ никогда не былъ въ состояніи забыть и такимъ образомъ послѣ войны одинъ изъ его друзей могъ восхвалять его „за изумительное постоянство въ дѣйствіяхъ“.

Это постоянство нарушалось перерывами, потому что жаждущій мщенія мальчикъ превратился въ государственнаго человѣка, научившагося выжидать. Во время Боснійскаго кризиса онъ ясно заявилъ своему союзнику, что Францiя никогда не дастъ вовлечь себя въ войну изъ-за русскихъ интересовъ на Балканахъ. Даже въ Августѣ 1912 года онъ предостерегъ Сазонова:

„не надѣйтесь на нашу военную помощь на Балканахъ, даже если вы подвергнетесь нападенію со стороны Австріи“.

Но вскорѣ послѣ того, въ ноябрѣ 1912 года, онъ сдѣлалъ рѣшающій поворотъ, когда къ великой радости Извольскаго, котораго онъ впрочемъ терпѣть не могъ, выдвинулъ на первый планъ:

„совершенно новую точку зрѣнія“: „территоріаль-

ное расширеніе Австріи нарушило бы равновѣсіе Европы и тѣмъ самымъ поставило бы подъ вопросъ собственные интересы Франціи", при этомъ Франція могла бы „быть замѣшанной въ военной операціи".

Это трусливая оговорка всѣхъ дипломатовъ Европы во избѣжаніе рѣзкаго слова война; точно такъ же какъ вмѣсто слова ракъ говорятъ новообразованіе. Въ январѣ 1914 года Пуанкарэ черезъ Делькассе велѣлъ увѣрить русскихъ *„отъ имени французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что Франція пойдетъ такъ далеко, какъ это будетъ желательно Россіи"*. Это рѣшающая полная довѣренность, которую Парижъ теперь выдалъ Петербургу послѣ того, какъ онъ отказался сдѣлать это два года тому назадъ была хотя и ограничена опредѣленнымъ случаемъ—прибытіемъ Лимана фонъ Зандерса въ Константинополь, но все же имѣла психологическій эффектъ, подобный той довѣренности, которую императоръ Вильгельмъ выдалъ въ Вѣнѣ послѣ того, какъ онъ два года тому назадъ отклонилъ ее. Въ томъ же мѣсяцѣ президентъ сказалъ Жюде:

„Россія имѣетъ колоссальную будущность, ея силы находятся въ состояніи полнаго развитія.... черезъ два года будетъ война. Всѣ мои усилія будутъ направлены къ тому, чтобы мы были наготовѣ."

Пуанкарэ ходитъ взадъ и впередъ по палубѣ, онъ думаетъ о послѣднемъ часѣ свиданія, когда царь въ качествѣ его гостя здѣсь на борту обмѣнялся съ нимъ тостами, и шагая взадъ и впередъ съ удовольствіемъ слѣдилъ за его внушающими словами. Будутъ ли они имѣть длительное дѣйствіе? Царь вѣрно разгадалъ его, потому что вскорѣ послѣ этого онъ разсказывалъ своимъ датскимъ родственникамъ: *во всякомъ случаѣ господинъ Пуанкарэ не желаетъ, какъ я, мира ради мира. Онъ вѣритъ въ добрую войну."*

По всей вѣроятности президентъ въ этотъ часъ еще разъ разъ мысленно охватываетъ эпоху послѣдняго времени. Дѣйствительно ли только пять минутъ назадъ онъ вмѣстѣ съ нервнымъ Вивіани образовалъ

кабинетъ? Выборы въ палату въ апрѣлѣ, потомъ эти проклятыя перебаллотировки съ побѣдой соціалистовъ въ маѣ и, въ концѣ концовъ, премьеръ все еще провелъ нѣсколько противниковъ трехлѣтняго срока военной службы въ палату. Палеологъ былъ убѣжденъ въ побѣдѣ. Онъ убѣдилъ его.

И о чемъ можетъ думать Вивіани въ эти часы на „борту Франціи“? Болѣе подвижный и болѣе циничный, чѣмъ Пуанкарэ, менѣе педантичный онъ кажется подходящимъ начальникомъ генеральнаго штаба для маршальской фигуры послѣдняго. Не посмѣивается ли онъ втихомолку надъ возбужденіемъ свѣтскаго Палеолога и надъ тѣмъ, что онъ на собственный рискъ и страхъ велѣлъ Ле Метру пріѣхать изъ Парижа, чтобы украсить цвѣтами банкетъ въ посольствѣ? Потомъ правда, его посолъ передалъ ему важные признаки господствующаго настроенія: на вечерѣ въ шатрѣ великаго князя, обѣ черногорки, Анастасія и Милица, выболтали ему:

„Вы знаете, это историческіе дни! Святые дни! Я сегодня получила депешу отъ папы *), что къ концу мѣсяца будетъ война! Знаете ли вы, что онъ похожъ на героя Иліады, мой отецъ? Видите ли вы эту коробочку, съ которой я никогда не разстаюсь! Вы думаете конфеты. Нѣтъ. Тамъ находится лотарингская земля, я набрала ее по ту сторону границы, когда мы два года тому назадъ были во Франціи. Здѣсь все покрыто головками чертополоха, который я сорвала во Франціи, въ аннексированной области, цѣлую пригоршню и потомъ велѣла снова посѣять сѣмена! Вы увидите, отъ Австріи ничего не останется, Эльзасъ снова вернется и мы скрестимъ оружіе въ Берлинѣ“ — вдругъ она прервала рѣчь и тихо сказала: „Я должна сдерживаться, царь смотритъ въ мою сторону.“

---

*) Короля Николая Черногорскаго — отца великой княгини Анастасіи Николаевны, жены великаго князя Николая Николаевича.

Прим. переводчика.

Оба француза гораздо хитрѣе своихъ берлинскихъ коллегъ, но ничуть не менѣе ихъ готовые къ войнѣ, сильнѣе связанные, благодаря политической машинѣ республики, но искушенные во всѣхъ тонкостяхъ, какъ обманывать массы. Они обдумываютъ душу и атмосферу, какъ передъ грозой этихъ праздничныхъ дней, взвѣшиваютъ слова истерическихъ великихъ княгинь, какъ они послѣ появятся въ мемуарахъ. Ихъ настроеніе похоже на настроеніе зрителя, который во время антракта представляетъ себѣ слѣдующій актъ и желаетъ, чтобы онъ прошелъ имено такъ, а не иначе. Вдругъ матросъ взлетаетъ вверхъ по лѣстницѣ и передаетъ длинную радіотелеграмму. Это послано вдогонку, вѣнскій ультиматумъ Сербіи. Облегченіе! Пуанкаре отдаетъ приказъ ѣхать прямо домой, не заѣзжая никуда, Вивіани еще ночью начинаетъ посылать инструкціи въ Парижъ. Полный ходъ! Курсъ на родину!

* * *

На слѣдующій день, при заходѣ солнца, передъ Мальме стоятъ два главы государства, на капитанскихъ мостикахъ своихъ судовъ, оглядываются кругомъ, велятъ глядѣть своимъ офицерамъ, разсчитываютъ и снова глядятъ. Оба могли легко высчитать, что угрожающія осложненія въ Европѣ вызываютъ домой обоихъ и что взятые ими курсы теперь легко могутъ скреститься. Въ тѣ же самые часы „Франція" увозила своего президента по Балтійскому морю въ Гавръ, а „Гогенцоллернъ" — императора въ Киль. У обоихъ сердца бились въ воинственномъ ожиданіи, оба знали, что по воздуху проносятся электрическія волны, наверху своихъ кабинокъ ихъ радіо-телеграфные офицеры слышали бормотаніе чужихъ радіотелеграммъ, но ахъ, все было зашифровано сложными ключами, тѣмъ не менѣе на борту вражескихъ судовъ были сдѣланы попытки расшифрованія, но потомъ это было оставлено.

Владыки обоихъ судовъ въ эти дни взвѣшивали

судьбу. Французъ былъ полонъ противорѣчивыхъ чувствъ: о томъ, что онъ желалъ реванша, онъ самъ разсказываетъ, значитъ онъ долженъ былъ желать войны. Но въ качествѣ уроженца Лотарингіи онъ долженъ былъ опасаться опустошенія своей ближайшей родины, а съ другой стороны, такъ какъ онъ не былъ въ состояніи напасть, — онъ долженъ былъ желать отсрочки возможныхъ германскихъ плановъ до 1917 года. И все-таки онъ подъ конецъ еще только что у царя говорилъ достаточно ясно. Все, что чувствовалъ императоръ при его колеблющейся натурѣ создавалось изъ настроеній и обстоятельствъ. Въ теченіе многихъ недѣль онъ былъ окруженъ только военными и другими людьми, которые за многіе годы успѣли изучить его и передъ отъѣздомъ были свѣже смазаны, какъ судовые моторы, своими закулисными фигурами въ Берлинѣ. Адмиралъ Атлантическаго океана повисъ въ воздухѣ, не слыша ни одного мужественнаго политическаго предостереженія, находясь въ еще меньшемъ контактѣ со всѣми классами народа, чѣмъ будучи дома и къ тому же искренне возмущеннымъ убійствомъ друга. Такъ думаетъ онъ машинально и по привычкѣ, что показываютъ слѣдующія замѣтки, которыя онъ находясь на борту Гогенцоллерна, во время своего іюльскаго путешествія собственноручно написалъ на поляхъ послѣднихъ депешъ:

Докладъ изъ Вѣны, въ которомъ посолъ говоритъ о размышленіяхъ Берхтольда, какъ найти невыполнимыя требованія по адресу Сербіи. Замѣтка императора:

„Очистить Санджакъ! Тогда сейчасъ же начнется драка! Австрія должна непремѣнно сейчасъ же вернуть себѣ Санджакъ, чтобы... помѣшать Сербіи достигнуть моря!“

„Тисса желаетъ дѣйствовать благородно и осторожно. Это мѣшаетъ Берхтольду. Замѣтка императора:

„По отношенію къ убійцамъ послѣ всего того, что случилось, это идіотство!.. Приблизительно такъ, какъ во времена Силезскихъ войнъ: я противъ воен-

ныхъ совѣтовъ и совѣщаній, потому что колеблющаяся партія всегда одерживаетъ верхъ. Фридрихъ Великій."

Донесеніе изъ Лондона, что правительство ожидаетъ, что въ Берлинѣ удалось устранить невыполнимыя требованія Вѣны. Замѣтка императора:

„Какъ бы я дошелъ до этого! Меня совершенно не касается! Что значитъ невыполнимыя? Эти типы вели агитацію съ убійствами и должны быть придушены! Надѣятся, что въ Вѣнѣ не будутъ настаивать на требованіяхъ, имѣющихъ цѣлью войну. Замѣтки императора:

„Это невѣроятнѣйшее британское нахальство. Я не призванъ вродѣ Грея дѣлать предписаніе его величеству императору о сохраненіи его чести!"

Обѣщанія Ягова объявить въ Лондонѣ, что на такіе вопросы внутренняго характера мы не имѣемъ никакого вліянія. Замѣтка императора:

„Но это должно быть сказано Грею весьма серьезно и ясно, чтобы онъ увидѣлъ, что я не понимаю шутокъ... Сербія — банда разбойниковъ, которая должна быть схвачена за совершенное преступленіе. Истинно британскій образъ мыслей и пренебрежительная манера приказывать, которую я требую отклонить. Вильгельмъ императоръ и король."

Донесеніе изъ Вѣны, согласно которому Берхтольдъ увѣрялъ русскаго посла, что Австрія не желаетъ пріобрѣсти отъ Сербіи земель. Замѣтка императора:

„Оселъ! Она должна забрать Санджакъ, иначе сербы дойдутъ до Адріатики!"

Донесеніе изъ Лондона о первой мысли Грея относительно конференціи. Замѣтка императора:

„Я не участвую. Развѣ только тогда, если Австрія усиленно попроситъ меня, что мало вѣроятно. Въ вопросахъ чести и жизни не совѣщаются съ другими."

Донесеніе изъ Петербурга объ угрозѣ Сазонова, что если Австрія поглотитъ Сербію, то онъ будетъ вести войну. Замѣтка императора:

„Пусть начинаютъ!“

Донесеніе изъ Рима, съ предупрежденіемъ о позиціи Италіи. Замѣтка императора:

„Это сплошная ерунда и дѣло пойдетъ уже само собой.“

Бетманъ сообщаетъ, что по его мнѣнію позиція Германія должна пока оставаться спокойной. Замѣтка императора. „Спокойствіе первый долгъ гражданина! Только спокойствіе, только спокойствіе!!! Спокойная мобилизація тоже есть нѣчто новое.“ Въ такомъ настроеніи императоръ прибылъ въ Потсдамъ.

Глава VII.

Колеблющіеся.

Англія была взволнована. Какой воинственный духъ обуялъ эту спокойную націю, которая по соображеніямъ разума жила миролюбиво, благодаря своему положенію-нейтрально, и какъ раса осторожно. Въ теченіе многихъ недѣль подрядъ говорилось и писалось о добровольцахъ, орудіяхъ, аммуниціи, раньше чѣмъ даже на самомъ континентѣ стали популярными эти образы и названія. Что же такое случилось, что могло потрясти британскіе острова?

Одинъ изъ нихъ, Ирландія ринулся на другой и когда либеральный кабинетъ захотѣлъ успокоить Ирландію дарованіемъ новыхъ свободъ, одна изъ ея провинцій отпала и угрожала силой вопрепятствовать любой попыткѣ введенія свободъ. Протестанты Ульстера запротестовали, они не хотѣли оставаться наединѣ съ ненавистными южными братьями на своемъ островѣ и предпочитали лучше умереть англійскими старыми дѣвами, чѣмъ вступить въ бракъ по разсчету съ сосѣдями. Они собирались защищать свою невинность при помощи баррикадъ и винтовокъ. Но только тогда, когда ихъ южные братья стали активными, былъ воспрещенъ ввозъ оружія въ Ирлан-

дію, стали обыскивать побережье въ поискахъ минъ и орудій и въ то время, какъ правительство благодаря возстанію въ Ульстерѣ почувствовало себя освобожденнымъ отъ Гомруля, оно было встревожено волненіями на югѣ. Что дѣлать? — думалъ король со своими министрами. Неужели же намъ дать всему міру представленіе британской гражданской войны?

Они еще обдумывали, какъ по градамъ и весямъ пронеслась новая буря: военный лагеръ Керро, гдѣ обучались войска, возсталъ противъ военнаго вѣдомства въ Лондонѣ, высшіе офицеры отказали въ подчиненіи военному министру, они хотѣли свергнуть правительство, которое и безъ того, какъ имъ казалось, обращалось очень мягко съ Ирландіей.*) Съ давнихъ временъ Англіей правили разумъ и цифры, также духъ фантазіи и приключеній, но почти никогда въ Англіи не правилъ мечъ. Теперь же тамъ напротивъ, на безпокойномъ островѣ блеснули молніи. Даже въ своей собственной странѣ воздухъ былъ насыщенъ грозой, и, казалось, что парламентъ, изъ котораго вышло правительство, находился подъ угрозой нѣсколькихъ офицеровъ и корпуса добровольцевъ. Люди не вѣрили своимъ глазамъ и ушамъ, казалось что въ Англіи разыгрываются цабернскія событія. Асквитъ спасъ самого себя и свой кабинетъ, внезапно занявши постъ военнаго министра. Въ этомъ шумѣ затерялся звукъ выстрѣловъ въ Сараево. Какое намъ дѣло до Сербіи? — говорили люди

*) Эта исторія съ отказомъ англійскихъ офицеровъ въ случаѣ гражданской войны выступить на усмиреніе мятежнаго Ульстера въ свое время была сильно раздута и, отчасти, внушила Германіи увѣренность въ томъ, что Англія изъ-за внутреннихъ осложненій не сумѣетъ воевать. Но дѣло отнюдь не было настолько серьезнымъ, такъ какъ умѣренные ирландцы (синфейнеры тогда еще не играли большой роли), о возстаніи противъ Англіи не помышляли, а многіе члены кабинета втайнѣ сочувствовали Ульстеру. Любопытная деталь: среди „мятежныхъ" офицеровъ находился родной племянникъ Асквита, который во время „бунта" ежедневно обѣдалъ въ домѣ дяди. См. Е. В. Тарле: „Европа въ эпоху имперіализма," Москва 1928 г. Прим. переводчика.

на улицѣ, переворачивали газетный листъ, искали послѣднія телеграммы изъ Бельфеста и Керро. Только немногіе знали какая борьба тѣмъ временемъ потрясала кабинетъ и никто не зналъ какія бури бушевали въ сердцахъ вождей. Удивительнымъ образомъ кабинетъ образовывали пять человѣкъ; двое другихъ пріобрѣтали значеніе благодаря своей оппозиціи. Изъ прочихъ, на государственномъ кораблѣ трое были балластомъ, а двое парусами.

Асквитъ, человѣкъ съ головой Диккенса, и натурой римлянина, умными глазами глядитъ на міръ и когда онъ говоритъ его необрамленный бородой ротъ рѣзко формируетъ безстрастныя мысли, которыя онъ сопровождаетъ скупыми жестами типичнаго англичанина. Всегда сдержанный, временами колеблющійся, реалистъ, но съ извѣстной робостью передъ быстрыми рѣшеніями онъ кажется больше вождемъ палаты, чѣмъ кабинета. Онъ за „*почетный миръ*" и прежде всего наблюдаетъ за конфликтомъ издали. На конгрессѣ мира всего міра, шесть лѣтъ тому назадъ, онъ сказалъ: „*гигантскія вооруженія накапливаются не ради красоты или времяпрепровожденія, а для того, чтобы быть пущенными въ ходъ въ нужный моментъ, быть можетъ при случайной вспышкѣ темперамента.*"

Лордъ Холленъ гораздо больше призадумывается, гуманистъ съ головой стараго кардинала кисти Тинторетто, человѣкъ молчаливаго нрава, излучающій темный блескъ. Къ Германіи онъ питаетъ слабость: поэтому онъ лучше другихъ знаетъ слабыя стороны Германіи. Послѣ того, какъ онъ получилъ воспитаніе на нѣмецкой основѣ, изучалъ нѣмецкую литературу, занимался въ Веймарѣ, набросалъ планъ Лондонскаго техникума по берлинскому образцу, довѣріе короля Эдуарда сдѣлало его военнымъ министромъ, для того, чтобы онъ увеличилъ небольшую англійскую армію и реорганизовалъ генеральный штабъ по германскому образцу, Такимъ образомъ, судьба заставила его ковать оружіе противъ той страны, которую онъ любитъ. Казалось, что тѣмъ болѣе рѣшительно онъ былъ готовъ прибѣгнуть къ оружію

только въ случаѣ необходимости и, со стѣсненнымъ сердцемъ, два года тому назадъ вернулся изъ Берлина, гдѣ онъ напрасно предлагалъ соглашеніе, которое сорвалъ Тирпицъ, объ ограниченіи количества и быстроты постройки новыхъ военныхъ судовъ. При этихъ переговорахъ, веденіе которыхъ ему затрудняли разногласія между императоромъ, канцлеромъ и генералъ-адмираломъ, люди разочаровали его гораздо больше, чѣмъ требованія. Онъ предложилъ соглашеніе, а наткнулся на недовѣріе. Развѣ онъ не долженъ былъ становиться все болѣе озабоченнымъ по мѣрѣ того, какъ іюль подвигался къ концу? Еще болѣе блѣднымъ становился его другъ, сэръ Эдуардъ Грей, который въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, въ теченіе восьми лѣтъ удерживалъ отъ войны не только Англію, но и континентъ. Это самый загадочный изъ всѣхъ пяти. Въ его характерѣ смѣшиваются національныя опасенія англичанина, видѣвщаго въ каждой войнѣ опасность для своей страны, которая четыре пятыхъ потребляемаго хлѣба должна ввозить изъ заграницы, съ мыслями европейца, пацифистскими стремленіями вѣрующаго христіанина. Такія настроенія ни одинъ государственный человѣкъ въ Европѣ тогда не могъ позволить себѣ, во избѣжаніе того, чтобы его собственная политика, несмотря на всѣ добрыя намѣренія, не подверглась бы опасности.

Онъ отшельникъ, его рѣдко можно видѣть въ обществѣ, нѣсколько ужасныхъ катастрофъ похитили у него жену и брата. Онъ другъ птицъ, страстный рыболовъ, слѣдовательно человѣкъ терпѣливый и осторожный. Безъ претензій и честолюбія онъ въ концѣ недѣли уносилъ свои одухотворенныя черты лица, большіе глубокіе глаза, тонкій молчаливый ротъ въ лѣса и съ его устъ охотнѣе сходили строфы Вордсворта, чѣмъ парламентскія рѣчи. Онъ мало путешествуетъ, не владѣетъ ни однимъ иностраннымъ языкомъ, разводитъ бѣлокъ въ своемъ имѣніи, любитъ дѣтей и много молчитъ. Но когда онъ держитъ рѣчь въ Нижней палатѣ, то все кругомъ сти-

хаетъ, потому что онъ говоритъ изумительно красивымъ стилемъ, не бросая взглядовъ на галлереи, пользуясь формами пэра старой Англіи возвѣщаетъ современныя идеи.

И все-таки онъ былъ не настолько силенъ, чтобы при полнѣйшей анархіи Европы ускользнуть отъ сѣтей союзовъ и онъ слишкомъ далеко удалялся отъ береговъ, такъ что сильный вѣтеръ въ концѣ концовъ все-же могъ захватить его корабль. Потому что и его охватило великое недовѣріе всѣхъ ко всѣмъ. Подъ угрозой роста германскаго флота, послѣ отклоненія Берлиномъ плана Хольдена, онъ зашелъ настолько далеко, что старыя только устныя условія короля Эдуарда съ Франціей были расширены въ договоръ, согласно которому при извѣстныхъ условіяхъ, въ случаѣ нападенія третьей державы, Англія была бы согласна перенять на себя защиту сѣвернаго побережья Франціи. Единственнымъ документомъ, которымъ онъ связывалъ свое отечество въ случаѣ войны, было письмо французскому послу Камбону, гдѣ онъ, на случай если Франція подвергнется серьезной угрозѣ, обѣщалъ общее совѣщаніе по поводу совмѣстнаго выступленія. Но уже этимъ самымъ рѣшающимъ письмомъ, которое, минуя кабинетъ министровъ, было извѣстно только отдѣльнымъ членамъ его, онъ далъ въ залогъ свободу Англіи въ гораздо большей степени, чѣмъ тамъ можно было прочесть. Онъ самъ вѣрилъ въ *„развязанныя руки"*; въ дѣйствительности онъ связалъ Англію морально. Развѣ оффиціальное совѣщаніе и, еще въ большей степени частный характеръ братанія командующихъ флотами и чиновъ обоихъ генеральныхъ штабовъ, не создавали атмосферы, которая должна была понемногу сдерживать свободное дыханіе министровъ иностранныхъ дѣлъ? Крупный англійскій историкъ Гучъ говоритъ о наличіи *„фактическихъ обязательствъ, даже тамъ, гдѣ формально не было никакихъ"*, Ллойдъ Джорджъ говоритъ объ *„обязательствѣ чести"*, а Черчиль даже о положеніи *„въ которомъ мы хотя имѣли обязанности, но не*

имѣли преимуществъ союзника... Мы были обязаны морально придти Франціи на помощь.“

Когда королевская чета въ апрѣлѣ 1914 года посѣтила Парижъ и Грей почувствовалъ вѣяніе континентальнаго воздуха, онъ избѣгнулъ новыхъ обязательствъ, но не могъ больше помѣшать морскому вѣдомству въ іюнѣ войти въ контактъ съ русскими, что Англія все еще только на случай обороны въ цѣляхъ помощи русскимъ, „*удержитъ въ Сѣверномъ морѣ*“ часть германскаго флота. Онъ не могъ помѣшать тому, что въ то время, какъ онъ говорилъ и мечталъ о мирѣ и соглашеніи, чины генеральнаго штаба, съ сэромъ Генри Вильсономъ во главѣ, тренировали своихъ людей для войны именно противъ Германіи; что планы высадки шести дивизій были выработаны до мельчайшихъ подробностей и, что постоянно возрастала интимность между тремя генеральными и морскими штабами. Русскій посолъ могъ лѣтомъ 1914 года писать изъ Лондона домой. „*Я сомнѣваюсь можетъ ли быть болѣе надежная гарантія для совмѣстныхъ военныхъ операцій въ случаѣ войны, чѣмъ духъ этой Антанты, подкрѣпленный военными соглашеніями.*“ Тутъ Грею и его правительству оставался единственный исходъ; „*не глядѣть фактамъ въ глаза*“, благодаря незнанію оставаться неповинными и, какъ утверждали его консервативные противники, по прежнему „*сидѣть въ состояніи нерѣшительности и пытаться имѣть дружественныя отношенія со всѣми.*“

Такимъ образомъ, когда весной 1914 года ему въ Нижней Палатѣ задали опредѣленный вопросъ онъ завуалировалъ какое то ни было соглашеніе съ Россіей. Впослѣдствіи онъ защищался слѣдующими словами: „*политическія обязательства не предполагалось держать въ тайнѣ. Морскія и военныя приготовленія необходимы, въ виду возможныхъ войнъ, но должны храниться въ тайнѣ. Въ данномъ случаѣ позаботились о томъ, чтобы эти приготовленія не встрѣчали бы политическихъ обязательствъ.*“ Тотъ фактъ, что это было формальной правдой снова доказываетъ

полнѣйшую беззащитность всѣхъ странъ Европы, страхъ всѣхъ министровъ и ихъ желаніе укрыться позади пушекъ, потому что туда ихъ толкала всеобщая Анархія Европы.

Рѣшающіе факторы этого народа купцовъ, который никогда не смѣлъ желать уничтоженія своего самаго крупнаго кліента, несмотря на возрастающую конкуренцію, въ общемъ стремились къ отношеніямъ какъ между Спартой и Афинами: „Мы никогда не потерпимъ уничтоженія Афинъ," — отклонила Спарта фиванское предложеніе.—„потому что Греція безъ Афинъ была бы человѣкомъ кривымъ на одинъ глазъ." Возрастающая численость и возрастающее безпокойство родственнаго германскаго народа, его полицейскій духъ, сдѣлали германскаго императора и имперію непопулярными въ островномъ королевствѣ. Но о предполагаемомъ нападеніи нигдѣ и ни у кого не было ни мысли, ни рѣчи.

Тѣмъ не менѣе Грей зналъ, какъ легко при лживомъ, наивномъ состояніи международнаго права, посредствомъ такъ называемаго *„нарушенія границъ"*, одинъ могъ обвинить другого въ нападеніи, которое онъ самъ сдѣлалъ, или же желалъ.

Ллойдъ Джорджъ былъ кельтомъ по происхожденію, слѣдовательно немного поэтомъ, къ тому же будучи сыномъ бѣдняка ткача онъ зналъ народъ. Въ немъ хитрость и близость къ народу, краснорѣчивость и энергія сконцентрировались съ такой силой, что ему понемногу должно было достаться руководство, для котораго онъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ слишкомъ силенъ. Онъ цѣликомъ опирался на жизненный опытъ въ такой же степени, какъ Асквитъ на теоріи права, онъ былъ демагогомъ любящимъ успѣхъ, въ такой же степени, какъ Грей былъ разсчетливъ, миролюбивъ и одинокъ. Лучше всего онъ умѣлъ мыслить глазами и познанія, необходимыя для морскихъ или каменноугольныхъ законопроектовъ, онъ съ мѣста въ карьеръ черпалъ непосредственно въ угольныхъ копяхъ и на морѣ. У нѣмцевъ онъ

изучалъ соціальный вопросъ, но будучи нерасположенъ къ искусствамъ и наукамъ онъ остался чуждымъ лучшимъ сторонамъ этого народа, и въ концѣ концовъ, почти также не выносилъ нѣмцевъ, какъ и французы. Тѣмъ не менѣе онъ обладалъ ясностью взглядовъ и уже шесть лѣтъ тому назадъ спрашивалъ своихъ земляковъ: „*Неужели вы не можете понять насколько объяснимы заботы Германіи? Не стали ли вы бы сами вооружаться и строить еслибы ваша страна настолько зажатая между врагами находилась бы передъ возможной европейской войной?*“ Онъ всегда заявлялъ, что состязаніе въ вооруженіи неразумно. Въ кабинетѣ онъ былъ тѣмъ членомъ, который меньше всего былъ свѣтскимъ человѣкомъ, но и меньше всего казался типичнымъ англичаниномъ.

Черчиль — послѣдній изъ пяти — былъ и тѣмъ и другимъ. Потомокъ герцога Мальборо, полуамериканецъ по крови, хорошо знающій свѣтъ, онъ, конечно, былъ склоненъ къ усиленію страны, которая помогала ему добиться свободы дѣйствія и власти. Не будучи ни человѣкомъ размышляющимъ, какъ Грей, ни спокойнымъ, какъ Асквитъ, ни пытливымъ, какъ Хольденъ, ни человѣкомъ изъ народа, какъ Ллойдъ Джорджъ, онъ одно или два десятилѣтія подрядъ переносился отъ поэзіи къ исторіи, изъ искусства въ технику, полуавантюристомъ изъѣздилъ весь свѣтъ, участвовалъ въ войнахъ, писалъ блестящія книги объ управленіи арміями, о свободѣ торговли, одновременно всегда о себѣ самомъ, вѣчный фантастъ, всегда съ зоркимъ взглядомъ и быстроногій. Въ дѣлѣ постройки англійскаго флота онъ совершилъ очень много, какъ смѣлый человѣкъ — онъ былъ знакомъ съ войной. И онъ зналъ войну. Онъ и Энверъ-паша были пожалуй единственными европейскими министрами, которые въ качествѣ солдатъ сражались на фронтѣ.

Изъ всѣхъ пяти рѣшающихъ кабинетовъ Европы этотъ кабинетъ, направляемый главнымъ образомъ вышеназванными пятью, меньше всего хотѣлъ войны,

дольше всего боролся противъ нея и тѣмъ не менѣе не предотвратилъ ее, хотя именно этотъ кабинетъ еще могъ предотвратить войну.

* * *

Въ теченіе полутора года новый германскій посолъ заслужилъ въ Лондонѣ похвалу, а въ Берлинѣ вызвалъ зависть. Князь Лихновскій, который одинаково привѣтливо относился къ странѣ, гдѣ онъ былъ аккредитированъ, какъ и къ своей родинѣ, всегда боролся съ послѣдствіями германскаго морского строительства, направленнаго противъ Англіи и противъ германской склоности къ Австріи. Тотъ фактъ, что онъ Англію любилъ больше Австріи былъ ошибкой только потому, и такъ долго, что онъ еще не дошелъ до верщины, съ которой возможно было перестроить германскую политику. Будучи болѣе независимымъ чѣмъ его коллеги, благодаря своему сану, состоянію и дружбѣ съ императоромъ, который былъ съ нимъ на „ты“ и всегда просилъ частныхъ донесеній, князь пытался, находясь на периферіи, вести центральную политику. Но, такимъ образомъ, онъ только увеличивалъ число своихъ враговъ въ министерствѣ и мѣшалъ друзьямъ дѣйствовать въ его пользу. Онъ считался диллетантомъ, потому, что онъ не былъ ни прусскимъ чиновникомъ, со всѣми его добродѣтелями и узостью, ни, собственно говоря, дѣловымъ руководителомъ миссіи, а вмѣсто этого ограничивался больше личнымъ вдохновеніемъ, такъ какъ у него были свои идеи. Онъ понималъ силу Англіи и слабость Австріи, въ зависимости отъ ихъ историческаго развитія, и чувствовалъ правильность этихъ взглядовъ на основаніи личнаго опыта. Дѣло въ томъ, что хотя онъ имѣлъ владѣнія въ Австріи, но, еще при жизни его отца, его семья впала тамъ въ немилость, а въ Лондонѣ его поведеніе и образъ дѣйствій внушали симпатію.

Лихновскій первый вноситъ тонъ европейца въ вѣнско-берлинскіе дебаты и сейчасъ же пишетъ въ

Берлинъ, что было бы *оченъ трудно заклеймить всю сербскую націю, именемъ народа злодѣевъ и убійцъ . . . Политику Австріи слѣдуетъ разсматривать, какъ политику авантюръ, потому что она не приводитъ ни къ радикальному рѣшенію проблемы, ни къ уничтоженію велико-сербскаго движенія.* Повторно предостерегаетъ онъ еще, какъ разъ наканунѣ ультиматума, отъ поддержки этого балканскаго приключенія.

„Что въ концѣ концовъ касается локализаціи спора, то вамъ придется согласиться со мной, что онъ въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до вооруженнаго столкновенія съ Сербіей, относится къ области благихъ желаній. Мнѣ кажется нужно обставить дѣло такъ, чтобы австрійскія требованія были формулированы такимъ образомъ, что давленіе изъ Петербурга и Лондона было пріемлемо для Бѣлграда, но ни въ коемъ случаѣ не привело бы къ необходимости вести войну ради вящей славы сіятельнаго графа Берхтольда“.

Эти предостереженія, вслѣдъ за которыми въ ближайшую недѣлю послѣдовало еще много подобныхъ, выдѣляютъ его передъ лицомъ исторіи съ честью въ числѣ тѣхъ трехъ германскихъ дипломатовъ, которые тогда видѣли событія совершенно правильно.

Яговъ, который тогда тоже уже давно не вѣрилъ въ Австрію, какъ въ догматъ, но все же продолжалъ молиться въ томъ же духѣ, цитировалъ по адресу Лихновскаго слова юмориста Вильгельма Буша. „Если тебѣ не подходитъ больше это общество, то ищи себѣ другое, если можешь найти.“ Вѣна благодаря балканскимъ кризисамъ ослаблена и едва ли можетъ считаться великой державой, поэтому мы должны поддерживать ее.

„Правда, дѣло не обойдется безъ нѣкотораго шума въ Петербургѣ, но въ сущности говоря Россія теперь не готова къ бою. Франція и Англія теперь тоже не будутъ желать войны. . . наша группировка тѣмъ временемъ становится слабѣе. Если локализаціи нельзя будетъ добиться и Россія нападетъ на Австрію, то мы Австріей пожертвовать не можемъ. . . Я не желаю предупредительной войны, но если борьба неизбѣжна, — мы не смѣемъ дезертировать.“

Это письмо, въ особенности его конецъ, показываетъ на сколько даже лучшія головы этихъ круговъ никогда не въ состояніи цѣликомъ преодолѣть плоды воспитанія въ кадетскомъ корпусѣ и офицерскомъ собраніи.

Въ то время, какъ въ началѣ кризиса о всѣхъ дипломатахъ Европы говорили, что они вели себя мужественно у Берхтольда было даже *„очень хорошее настроеніе“*, иностранные дипломаты сообщаютъ о Лихновскомъ уже въ началѣ іюля, что *„у него озабоченный видъ“*, — обстоятельства говорящія въ его пользу. Тотъ фактъ, что несмотря на совершенно различный образъ жизни онъ и Грей понимали другъ друга, говоритъ въ пользу обоихъ. Они вмѣстѣ, послѣ продолжавшихся нѣсколько лѣтъ переговоровъ, только что разрѣшили два важныхъ вопроса относительно передней Азіи и Португальской Африки. Такимъ образомъ, они теперь могли быть другъ съ другомъ гораздо болѣе откровенными, чѣмъ какая либо другая соотвѣтствующая пара дипломатовъ. На прямой вопросъ Грей даетъ послу прямой отвѣтъ. Формальныхъ соглашеній у Англіи ни съ кѣмъ нѣтъ, но всетаки отношенія съ Франціей и Россіей „очень интимныя“.

Противъ Сербіи должна была быть настроена вся натура Грея. Кровавыя преступленія вознесли и унизили эту династію. Грей думалъ объ убійствѣ князя Михаила, о покушеніи престолонаслѣдника, отреченіи Милана, неравномъ бракѣ Александра, объ убійствѣ его и его жены, о скандалахъ престолонаслѣдника Георгія. Несмотря на это его первыя слова объ ультиматумѣ слѣдующія: *„эта нота превосходитъ все, что я до сихъ поръ видѣлъ въ подобномъ родѣ... это самый ужасный документъ, который когда-либо былъ направленъ однимъ государствомъ, по адресу другого независимаго государства“*. Эта онъ сказалъ австрійскому послу Мендтдорфу, разумному австрійскому графу. Этотъ графъ, германскій посолъ и русскій посолъ, графъ Бенкендорфъ, находятся въ родствѣ и, подталкиваемые каждый своей миссіей, скоро станутъ врагами; также

какъ и три монарха воспользовавшись тѣмъ, что они
двоюродные братья, разорвали узы братства своихъ
народовъ. И теперь Грей посреди паутины выступле-
ній, нотъ, конвенцій, союзовъ первый въ Европѣ дѣ-
лаетъ самое естественное: онъ говоритъ Лихновскому
о томъ, что война вчетверомъ ужасна... *„кто бы въ*
подобной войнѣ ни остался побѣдителемъ, одно
достовѣрно: наступитъ полнѣйшее переутомленіе и
обѣдненіе, промышленность и торговля будутъ унич-
тожены, капитальныя силы разрушены; послѣдстві-
емъ будутъ революціонныя движенія изъ-за безрабо-
тицы.“

Въ эти первые три дня Грей встревоженный
слухами о твердости Петербурга говоритъ, обращаясь
на три стороны, черезъ своего представителя:

„Я совѣтую предпринять какъ можно больше, но за-
просить также мнѣнія прочихъ миссій.“

Къ австрійцу:

„Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы попытаться
сдѣлать все, что еще можно, чтобы предотвратить
грозящую опасность.“

„Нѣмцу:

„Я вполнѣ признаю законное требованіе Австріи
получить удовлетвореніе такъ же какъ и желаніе
того, чтобы всѣ имѣющіе отношеніе къ убій-
ству люди были наказаны . . . Я съ полной увѣ-
ренностью считаюсь съ тѣмъ, что за австрій-
ской мобилизацией послѣдуетъ русская. Тогда
мнѣ кажется наступаетъ моментъ въ связи съ вами,
Франціей и Италіей, пустить въ ходъ посредничество
между Австріей и Россіей. Безъ вашего соучастія
никакое посредничество не имѣетъ надеждъ на ус-
пѣхъ.“

Типичный примѣръ интернаціональнаго посред-
ничества; доказательство того, что этотъ англичанинъ
прежде всего ставилъ европейскій міръ выше си-
стемъ союзовъ и равновѣсій.

Оба посла телеграфируетъ своимъ министер-
ствамъ, но Лихновскій присовокупляетъ къ этому во
истину пророческія слова: *„предложеніе Грея един-*

ственная возможность избѣжать мiровой войны, въ которой мы ставимъ на карту все и не можемъ выиграть ничего . . . Если Францiя будетъ втянута, то Англiя не сумѣетъ остаться равнодушной.“

Одновременно Грей отправляетъ третiй зовъ въ Петербургъ. „Я думаю, что здѣсь общественное мнѣнiе не согласится съ тѣмъ, чтобы мы вступили въ войну изъ-за сербскаго спора. Но если она вспыхнетъ, мы могли бы . . быть втянуты и поэтому я прилагаю всѣ усилiя къ ея предотвращенiю. . . Единственная возможность сохраненiя мiра заключается въ томъ, чтобы прочiя четыре державы совмѣстно предложили бы Австрiи и Россiи не переступать границы. Если Германiя присоединится къ этой точкѣ зрѣнiя, то я рѣшительно придерживаюсь мнѣнiя, что Францiя и мы должны дѣйствовать въ этомъ смыслѣ.“

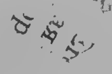
Такимъ образомъ, въ тотъ же самый день нѣмецъ сообщилъ своему министерству въ качествѣ предположенiя то самое, что Англiя сообщила своимъ посольствамъ въ томъ числѣ и берлинскому: она въ случаѣ войны едва ли останется нейтральной.

Здѣсь начинается трагическое сплетенiе обстоятельствъ. Отнынѣ въ головѣ Грея крѣпко засѣлъ одинъ единственный вопросъ: — сказать ли мнѣ громко всему мiру и Германiи, то, что я довѣрительно говорю моимъ посламъ: чтобы Германiя пошла на соглашенiе, потому что въ случаѣ войны и Англiя объявитъ мобилизацiю? Парижъ и Петербургъ ждутъ нашего искупительнаго слова. Я не могу дать этого слова, потому что только парламентъ въ правѣ разрѣшить этотъ жизненный вопросъ. Если я сегодня, сказавъ „да“, свяжу свою страну, то завтра утромъ эта же страна можетъ лишить меня полномочiй, потому что ни я, ни Асквитъ, ни кто бы то ни было другой съ увѣренностью не знаетъ, что скажетъ человѣкъ съ улицы, что скажетъ печать и парламентъ, когда дѣло зайдетъ такъ далеко. Тогда все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, отъ видимости того, кто напалъ, или на кого напали. — И все же я долженъ былъ грозить — продолжаетъ онъ размышлять. Въ

Берлинѣ и въ Вѣнѣ военные подстрекаютъ къ войнѣ и ужасная германская армія, болѣе готовая чѣмъ арміи ея противниковъ, можетъ надѣяться на побѣду надъ двойственнымъ союзомъ, но не надъ союзомъ трехъ.

Центръ тяжести этой внутренней борьбы Грей впослѣдствіи охарактеризовалъ слѣдующими словами: „передо мной вставала—настолько большая опасность, что для предотвращенія ея нужно было взвѣсить и разсчитать каждое слово: именно то: что Франція и Россія, въ надеждѣ на нашу поддержку, осмѣлились бы броситься воевать съ Германіей, и что эту поддержку нельзя было бы осуществить, и что насъ потомъ, когда уже было поздно, сдѣлали бы отвѣтственными за вовлеченіе ихъ въ войну.

Какъ въ античной трагедіи ясно обрисовывается здѣсь отчаянное положеніе большого человѣка, который всѣми силами сердца и духа пытается избѣжать всего фальшиваго, уничтожающія послѣдствія коего онъ предвидитъ. Но который, чтобы онъ ни предпринялъ роковымъ образомъ вынужденъ фальшивить, вслѣдствіи слабости, которая многіе годы тому назадъ вовлекла его въ половинчатые уговоры. Незначительная вина, чистѣйшее желаніе, великое смущеніе, истинное страданіе, трагическій конецъ: — совсѣмъ какъ въ трагедіи Эсхилла.

Глава VIII.

Выжидающіе.

Въ курьерскомъ поѣздѣ въ лихорадочномъ состояніи сидитъ человѣкъ; три дня и три ночи онъ наединѣ лихорадочно размышляетъ: мозгъ Извольскаго въ эти дни самый измученный мозгъ Европы, его сердце наиболѣе страстное изъ всѣхъ сердецъ. Какъ параллель мчится онъ какъ разъ теперь изъ Петербурга въ Парижъ, черезъ Германію: подобно курьеру ужаса. Такъ долго желать, такъ близко

чувствовать и все же преждевременно! Именно потому, что все его существо стремилось къ этой войнѣ онъ предупреждалъ отъ ея преждевременнаго начала и предостерегалъ своего министра отъ интригъ Гартвига въ Бѣлградѣ. Не раньше 1917 года и только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Время должно было измотать ненавистную Австрію: тогда наступилъ бы великій часъ Извольскаго. Но сегодня? Посмѣютъ ли въ Парижѣ слишкомъ много, или слишкомъ мало? Онъ обманулся, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ, но навѣрно на нѣсколько часовъ! Если бы только депеша изъ Бѣлграда прибыла въ Петербургъ на два часа раньше! Онъ тоже взошелъ бы на бортъ — „Франціи", которая привезла его домой. Никто не удерживалъ бы его здѣсь, гдѣ его ученики и даже его враги вполнѣ хорошо замѣщали его. Онъ провелъ бы бокъ о бокъ съ президентомъ эти важнѣйшіе дни его жизни, невозвратно богатые часы, въ теченіе которыхъ онъ, вмѣстѣ съ обоими вождями Франціи, обдумывалъ бы каждый ходъ на шахматной доскѣ, каждый общій шагъ былъ бы въ тиши одинокаго военнаго судна испытанъ, испробованъ, рѣшенъ!

Еще на Варшавскомъ вокзалѣ Палеологъ поклялся, что теперь наступилъ моментъ: *„этотъ случай означаетъ войну."* Но у того все же не было личнаго побужденія: месть! это былъ крикъ души, который въ теченіе пяти лѣтъ безпрестанно стоялъ въ ушахъ русскаго государственнаго дѣятеля.

Этотъ человѣкъ выглядитъ какъ паша. Его можно представить себѣ крѣпостникомъ. Твердая квадратная голова, выражающій жестокость подбородокъ, толстыя губы, которыя умѣютъ впиваться въ добычу: все напоминаетъ мрачнѣйшія легенды о Россіи, съ кнутами, водкой и бабами. И все это полно однимъ желаніемъ, жаждой мести.

Теперь уже прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда онъ сидѣлъ въ Бухлау, въ одномъ моравскомъ замкѣ, гостемъ австрійца, сидѣвшаго напротивъ. Они сидѣли въ высокихъ креслахъ у камина графа Берхтольда, свѣчи горѣли, кофе былъ поданъ, лакеи без-

шумно скрылись, двери были закрыты: тутъ онъ далъ провести себя графу Эренталю. Не носилась ли тѣнь Горчакова надъ ними. Тридцать лѣтъ тому назадъ тотъ заключилъ тайный договоръ съ Австріей: если та когда-либо захочетъ взять и удержать за собой обѣ турецкія провинціи, которыя она взяла въ управленіе, Боснію и Герцеговину, то Россія должна будетъ молчать. То же молчаніе будетъ хранить Австрія, если Россія потомъ пересмотритъ договоръ о проливахъ. Тогда наступилъ моментъ выполненія этого стараго уговора, отъ авторовъ котораго остались только кости, побѣлѣвшія въ ихъ роскошныхъ усыпальницахъ.

И всетаки у этаго камина онъ далъ провести себя австрійцу, не могъ укрыться отъ запросовъ въ Думѣ,—и долженъ былъ уйти.

Месть за Бухлай! Отнынѣ это его мысль. Ученикъ его врага, который уже въ Петербургѣ былъ ему непріятенъ, хозяинъ дома при той встрѣчѣ, тотъ самый Берхтольдъ тѣмъ временемъ сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ. Побить его, уничтожить Австрію, когда дѣло созрѣваетъ, становится мотивомъ всѣхъ его дѣйствій. И онъ интригуетъ въ Сербіи, подстрекаетъ Титтони къ походу на Триполи, поднимаетъ Балканы на войну противъ Стамбула, то есть противъ Австріи, а во второй разъ подымаетъ Румынію. Онъ становится посломъ въ Парижѣ, чтобы прожужжать всѣ уши Франціи. Съ Кайо ничего не подѣлаешь, съ этимъ трусомъ и другомъ нѣмцевъ. Но потомъ приходитъ къ власти Пуанкарэ, вялый Жоржъ Луи долженъ покинуть Петербургъ, всѣ посты заполняются людьми дружественными Россіи. Пуанкарэ вступаетъ въ Елисейскій дворецъ, его вліяніе все время возрастаетъ вмѣсто того чтобы падать. Онъ очаровываетъ царя въ Парижѣ и, когда Извольскій показываетъ ему свое послѣднее произведеніе—Тайный сербо-болгарскій договоръ противъ турокъ,—то Пуанкарэ, еще не окончивъ чтенія восклицаетъ: „*Это инструментъ войны.*“ Потомъ онъ говоритъ, обращаясь къ Рузскому: „*Если бы столкновеніе повлекло за собой вооруженное вмѣшательства Германіи,... то мы ни ми-*

нуты не будемъ колебаться выполнить наши обязательства по отношенію къ Россіи." На всякій случай онъ подчеркиваетъ, что предварительно должно быть предрѣшено германское нападеніе.

Со времени Агадира и опять-таки со времени разговора обоихъ союзниковъ проснулась уснувшая была мечта Франціи о реваншѣ, посѣщеніе англійскаго короля укрѣпило ее цѣликомъ.

Толкавшихъ ее къ войнѣ было нѣсколько десятковъ, нѣсколько сотъ человѣкъ, — здѣсь какъ и во всѣхъ углахъ Европы, — но ихъ голоса раздавались громко, ихъ позиціи были могучими, соблазняющія средства блестящими. Русскій посолъ графъ Бенкендорфъ въ февралѣ 1913 года писалъ въ Петербургъ:

„Когда я вкратцѣ повторяю переговоры со мной Камбона и слова, которыми мы обмѣнялись и добавляю къ этому позицію Пуанкарэ, во мнѣ встаетъ мысль почти равнозначущая убѣжденію, что изъ всѣхъ державъ Франція единственная, о которой если и нельзя сказать, что она желаетъ войны, то все же встрѣтила бы ее безъ особаго сожалѣнія".

Пуанкарэ появился за столомъ германскаго посла, (съ 1871 года французскій президентъ появлялся впервые въ германскомъ посольствѣ), но его лотарингское сердце громко билось подъ пурпуровой лентой, настолько громко, что даже баронъ фонъ Шенъ услышалъ это. Съ этимъ чиновникомъ они осмѣлилсь говорить открыто. Барту сказалъ ему прямо въ глаза: *„Отдайте намъ обратно Эльзасъ-Лотарингію и мы будемъ лучшими друзьями въ мірѣ"*. Въ этомъ году они считались съ возможностями войны. Губернаторъ Парижа генералъ Мишель потребовалъ отъ бюджетной комиссіи чрезвычайные запасы муки для столицы, потому, что *„это необычайный годъ, мы не знаемъ не произведемъ ли въ мартѣ или въ апрѣлѣ мобилизацію"*.

Въ маѣ бельгійскій посланникъ сказалъ, что Франція безспорно стала гораздо болѣе шовинистической. *„Они говорятъ, что они теперь увѣрены въ побѣдѣ"*. Одновременно ему сказалъ одинъ старый дипломатъ: *„если теперь случится тяжелый инцидентъ,*

то руководящіе люди обоихъ государствъ должны притти къ соглашенію въ три дня, или будетъ война".

Въ концѣ мая произошло волненіе, потому что на сценахъ берлинскаго легіона выступали солдаты иностраннаго легіона въ полной формѣ, одновременно въ Парижѣ нѣмцевъ выставляли въ жалкихъ роляхъ. Въ день національнаго праздника въ первый разъ въ обозрѣніи фигурировали цвѣтныя войска.

Въ теченіе двухъ дней ультиматумъ предъявленный Сербіи приводитъ министерство и печать въ ярость, въ особенности изъ за времени передачи. Никто не вѣритъ увѣреніямъ Германіи, что она не знала ни о чемъ, ее считаютъ подстрекательницей Вѣны. Французская рента падаетъ ниже, чѣмъ когда-либо со времени франко-германской войны, приходится закрыть биржу, всѣ вѣрятъ въ то, что Германіи желаетъ войны. Въ министерствѣ засѣдаетъ старый господинъ Бьенвеню Мартэнъ, замѣщая обоихъ президентовъ, которые плаваютъ въ морѣ. Онъ безпрестанно посылаетъ радіо-телеграммы за море, но ему не хватаетъ таланта и блеска въ личныхъ выступленіяхъ. Прежде всего онъ пачинаетъ переговоры о вчерашнемъ предложеніи Грея относительно конференціи. Этотъ замѣститель говоритъ съ германскимъ посломъ:

„Ваше обращеніе къ намъ о совмѣстномъ поддержаніи мира здѣсь оказало весьма благодѣтельное дѣйствіе.

„Германія объединена съ Франціей горячимъ желаніемъ мира,—говоритъ баронъ фонъ Шенъ. Отправная точка находится въ Петербургѣ."

„Что касается меня, то я охотно готовъ принять мѣры воздѣйствія для успокоенія Петербурга послѣ того, какъ Австро-Венгрія заявитъ о томъ, что она не предполагаетъ совершать аннексій".

„Совмѣстныя представленія державъ въ Вѣнѣ несовмѣстимы съ нашей точкой зрѣнія оставить Австро-Венгрію наединѣ съ Сербіей."

Слышно ли явственно, какъ они лгутъ? Не чувствуется ли спертый воздухъ кабинетовъ? Съ пол-

нымъ правомъ въ тотъ же самый день германскій императоръ, который правда хочетъ только уязвить этимъ французовъ, на послѣднемъ отчетѣ изъ Парижа пишетъ слова: „Форменная чепуха!"

Глава IX.

Протестующіе.

Гдѣ оставался разумъ? Развѣ онъ покинулъ Европу съ тѣхъ поръ, какъ онъ нѣсколько разъ напрасно съ умоляющими взглядами появлялся позади креселъ дипломатовъ? Развѣ тихая сапа всѣхъ приготовленій къ войнѣ привела его въ отчаяніе? Глухой стукъ обитыхъ двойныхъ дверей, скользкія рукопожатія дипломатовъ, шуршаніе шифровыхъ книгъ, трескъ телефона, разворачиванія картъ генеральнаго штаба, лживыя улыбки всѣхъ этихъ владыкъ и королей? Развѣ ему наскучили эти фигуры, осторожно ведущія подрывную работу, позади запертыхъ дверей старыхъ дворцовъ, безъ помѣхи орудующіе съ маленькими адскими машинами, чтобы тѣ точно, въ опредѣленный часъ, взорвались съ ужаснымъ грохотомъ, похоронивъ цѣлую часть свѣта? Разумъ безнадежно покинулъ кабинеты и вышелъ на улицу.

Въ городахъ стоитъ шумъ. Разумъ смѣшался съ милліонными масами. Покинувъ двадцать-тридцать владыкъ Европы, онъ пошелъ къ безымяннымъ, которыхъ большіе господа съ длинными именами предали. Теперь онъ возбуждаетъ рабовъ къ протесту. Они готовы, ихъ не нужно уговаривать. Глухо и обливаясь потомъ они ворчатъ. Стоя за токарными станками, котлами, паровыми молотами, моторами и вальцами они слышатъ, что газеты разсказываютъ имъ о надвигающейся грозѣ.

Но по вечерамъ они выходятъ изъ неподвижной сѣрости, изъ затхлой духоты своихъ предмѣстій въ блестящіе денежные кварталы, по нѣсколько друзей вмѣстѣ, другіе со своими женами и, раньше чѣмъ

имъ это успѣваетъ притти въ голову, безъ того, чтобы они этого желали, тысячи похожихъ людей собираются на оживленныхъ перекресткахъ, гдѣ сквозь полурастворенныя стеклянныя двери кафе доносятся звуки музыки, а внутрь проникаетъ уличный шумъ. Тутъ встрѣчаются всѣ эти люди возбужденные и усталые, они не знакомы другъ съ другомъ, не знаютъ другъ друга. Ихъ одежда, взгляды, цвѣтъ лица одъединяютъ ихъ общими будоражащими мыслями. Тутъ же въ толпѣ нѣсколько молодыхъ людей свистятъ и восклицаютъ: идемте же! Мы знаемъ гдѣ находится министерство! Впередъ! И сразу образуются колонны, они строятся въ ряды по пяти, по восьми. потому что они привыкли къ этому на военной службѣ, на демонстраціяхъ, дѣвушки берутъ ихъ за руки, женщины опускаютъ руки и становятся рядомъ съ мужьями. Злобно сверкаютъ блестящія пуговицы и глаза вооруженныхъ полицейскихъ на этихъ людей, но ихъ пока все еще пропускаютъ... Теперь министры и послы, статсъ-секретари, генералы и правители канцелярій, лорды, графы и великіе князья покидаютъ свои мягкія кресла и подходятъ къ открытымъ окнамъ, потому что улица шумитъ.

Не звучитъ ли это, какъ топотъ батальоновъ марширующихъ, прежде чѣмъ еще отданъ приказъ маршировать? Кто собирается въ толпу прежде чѣмъ императоръ или президентъ подписалъ декретъ? Вы собираетесь заставить ихъ?

„Миръ, миръ, долой войну!“

— Ахъ, вотъ что, соціалистики! Лицо вѣнскихъ воинственныхъ графовъ расплывается въ улыбку, испуганно глядитъ внизъ берлинскій канцлеръ, ненавистью горятъ глаза великаго князя, лондонскій премьеръ молча изучаетъ численность, тонъ и жесты массы, а французъ, вышедшій изъ ея толщи кусаетъ губы.

„Миръ, миръ! Мы не желаемъ войны!“ — шумитъ тысячное эхо у Бранденбургскихъ воротъ, на углу широкой Вильгельмштрассе, и за одно съ ароматомъ липъ нѣчто вродѣ испареній потной одежды многихъ

тысячъ проникаетъ сквозь окна, въ длинное низкое зданіе министерства.

„Миръ, миръ, долой войну!“ — въ тотъ же часъ звучитъ на вѣнскомъ бургрингѣ и со ступеней тщательно запертаго парламентскаго зданія эти крики уносятся надъ верхушками деревьевъ переполненнаго народомъ парка и проникаютъ въ окна въ стилѣ барокко Балплаца.

„Долой войну, да здравствуетъ миръ!“—шумитъ въ тотъ же часъ на обоихъ большихъ мостахъ черезъ Сену, доносится до Кэ д'Орсе и въ темныхъ окнахъ Елисейскаго дворца гулко отдается топотъ шаговъ. Захватывающій ритмъ марсельезы, требуя свободу народовъ, вздымается къ дому того самаго президента, который на морѣ съ нетерпѣніемъ надѣется на осложненіе и разсчитываетъ на дерзкую рѣшимость царскихъ генераловъ, — они вѣдь только что подъ звуки той же марсельезы пропустили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ царскія войска.

„Миръ! Миръ! Не надо войны!“—шумитъ въ тотъ же часъ на Трафальгаръ-скверѣ и носители идеи мира, со ступеней памятника величайшему воину, требуютъ миръ для всего міра.

Только въ Петербургѣ въ этотъ часъ шумъ умолкъ: здѣсь быстро разогнали, растоптали, разстрѣляли демонстрантовъ нагайками и шашками, копытами и револьверами. Да, патріотовъ охотно видятъ и слышатъ въ массѣ; во главѣ автомобиль, въ немъ сидитъ генералъ, потомъ студенты поютъ и машутъ знаменами, такъ движется шествіе по главнымъ улицамъ. На всякій случай тайно и поспѣшно организуютъ цензуру писемъ и телеграммъ *).

Скрытые густой вуалью дипломаты великихъ державъ работали въ пользу войны, отъ которой впо-

---

*) Ошибка автора по части россійскихъ событій. Въ Петербургѣ въ 1914 году, несмотря на забастовочную волну, въ центральныхъ частяхъ города никакихъ антивоенныхъ демонстрацій не происходило. Патріотическія манифестаціи тоже имѣли совершенно иной видъ.

Примѣчаніе переводчика.

слѣдствіи рѣшающія главы вѣдомствъ цѣликомъ уклонились. Но тѣ, которыхъ эти въ молчаніи своихъ кабинетовъ приговорили къ смерти, тѣ которыхъ безмѣрныя требованія государства заставляли маршировать, какъ только раздавался барабанный бой, проснулись и казалось рѣшили защищаться. Безсильно раздались идеалистическіе голоса пацифистскихъ союзовъ всего міра, безсильно сдѣлалъ Ватиканъ нѣсколько робкихъ шаговъ.

Именно потому, что судьба Европы должна была быть оформлена почти цѣликомъ только однимъ классомъ, другой классъ былъ призванъ повернуть судьбу. Не потому-ли, что власть имущіе никогда не могли согласиться на третейскій судъ, полстолѣтія тому назадъ безсильные соединились и пытались спасти для человѣчества то, къ чему они стремились для блага своего класса. Философы, столпы права, какъ бы изъ безвоздушнаго пространства посылали народамъ свои моральныя мысли о мирѣ и потому исторія нуждалась въ священномъ эгоизмѣ бѣднѣйшихъ и самыхъ угнетенныхъ для крика противъ войны. Потому что имъ нечего было ожидать отъ борьбы и честолюбія націи, какъ разъ передъ ихъ полузастывшими взглядами предсталъ фальшивый пафосъ знаменъ и рѣчей военныхъ побѣдъ и героическихъ пѣсенъ. Съ жестами лунатиковъ они протягивали руки туда, навстрѣчу грубымъ костлявымъ пальцамъ своихъ вражескихъ братьевъ. Неподвижно глядѣли верхніе камни, искуственныя пирамиды, озираясь въ пустынѣ: нижніе ступени стеная подъ гнетомъ столѣтій начали медленно шагъ за шагомъ приходить въ движеніе.

„Такъ какъ война прежде всего тяжело ложится на рабочій классъ и не только отнимаетъ у него кусокъ хлѣба, но и требуетъ отъ него крови, потому что вооруженный миръ парализуетъ продуктивныя силы... постановлено присоединиться къ конгрессу мира въ Женевѣ, чтобы по возможности скорѣе достигнуть разоруженія и образованія объединенныхъ свободныхъ государствъ Европы.“

Это было первое постановленіе рабочихъ противъ

войны, принятое конгрессомъ въ Лозаннѣ. Несмотря на всѣ сектантскіе споры, на перемѣнчивость программъ эта мысль каждые нѣсколько лѣтъ превозглашалась снова и пріобрѣтала симпатіи многихъ милліоновъ. Сорокалѣтній миръ не сумѣлъ усыпить эти умы: теперь наступилъ моментъ заставить прозвучать великое „нѣтъ“.

Ультиматумъ графа Берхтольда прозвучалъ сигналомъ для круга ихъ вождей и въ то время, какъ дипломаты зашифровывали тысячи депешъ, чтобы только не придти къ соглашенію, рабочіе ихъ странъ не нуждались въ телеграфѣ, чтобы, въ моментъ неожиданности перваго утра, въ тотъ же часъ въ центрахъ всего міра продиктовать своимъ вождямъ одну и ту же мысль, служащую выраженіемъ массоваго чувства.

Вотъ важнѣйшія отрывки изъ манифестовъ.

Берлинъ. Воззваніе правленія соціалъ-демократической партіи.

„Ни одна капля крови германскаго солдата не должна быть принесена въ жертву зуду властолюбія австрійскихъ владыкъ!.. Грозитъ міровая война! господствующіе классы, которые въ мирное время угнетаютъ, презираютъ, эксплоатируютъ васъ, хотятъ воспользоваться вами, какъ пушечнымъ мясомъ. Повсюду нужно громко крикнуть въ лицо властвующимъ: мы не хотимъ войны. Да здравствуетъ международное братство народовъ!“

„Форвертсъ“ отъ 25 іюля:

Они желаютъ войны—эти безсовѣстные элементы, которые имѣютъ рѣшающее вліяніе въ вѣнскомъ Гофбургѣ. Они желаютъ войны — уже въ теченіе многихъ недѣль, это желаніе звучало въ дикомъ крикѣ черно-желтой неуськивающей печати. Они желаютъ войны, — австрійскій ултиматумъ Сербіи явственно свидѣтельствуетъ объ этомъ передъ всѣмъ міромъ...

„Потому что кровь Франца-Фердинанда и его супруги была пролита выстрѣлами безумнаго фанатика, должна течь кровь многихъ тысячъ рабочихъ и

крестьянъ, безумное преступленіе должно быть превзойдено еще болѣе безумнымъ преступленіемъ.

„Потому что этотъ ультиматумъ по своей формѣ и по своимъ требованіямъ настолько безстыденъ, что сербское правительствo, которое покорно отступитъ передъ этой нотой, должно считаться съ тѣмъ, что народныя массы прогонятъ его въ два счета.

„Это было преступленіемъ шовинистической прессы Германіи до крайности подстрекать дорогого союзника въ его жаждѣ войны и безъ сомнѣнія господинъ фонъ Бетманъ-Гольвегъ обѣщалъ господину Берхтольду прикрытіе. Но въ Берлинѣ ведутъ такую же опасную игру, какъ и въ Вѣнѣ.“

„Лейпцигская Народная Газета“ отъ 24 іюля:

„Въ Австріи шовинистическіе круги обанкротились больше, чѣмъ бы то ни было, ихъ шовинистическій вой долженъ прикрыть собой ихъ экономическій крахъ, а грабежъ и убійство во время войны должны наполнить ихъ кассу.“

„Вѣнская Арбейтерцейтунгъ“:

„Каждый пунктъ этой ноты Берхтольда имѣетъ красный отблескъ той крови, что должпа быть пролита въ томъ дѣлѣ, для котораго были всѣ данныя и возможности почетнаго и мирнаго исхода... Отъ имени всѣхъ страдающихъ и прозябающихъ мы взваливаемъ отвѣтственность за бездѣйствія на тѣхъ, которые предприняли этотъ шагъ, ведущій насъ къ бездонной пропасти.“

Будапештъ:

„На порогѣ войны именемъ венгерскаго пролетаріата мы объявляемъ, что нашъ народъ не желаетъ войны, и что посылающихъ этотъ вызовъ судьбѣ онъ считаетъ преступниками, мѣсто которымъ у позорнаго столба исторіи.“

Парижъ:

„Иуставъ Эрве и съ нимъ одиннадцать другихъ парижскихъ газетъ, шесть профессіональныхъ союзовъ и родственныхъ организацій одновременно даютъ пароль всеобщей забастовки. Провинція тоже

присоединяется къ резолюціи только что принятой на ихъ конгрессѣ:

„Изъ всѣхъ средствъ, способныхъ помѣшать войнѣ и заставить правительство обратиться къ третейскому суду мы считаемъ всеобщую забастовку во всѣхъ участвующихъ странахъ наилучшимъ.

„Юманитэ“:

„Австрійская нота чрезвычайно жестока. Она повидимому разсчитана на то, чтобы самымъ глубокимъ образомъ унизить или разбить сербскій народъ. Условія, которыя Австрія собирается наложить на сербовъ такого рода, что приходится спрашивать себя, не желаетъ ли клерикальная и милитаристическая реакція Австріи войны и не хочетъ ли она сдѣлать ее неизбѣжной. Это было бы самымъ чудовищнымъ преступленіемъ.“

Въ такомъ родѣ или совершенно сходно перекликаются сегодня и завтра изъ Лондона, Рима, Бухареста, Берна и Стокгольма между собой вожди четвертаго сословія. Кабель приноситъ подобныя же рѣшенія изъ Новой Зеландіи и Калифорніи.

Демократическія газеты предупреждаютъ.

Петербургская „Рѣчь“:

„Австро-Венгерскій ультиматумъ,—квитанція, въ отвѣтъ на хвастливыя телеграммы парижскаго „Матэнъ“. Единственной возможностью для тройственнаго согласія избѣжать опасности быть втянутыми въ конфликтъ,— является локализація сербскаго вопроса и стараніе всячески избѣжать ободренія Сербіи.

Даже въ Берлинѣ онѣ совершенно справедливо обвиняютъ Австрію:

„Изъ всѣхъ народовъ и правительствъ, которые вслѣдствіе своихъ союзныхъ отношеній попали въ это ужасное положеніе, никто не хочетъ войны. Германскій народъ, абсолютно мирный, всѣми фибрами своей души желаетъ предотвратить несчастіе. И мы убѣждены, что во Франціи, Италіи, Англіи господствуетъ то-же самое желаніе сохранить миръ. И германское правительство такъ же мало жаждетъ войны, какъ и какое-либо другое правительство. Еще никогда вспых-

нувшая война не вызывалась тѣми, которые будутъ сражаться въ ней, и, все-же міровая кааастрофа подступила совсѣмъ близко. Было ли неизбѣжнымъ то, что все должно было именно такъ случиться,—въ этомъ теперь не приходится разбираться,—общественное мнѣніе Германіи, какъ мы уже не разъ говорили, было поставлено передъ совершившимся фактомъ...

Европа ждетъ монарха, или государственнаго дѣятеля, который, послѣ соглашенія съ ведущей войну Австріей, выступилъ бы съ дѣйственнымъ предложеніемъ посредничества между враждующими народами." (Теодоръ Вольфъ въ „Берлинеръ Тагеблаттъ").

Какой-то „профанъ", котораго бы ни одинъ дипломатъ не принялъ всерьезъ, берлинскій врачъ Артуръ Берштейнъ, съ большимъ мужествомъ и познаніями написалъ 30 іюля пророческую статью для „Берлинеръ Моргенпостъ", озаглавленную: „Послѣднія предостереженія". Эта статья были набрана, но не могла быть напечатана, потому что еще наканунѣ вечеромъ объявленіе „угрожающей опасности войны" сдѣлало бы невозможнымъ появленіе номера газеты съ этой статьей. Только пять лѣтъ спустя, когда недостатокъ свинца заставилъ произвести въ типографіи уборку, обнаружили наборъ и этотъ великолѣпный документъ былъ спасенъ отъ забвенія. Тамъ было сказано:

„Нѣтъ больше никакихъ сомнѣніи въ томъ, что Николаевичи по ту и по эту сторону границы желаютъ войны. Военные чуютъ славу и, такъ какъ отвѣтственные политики никогда не имѣютъ права вмѣшиваться въ разговоръ когда военные бесѣдуютъ между собой, то Бетманъ и Яговъ стушуются. Противъ Бетмана выдвинуто еще нѣсколько особыхъ экстренныхъ мѣропріятій; если онъ будетъ долго упираться, то будутъ стрѣлять боевыми патронами въ самое чувствительное мѣсто его частной жизни. Хотя и грязно, но въ данный моментъ „національная необходимость"... Черезъ нѣсколько дней никто не посмѣетъ ни сказать правды, ни тѣмъ болѣе писать.

И, поэтому, въ послѣдній моментъ: втравливающіе въ войну ошибаются. Во первыхъ: тройственнаго

союза нѣтъ. Италія не будетъ участвовать, во всякомъ случаѣ не на нашей сторонѣ; если она вообще выступитъ, то станетъ на сторону Антанты. Во вторыхъ: Англія не останется нейтральной, а станетъ на сторону Франціи... Англія не потерпитъ даже, чтобы германскія войска прошли черезъ Бельгію, что съ 1907 года является извѣстнымъ всѣмъ стратегическимъ планомъ. Если же Англія будетъ бороться съ нами, то противъ насъ выступитъ весь англійскій міръ, въ особенности Америка. По всей вѣроятности противъ насъ вообще выступитъ цѣлый міръ. Потому что Англію если и не любятъ, то повсюду уважаютъ, чего мы, къ сожалѣнію, о себѣ сказать не можемъ. Въ третьихъ: Японія нападетъ не на Россію, а, по всей вѣроятности, на насъ... Въ четвертыхъ: Скандинавскія государства (наши „германскіе" братья) будутъ намъ продавать все, безъ чего они сами могутъ обойтись, а въ остальномъ они не имѣютъ къ намъ ни малѣйшей склонности. Въ пятыхъ: Австро-Венгрія въ военномъ отношеніи едва-ли стоитъ выше сербовъ и румынъ. Въ хозяйственномъ отношеніи она можетъ проголодать отъ трехъ до пяти лѣтъ. Намъ она дать ничего не можетъ. Въ шестыхъ: революція въ Россіи можетъ случиться въ лучшемъ случаѣ только тогда, когда русскіе будутъ побѣждены.

„Наши послы знаютъ положеніе совершенно точно. Господинъ фонъ Бетманъ тоже долженъ знать его. Недопустимо, что онъ дозволяетъ безотвѣтственнымъ лицамъ вовлекать имперію въ войну, которая продолжится отъ трехъ до пяти лѣтъ, въ то время, какъ изъ боязни угрозъ пангерманцевъ и милитаристовъ онъ слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность. Будемъ ли мы побѣдителями къ концу этой ужасной войны, самой ужасной, которую когда-либо придется пережить міру, является открытымъ вопросомъ. Но даже если мы и выиграемъ войну, то мы ничего не выиграемъ... Денегъ для возмѣщенія расходовъ къ концу рѣзни нигдѣ нельзя будетъ достать... Германія ведетъ войну изъ за ничего, такъ же какъ она изъ за ничего вступила въ войну.—Мильонъ труповъ, два мильона ка-

лѣкъ и 50 милліардовъ долговъ будутъ активомъ этой „веселой, радостной войны“. Больше ничего.“

Напротивъ, „Берлинеръ Локаланцейгеръ“,—процитируемъ это, какъ примѣръ тѣхъ многихъ, наускивавшихъ къ войнѣ,—писалъ:

„Общее впечатлѣніе отъ австро-венгерской ноты можно выразить въ слѣдующихъ словахъ: рѣзко, но справедливо. Возможно, что найдутся люди, которымъ требованія вѣнской ноты покажутся черезчуръ рѣзкими. Такимъ людямъ можно указать на факты, вынудившіе дунайскую монархію на этотъ шагъ. Если даже не былъ бы поставленъ вопросъ о вѣрѣ въ самое существованіе монархической идеи въ Европѣ, то должно быть такъ же чувство справедливости и государственной и монархической солидарности тамъ, откуда Сербія разсчитываетъ получить помощь. Сербія исполнитъ австрійскія требованія, или же погибнетъ.

Вѣнская „Рейхспостъ“ саботировала даже выступленія Грея и писала явно по указаніямъ Берхтольда крупнымъ шрифтомъ въ экстренномъ выпускѣ:

Поднятый Австро-Венгріей мечъ даже предложеніями Англіи о посредничествѣ, не можетъ быть больше удержанъ.

* *

Заодно съ возрастающей опасностью, въ послѣдніе іюльскіе дни возрастаетъ также сопротивленіе протестующихъ. Но теперь характеры отдѣльныхъ народовъ сказываются яснѣе и общая картина представляетъ красный вѣеръ, секторы котораго имѣютъ всѣ оттѣнки отъ оранжеваго до лиловаго.

Изъ Россіи не доносится почти ни одного голоса: желѣзные пальцы казаковъ впиваются въ глотки, которыя желаютъ крикнуть. Только при наличіи извѣстной свободы,—въ Думѣ, въ началѣ войны, посмѣетъ раздаться одинъ голосъ.

Если здѣсь интернаціоналисты молчатъ, потому что власть имущіе рѣшили воевать, то они молчатъ и въ Англіи, считающей себя нейтральной. Лондонскія

газеты не бьютъ тревоги, „Финансіаль Ньюсъ до 4 августа на первыхъ трехъ страницахъ даетъ исключительно биржевую и экономическую информацію Мало что значатъ также немногочисленныя шествія въ Вестъ-Эндѣ, причемъ проживающіе въ Лондонѣ французы, вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми англичанами даютъ развѣваться рядомъ своимъ знаменамъ, при слабомъ вѣтеркѣ жаркихъ іюльскихъ дней. Ни улица, ни биржа, ни предприниматели всерьезъ не вѣрятъ въ войну на островѣ и изъ всѣхъ доводовъ противъ войны соціалистическая летучка выбираетъ только наиболѣе популярный:

„Почему мы должны помогать Россіи господствовать на континентѣ? 50 милліоновъ фунтовъ мы истратили въ Крымской войнѣ на эту Россію, которая угрожаетъ нашей Индійской имперіи. Еще въ теченіе послѣднихъ недѣль на улицахъ ея столицы убивали мирныхъ гражданъ. Что для насъ является большей опасностью: 65 милліоновъ людей нашей крови, мирно занятыхъ въ торговлѣ и промышленности, или 170 милліоновъ русскихъ рабовъ испорченнаго самодержавія?“

Англійская улица позже всѣхъ начнетъ звать къ протесту, но и позже всѣхъ кончитъ съ этимъ,— нѣтъ, она никогда не перестанетъ протестовать.

Въ Берлинѣ въ слѣдующіе дни начались шествія молодыхъ людей, которые проходили по Унтеръ-денъ-Линденъ съ знаменами и пѣніемъ, кричали „Долой Сербію“ и были счастливы, что въ первый разъ въ жизни шуцманъ разрѣшалъ свободно проходить и кричать. Кто ихъ видалъ, этихъ мальчишекъ и авантюристовъ, лишенныхъ мыслей и полныхъ жизненной силы, нуждавшейся въ клапанѣ, достаточно быстро забывалъ о нихъ, приходя на одно изъ тѣхъ 27 собраній, на которыхъ десятки тысячъ рабочихъ, глухо и злобно бушуя, привѣтствовали слѣдующую резолюцію:

„Своимъ жестокимъ ультиматумомъ Австрія объявила Сербіи войну, русскій пролетаріатъ геройски начертилъ на стѣнѣ кровожаднаго царизма гроз-

ныя буквы... Французскіе и нѣмецкіе рабочіе пламенно протестовали противъ преступленій тѣхъ, кто науськиваетъ на войну.“ Стало быть неправда, что широкія массы этихъ странъ охвачены воинственнымъ настроеніемъ.

И по всѣмъ тридцати двумъ промышленнымъ городамъ Германіи въ тотъ же вечеръ послышался тотъ же кличъ.

Но протестъ былъ разрѣшенъ только на собраніи въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, только подъ крышей, чтобы Божье ухо не такъ легко услыхало его. Подъ открытымъ небомъ было разрѣшено только заранѣе заготовленное пѣніе „Heil Dir im Sierkrang“ въ честь императора, только ненависть по адресу братьевъ по ту сторону политическихъ границъ.

Тѣмъ не менѣе, нѣсколько сотенъ осмѣлились, они пришли съ Фридрихштрассе на Унтеръ-денъ-Линденъ, рѣшительно распѣвая рабочія пѣсни. Съ другой стороны черезъ Бранденбургскія ворота проходятъ молодые люди и поютъ „Deutschland, Deutschland über alles.“ Появляются конные полицейскіе, столкновеніе, свалка, очищаются тротуары, всадники гонятъ толпу, на углу Вильгельштрассе новыя демонстраціи, на Шадовштрассе новыя столкновенія. Средняя часть Унтеръ денъ Линденъ дрожитъ отъ топота конскихъ копытъ, число конныхъ полицейскихъ увеличивается. Всякаго кто сопротивляется арестовываютъ. При помощи конскихъ копытъ и толчковъ они оттѣсняютъ возбужденныхъ рабочихъ назадъ, чтобы они не были видны съ балконовъ иностранныхъ посольствъ и тѣ не могли бы протелеграфировать домой, что въ Германіи есть люди не желающіе войны.

Такимъ образомъ толпу гонятъ вверхъ по Унтеръ денъ Линденъ и въ то время, какъ разбитые рабочіе съ пѣніемъ удаляются въ сѣверные кварталы другіе спѣшатъ къ замку. Тамъ императоръ велитъ охранять себя отъ своего народа; замокъ оцѣпленъ кругомъ. Голоса любви, пѣніе вѣрноподанныхъ не могутъ достигнуть до слуха своего монарха.

Еще два дня остались — „Форвертсу“ чтобы писать правду:“

„Есть только одинъ отвѣтъ на мобилизацію державъ: длительная мобилизація народа.“ Подъ конецъ: „въ складкахъ тоги германскаго императора, какъ союзника Австріи, находится миръ, или война; на его долю выпало рѣшеніе . . . Къ сожалѣнію камарилья подстрекателей къ войнѣ дѣйствуетъ съ крайней беззастѣнчивостью, чтобы спутать всѣ мѣропріятія правительства и настоять на самомъ чудовищномъ: на опустошеніи Европы.“

Но императоръ, который не читалъ этого, который никогда не видалъ лицомъ къ лицу ни одного соціалиста, но услышавшій о демонстраціяхъ пишетъ на поляхъ доклада: *„Это не должно быть терпимо. Въ случаѣ повторенія я велю объявить осадное положеніе и запереть вождей со всѣми ихъ присными подъ замокъ“.*

Колумбово яйцо!

* * *

Словно указаніе съ неба. Развѣ какъ разъ въ эти дни не засѣдаютъ вожди, собравшіеся изо всѣхъ странъ въ Брюсселѣ, гдѣ находится ихъ центръ? Утромъ они совѣщались между собой, поклялись другъ другу оказать сильнѣйшее давленіе на свои правительства и назначили на 9 августа конгрессъ, именно въ Парижѣ, чтобы показать всему міру, что они едины. Но вечеромъ въ огромномъ циркѣ стоитъ духота; тамъ тѣснятся 8 тысячъ брюссельскихъ рабочихъ, показывая другъ другу вождей на трибунѣ. Этотъ, который предсѣдательствуетъ на собраніи, Вандервельде, ихъ землякъ, его знаютъ всѣ. Онъ сталъ немного блѣденъ и остороженъ, какъ и стоящій рядомъ съ нимъ Трельстра (голландецъ). Но вотъ сіяетъ рѣшительная, идеалистическая голова Кейръ-Харди. Онъ приноситъ съ собой миролюбивое желаніе Англіи. И рядомъ съ нимъ Рубановичъ, который

только что участвовалъ въ руководствѣ тяжелыми забастовками въ Петербургѣ.*) Гаазе, вождь нѣмцевъ, очень умный, быть можетъ болѣе страдающій, чѣмъ страстный. На него, главу сильнѣйшей партіи въ мірѣ, обращены всѣ взгляды, онъ восхваляетъ то, что вчера вечеромъ случилось въ Берлинѣ и заявляетъ, что призывъ къ миру его братьевъ даетъ гарантію противъ всѣхъ Тирпицовъ и Берхтольдовъ.

Но вотъ! Кто подымается вслѣдъ за нимъ на трибуну? Приземистый человѣкъ съ львиной головой, его можно принять за херуска, настолько онъ свѣтловолосъ и ширококостенъ. Но послушайте только его голосъ послѣ того, какъ улегся тысячеголосый гулъ, Они любятъ его и поэтому не даютъ ему говорить, каждый разъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Онъ ихъ вождь, онъ сегодня совѣсть Европы. Онъ происходитъ изъ страны революціи и свободы, за нихъ онъ сражается въ самой гущѣ партійныхъ хитросплетеній у себя дома, онъ провозглашаетъ ихъ подъ небомъ любой страны. Некоронованный король милліоновъ обоихъ міровъ, рыцарь братства и трубадуръ любви и гуманности. Это прирожденный трибунъ. Это Жоресъ.

Стоящій на трибунѣ невеликъ ростомъ, но внушителенъ. Ему лѣтъ за пятьдесятъ: это ли современный пророкъ? Это ли другъ человѣчества? На фанатика онъ не похожъ, не вѣютъ подъ нимъ и трагическія тѣни. То что наполняетъ его душу,— это радость жизни и желаніе дать ее столькимъ братьямъ. Бѣдный молодой человѣкъ, при поддержкѣ меценатовъ имѣвшій возможность кончить университетъ, въ 25 лѣтъ уже депутатъ и профессоръ философіи, онъ накопилъ огромную сумму познаній, чтобы доказать себѣ и людямъ то, что его сердце знало съ самаго начала. Но его любовь къ людямъ — основная черта характера этого льва съ душой ребенка—сильнѣе всего

Очевидная ошибка. Соц.-рев. И. А. Рубановичъ — старый политическій эмигрантъ, принявшій французское поданство, вернулся въ Россію только послѣ революціи 1917 года. До войны и во время войны, (когда онъ занималъ патріотическую позицію) онъ не пріѣзжалъ въ Россію. Прим. пер.

излучалась въ рѣчахъ, передаваясь другимъ, безразлично одному, тремъ или тысячѣ. Съ одинаковой силой онъ любитъ Францію, гдѣ онъ выросъ въ прекрасномъ Лангедокѣ и Европу, любитъ ее также сильно и естественно и не въ состояніи понять, почему ея отдѣльныя части борятся другъ съ другомъ. Онъ сталъ соціалистомъ ради примиренія, а не ради борьбы, изъ справедливости, а не изъ ненависти. И это звучитъ въ его рѣчахъ.

Что онъ скажетъ въ этотъ часъ, когда свершается рокъ?

„Наша роль болѣе легкая, чѣмъ роль нашихъ германскихъ товарищей. Мы не должны принуждать нашу страну къ миру, она сама желаетъ его. Я, который никогда не боялся принимать на свою голову ненависть шовинистовъ за то, что я хотѣлъ сблизить Германію и Францію, я сегодня имѣю право громко свидѣтельствовать за мою страну. Я торжественно заявляю, что въ данный моментъ правительство Франціи желаетъ мира. Достойное удивленія правительство Англіи прокладываетъ пути къ примиренію и рекомендуетъ Россіи разумность дѣйствій и терпѣливость. Но если это не удастся и Россія завтра все-таки выступитъ, тогда французскіе рабочіе объявятъ: никакого тайнаго договора мы не знаемъ. Мы знаемъ только открытый договоръ съ человѣчествомъ и культурой.

У себя дома несчетное число разъ намъ ставили въ примѣръ бравыхъ нѣмецкихъ соціалистовъ. Вчера разсѣялся обманчивый миражъ. Наши берлинскіе товарищи демонстрировали тысячами. Еще никогда германскій рабочій классъ не оказывалъ человѣчеству подобной услуги. Французскіе соціалисты были среди нихъ и восклицали на шествіи по Унтеръ-денъ-Линденъ: „*Долой войну*"! Когда неограниченнымъ владыкамъ, при помощи механическаго принужденія и опьяненія первыхъ боевъ, удастся распалить массы, пока повсюду не начнутъ ухмыляться смерть и бѣдствія и когда тифъ закончитъ работу снарядовъ, тогда всѣ войска обратятся противъ своихъ владыкъ и спро-

сятъ: по какимъ причинамъ вы нагромоздили эти горы труповъ? Тогда раскованная революція скажетъ имъ: ступайте прочь и просите Бога и людей о пощадѣ! Если же намъ удастся усмирить бурю, тогда народы воскликнутъ: мы желаемъ воспрепятствовать провидѣнію, каждые шесть мѣсяцевъ вставать изъ могилы и пугать міръ!..

„Отъ имени французскихъ товарищей я благодарю германскихъ и клянусь: въ рѣшительной борьбѣ противъ Атилловой поступи подстрекателей къ войнѣ мы будемъ продолжать ихъ по братски поддерживать вѣрные до самой смерти“!

Циркъ дрожитъ отъ могучаго общаго крика. Восемь тысячъ человѣкъ повскакали съ мѣстъ ихъ тѣла хотятъ вытянуться, потому что выпрямились ихъ души. Вотъ гдѣ правда! Такъ чувствуютъ они всѣ! Никто не слышалъ послѣднее слово въ концѣ рѣчи? Смерть!

Никогда больше Жанъ Жоресъ не обратится своимъ львинымъ голосомъ къ толпѣ.

* * *

Въ Парижѣ новая сенсація. Съ того времени какъ 20 лѣтъ тому назадъ люди боролись за или противъ Дрейфуса, Парижъ едва ли переживалъ такъ страстно какое-либо событіе, какъ процессъ жены Кайо, бывшаго премьера, которая изъ мести за его политическую травлю правда не только за это, застрѣлила редактора — „Фигаро“. Когда отъ улнтиматума Европа металась какъ въ кошмарѣ, внезапно ворвавшемся въ лѣтній сонъ, парижане лихорадочно слѣдили за рѣчами обвинителей и защитниковъ и въ газетахъ, наряду съ телеграммами изъ Вѣны и Бѣлграда, ежедневно помѣщались цѣлые ряды фотографическихъ снимковъ, относящихся къ дамѣ-убійцѣ. Не всѣ знали, что политическія послѣдствія убійства Кальметта и убійство эрцъ-герцога въ концѣ концовъ скрещивались и что оправданіе судомъ мадамъ

Кайо одновременно было оправданіемъ попавшаго на скамью подсудимыхъ миролюбія Франціи.

Усталость и желаніе быть свободными по случаю новаго гораздо болѣе значительнаго событія, впрочемъ вліяли на общественное мнѣніе, къ которому должны были прислушиваться судьи, потому что братья берлинскихъ крикуновъ уже совершали шествія по парижскимъ бульварамъ.

Соціалисты взывали къ своимъ единомышленникамъ:

„Начиная съ субботы загипнотизированная толпа проносится по большимъ бульварамъ и кричитъ. „Берлинъ! Да здравствуетъ война...“

Если сегодня вечеромъ этихъ сумасшедшихъ не заставятъ молчать, то завтра все кончено. Поэтому поднимайтесь сегодня вечеромъ въ 9 часовъ и идите всѣ къ зданію „Матэнъ“ и кричите „Долой войну!“

На слѣдующій день: воззваніе къ подготовкѣ всеобщей забастовки въ Парижѣ. Это историческій день, потому что сегодня утромъ въ первый разъ въ голосѣ одного соціалиста послышались колебанія совѣсти: онъ колебался между отечествомъ и человѣчествомъ. Еще семь лѣтъ тому назадъ въ Штутгартѣ онъ ликовалъ.

„Французскій генеральный штабъ морально разоруженъ нами, антимилитаристами. Онъ знаетъ, что война означаетъ возстаніе пролетаріата.“

Это Эрве—и то, что онъ сейчасъ выдвигаетъ на первый планъ въ двухъ большихъ статьяхъ въ своей газетѣ означаетъ начало кризиса въ рядахъ интернаціоналистовъ, кризиса, окончаніе котораго черезъ пару дней рѣшитъ судьбу Европы. Слушайте сегодня его голосъ. Что двигаетъ имъ? Колеблющееся чувство загадочной души? Или же вѣра въ то, что Германія готова совершить нападеніе.

„Какъ! Наша прекрасная мечта о международной всеобщей забастовкѣ противъ войны,—гдѣ она осталась? Мы мечтали повести народы противъ ихъ правительствъ, чтобы заставить ихъ въ своихъ конфликтахъ обращаться къ третейскому суду. Но наши

крылья сломаны отъ напора жесткой дѣйствительности и мы снова упали на землю, каждый на свою родную землю, съ единственной мыслью въ этотъ моментъ защищать ее, какъ это дѣлали наши отцы, отъ ужасовъ вражескаго нашествія!“ Было бы это войной на защиту маленькаго угнетеннаго народа, но рѣчь идетъ о престижѣ царя, о чести русскаго правительства. Рабле, Вольтеръ, Викторъ Гюго, при этихъ словахъ разразились бы хохотомъ въ своихъ могилахъ. Честь Николая не можетъ допустить, чтобы затронули Сербію. Честь господъ союзниковъ не реагировала настолько чувствительно, когда онъ душилъ Финляндію и угнеталъ поляковъ и евреевъ. Наша группа въ палатѣ вѣритъ въ то, что вмѣшательство Россіи могло бы еще увеличить опасность, не давая никакихъ гарантій бѣдной Сербіи. Это значило бы только играть на руку германскимъ имперіалистамъ и содѣйствовать наступленію ихъ часа!

„Отечество въ опасности!“—восклицаетъ онъ на слѣдующій день.—„Отечество и революція въ опасности: Здѣсь въ Парижѣ мы уже вычеркнули при пѣніи интернаціонала стихъ о генералахъ и очищенный такимъ образомъ Интернаціоналъ ни что иное какъ марсельеза, которую наши отцы пѣли сто лѣтъ тому назадъ!“

Слышится ли сквозь эту блестящую стилистику мятенія обезпокоенной души. „Отечество революціи въ опасности!“

Но массы все еще кажутся твердыми. На слѣдующій вечеръ, послѣ берлинской демонстраціи въ Парижѣ, объявлено о массовомъ собраніи всеобщей конфедераціи труда. Въ послѣдній моментъ собраніе воспрещается, потому что ораторы собираются обсуждать средства, какъ воспрепятствовать мобилизаціи. Развѣ это не эхо Вильгельма? Развѣ владыки Республики читали императорскія замѣтки? Всѣ средства противъ войны запрещены государствомъ. Не создавайте никакихъ группъ, пацифисты. Расходитесь братья! Нашъ престижъ въ опасности!

На слѣдующій день одинъ парижскій иллюстрированный журналъ даетъ снимки на одной страницѣ, гдѣ слѣва изображенъ императоръ, а справа Пуанкарэ, оба встрѣчаемые ликованіемъ при возвращеніи въ свои столицы. Оба народа надѣются еще сегодня получить отъ обоихъ миръ.

Глава X.

Европейскій концертъ.

Еще разъ назадъ въ тишь кабинетовъ. Послушаемъ, что такъ ожесточаетъ вождей государствъ. Не разорвется ли наше сердце, оплакивая бѣдныя креатуры, напрасно старающіяся избѣгнуть тяжелаго рока. Будутъ ли переговоры въ состояніи снять покрывало съ могучихъ проблеммъ, разрѣшить которыя въ состояніи только одна сила?

Даже то, что удерживаетъ ихъ подъ покровомъ, въ сущности говоря только взаимный страхъ враждебныхъ группъ другъ къ другу, гигантски выросло. То, что эти двѣ дюжины господъ, которые сейчасъ положили на чашку вѣсовъ судьбу Европы говорятъ другъ другу — никогда не будетъ ни трагическимъ, ни возвышеннымъ, въ лучшемъ случаѣ только печальнымъ и смѣшнымъ. Никто изъ безчисленныхъ, потерявшихъ своихъ сыновей и мужей, которые пять лѣтъ спустя искали утѣшенія для угнетеннаго невинаго отечества въ національныхъ писаніяхъ и нашли въ дьявольскомъ заговорѣ враговъ, не должны были прочесть эту интернаціональную правду. Они разразились бы проклятіями отъ сознанія того, что самая дорогая для него жизнь, вмѣстѣ съ милліонами другихъ, погибла ни за что. Они посылали бы проклятія преступному легкомыслію нѣсколькихъ вѣнскихъ графовъ, халатности германскихъ государственныхъ людей, жадности къ власти русскихъ великихъ князей, слабости нервовъ коронованныхъ кузеновъ. Они проклинали бы людей, кото-

рые никогда не переступали черту посредственности въ виновности и жадности въ цѣляхъ и желаніяхъ, дарованіяхъ и порокахъ и были велики только въ одномъ: въ средствахъ, при помощи которыхъ они обманывали и уничтожали милліоны недогадывавшихся ни о чемъ людей.

* * *

Графъ Берхтольдъ улыбался. Онъ изучилъ искусство скрывать разочарованіе, равно какъ и радость, подъ нейтрализующей маской галантнаго кавалера. Даже тогда, когда его лошади плохо приходили къ старту онъ, стоя на трибунѣ, улыбался. Онъ и не подалъ виду насколько непріятна ему была слава его вернувшагося изъ Сербіи жеребца. Хитрый Пашичъ призналъ себя побѣжденнымъ, король свободной страны обязался публично проклясть идеалы цѣлой расы и націи и уволить защитниковъ отечества, по требованію угрожающаго сосѣда. Государственные люди Европы вздохнули, когда они на утро послѣ послѣдней сцены въ Бѣлградѣ прочли о подчиненіи Пашича. Только Берлинъ обслуживался плохо. Уже два раза его союзникъ опредѣленно обманулъ его, потому что Берхтольдъ былъ ученикомъ Меттерниха, но Бетманъ не былъ ученикомъ Бисмарка.

Берхтольдъ, желая обмануть, скрылъ отъ берлинцевъ о результатахъ сербскаго разслѣдованія, объ оффиціально объявленной *„скудости"* результатовъ, такъ что Берлинъ вѣрилъ въ наличіи *„достаточнаго"* матеріала, что единственно, хотя и частично могло оправдать ультиматумъ передъ лицомъ Европы. Онъ также завѣрилъ Берлинъ, что *„Австро-Венгрія:.. ни въ коемъ случаѣ не стремится къ расширенію своей территоріи"*, но умолчалъ о томъ, что вѣнскій кабинетъ только что, и снова вопреки предостереженію Тиссы, рѣшилъ *„уменьшеніе Сербіи въ пользу другихъ государствъ"*.

Но, ни союзникъ посредствомъ своего посла, ни собственный посолъ, не послали дословный текстъ

сербскаго отвѣта въ Берлинъ и только послѣ того, когда безъ пользы прошли драгоцѣнныхъ 24 часа и сербскій повѣренный въ дѣлахъ доставилъ отвѣтную ноту самъ — ее могли послать къ императору въ Потсдамъ. Было 10 часовъ вечера, когда прибылъ этотъ историческій документъ, имѣвшій міровое значеніе. Но монархъ отложилъ чтеніе.

На слѣдующее утро онъ читаетъ документъ. Онъ вздыхаетъ, изумленный и облегченный. Богъ еще разъ избавилъ его отъ необходимости вести войну. Его рука, видимо водила сербскимъ перомъ. Развѣ онъ не доказалъ, что онъ не дрожитъ? Чуть-чуть не бросилъ перчатки? Вѣна побѣдила, Бухарестъ получилъ предостереженіе, Софія ободрена. Еще одинъ благородный жестъ и Нибелунгова вѣрность спасла престарѣлаго союзника.

Императоръ пишетъ на поляхъ.

„Великолѣпный результатъ для короткаго срока въ 48 часовъ. Это больше, чѣмъ можно было ожидать? Крупный моральный успѣхъ для Вѣны, но тѣмъ самымъ отпадаетъ всякій поводъ къ войнѣ, и Гизлю преспокойно слѣдовало бы оставаться въ Бѣлградѣ. Въ отвѣтъ на это, я бы никогда не приказалъ произвести мобилизацію."

Одновременно къ Ягову: переговоры могли бы выяснить послѣдніе пункты, но австрійцамъ должно быть дано удовлетвореніе чести, они должны будутъ стоять на чужой землѣ и имѣть Бѣлградъ въ качествѣ залога въ своихъ рукахъ. На этихъ основахъ онъ готовъ взять на себя посредничество.

Нервный человѣкъ, пользующійся словаремъ хлыщеватаго офицера, боясь показаться боязливымъ, самодержецъ, привыкшій останавливаться когда ему заблагоразсудится. Больная душа этого человѣка, который всегда стремится казаться спокойнымъ, руководится то импульсомъ угрозы, то новымъ импульсомъ уступчивости. Если-бы онъ стоялъ во главѣ фабрики, торговой компаніи, семьи, ему не хватало бы постоянства, которое въ такомъ большомъ госу-

дарствѣ могло быть гарантированно только мужественными, свободными министрами.

Въ эти дни онъ очень мирно настроенъ; что еще исходитъ отъ его руки, на терпѣливыя бѣлыя поля документовъ?

Рядомъ со статьей, требовавшей отъ него предвидѣнія позиціи Россіи, онъ написалъ.

„*Я* не могъ предположить, что царь станетъ на сторону бандитовъ и цареубійцъ. На такую вещь германецъ неспособенъ, это совсѣмъ по славянски, или по латински.“

Тѣмъ временемъ, графъ Берхтольдъ велѣлъ опубликовать такъ называемое дѣло противъ Сербіи, его можно назвать также „Note Explicative“, или какимъ-нибудь другимъ словомъ изъ словаря эпохи рококо. Совершенно въ галантномъ стилѣ того времени эта тѣнь настоящаго грансиньера, любитъ подобные обороты, обнажающіе его видѣніе о міровой войнѣ изъ окна кабинета: „*Это впервые со времени созданія тройственнаго союза ангажируется такая крупная партія.*“ „*Слѣдуетъ подчеркнуть, что это замѣчаніе слѣдуетъ безъ какого либо намѣренія противъ Россіи.*“ И когда подъ конецъ все поставлено на карту онъ говоритъ о послѣдней попыткѣ „*предотвратить*“ европейскую войну.

Смакуя этотъ стиль, подражающій красивымъ изгибамъ и линіямъ Фишеровскаго дворца, въ которомъ онъ пишется, становится понятнымъ, какъ озабочены тамъ вопросомъ, кто же долженъ теперь „*передать*“ объявленіе войны. Гизль вѣдь сейчасъ же долженъ былъ уѣхать. Отправка по почтѣ была бы дѣломъ ненадежнымъ, могли бы оспаривать правильность полученія, а парламентера послать до объявленія войны было бы неудобно. Наконецъ нашелся простой и глубокомысленный путь; 28 іюля въ 11 часовъ утра передали по телеграфу на французскомъ языкѣ черезъ Бухарестъ-Бѣлградъ:

„Такъ какъ королевское сербское правительство не отвѣтило въ удовлетворительной формѣ на ноту, переданную ему посломъ Австро-Венгріи

въ Бѣлградѣ 23 іюля 1914 года, то императорское правительство видитъ себя поставленнымъ въ необходимость само взять на себя заботы о защитѣ своихъ правъ и интересовъ и съ этой цѣлью аппелировать къ силѣ оружія. Австро-Венгрія въ виду этого, начиная съ даннаго момента, считаетъ себя находящей въ состояніи войны съ Сербіей.

Австро-Венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ
Графъ Берхтольдъ.

Это первое объявленіе войны цѣликомъ ложится на отвѣтственность Вѣны, потому что въ тотъ же часъ, когда въ берлинское министерство иностранныхъ дѣлъ поступило сообщеніе о шагѣ, который хотя и ожидается, но который все же можно предотвратить, тамъ какъ разъ была составлена депеша къ Чиршки, чтобы онъ по указанію имератора выступилъ съ *„мирнымъ посредничествомъ"*. Черезъ нѣсколько часовъ Берхтольдъ велѣлъ заявить въ Берлинѣ, что и послѣднее англійское предложеніе о посредничествѣ не поспѣло за событіями, то есть за его же дѣйствіями. Напротивъ Бетманъ телеграфировалъ кабинетамъ четырехъ державъ. Германія *„продолжаетъ прилагать усилія побудить Вѣну къ открытому объясненію съ Петербургомъ."*

Отнынѣ миръ поверженъ на земь. Его побѣдитель, графъ Берхтольдъ *„въ очень хорошемъ настроеніи и гордится тѣми многочисленными пожеланіями счастья, которые доходятъ до него отовсюду."* Радостныя чувства графа продолжались очень короткое время, два года спустя онъ отвѣтилъ на вопросъ о положеніи войны. *„Оставьте меня въ покоѣ, война давнымъ давно надоѣла мнѣ!"* Съ трескомъ почти вся австрійская печать, которая за послѣдніе недѣли не могла больше дождаться конца, бросаетъ свое воодушевленіе въ машину. Сербія должна быть *„растоптана"*. Въ первый день войны въ Европѣ впервые мобилизуется Господь Богъ. Потому что престарѣлый императоръ заявляетъ: *„Я вполнѣ сознаю послѣдствія*

моихъ рѣшеній и принялъ ихъ въ полномъ довѣріи Божьей справедливости." Черезъ два дня за нимъ слѣдуетъ германскій Богъ съ телеграммой императора: „*Я присоединяю мои молитвы къ твоимъ, чтобы Богъ помогъ намъ.*" Русскій Богъ слѣдуетъ только третьимъ, о немъ царь говоритъ германскому послу, указывая на небо. „Здѣсь можетъ помочь только Одинъ!" Послѣ этихъ трехъ призывовъ, Бога почти также мало уважаютъ, какъ и человѣка. Ихъ слишкомъ часто влекутъ на поле битвы.

Слѣдовательно во имя Божье, къ небу возносятся ночью первые звуки выстрѣловъ. Только пара выстрѣловъ, но ихъ эхо отнюдь не смолкаетъ, Европа стала гористой страной, тысячи кулисъ громоздясь другъ на друга стали въ эту же первую военную ночь между народами, никто не можетъ заглянуть въ долину сосѣда, настолько высоко вздымаются скалы и глетчеры между людьми, которые еще вчера, несмотря на свое разноязычіе, такъ легко понимали другъ друга и обмѣнивались товаромъ и трудомъ, мыслями и женщинами. Европа стала альпійской страной и поэтому безчисленныя эхо этого перваго выстрѣла только черезъ четыре года наконецъ умолкнутъ.

Сатирическое представленіе послѣ перваго сербскаго выстрѣла: 27 іюля, когда графъ Берхтольдъ долженъ пустить въ ходъ средства, чтобы выманить подпись колеблющагося императора подъ объявленіе войны, онъ заявилъ въ своемъ мысленно зафиксированномъ личномъ докладѣ.

„Согласно донесенія командира 4 корпуса сербскія войска вчера съ Дунайскихъ пароходовъ у Темесъ-Кубина обстрѣляли наши войска и когда наши войска отвѣтили на огонь, произошла значительная стычка. Враждебныя дѣйствія такимъ путемъ были фактически начаты." Подъ конецъ Берхтольдъ вставилъ въ объявленіе войны. „Это тѣмъ болѣе, что сербскія войска у Темесъ-Кубина уже совершили нападеніе на отрядъ императорскихъ и королевскихъ войскъ."

Это было настолько правдоподобно, что старый монархъ долженъ былъ повѣрить и подписалъ.

Едва графъ успѣлъ получить драгоцѣнную подпись, какъ онъ снова вычеркнулъ изъ текста объявленія войны выстрѣлы якобы нападающихъ сербовъ, первоначальную достовѣрность трудно было бы проконтролировать, и 29 іюля извинился передъ императоромъ въ слѣдующихъ словакъ:

„Послѣ того, какъ сообщенія о боѣ у Темесъ-Кубина не нашли подтвержденія,... я взялъ на себя отвѣтственность фразу о нападеніи изъ адресованнаго Сербіи объявленія войны . . . удалить.“ Слѣдовательно, графъ Берхтольдъ обманулъ не только своего союзника, но собственнаго императора, тѣмъ самымъ, что онъ умолчалъ передъ нимъ объ отпаденіи по крайней мѣрѣ э т а г о повода къ войнѣ.

* * *

Въ Берлинѣ переговоры велись послами Франціи и Англіи. Жюль Камбонъ, высокій человѣкъ съ маленькими, рысьими глазами знающій все, что происходитъ въ Берлинѣ, многое что происходитъ въ Парижѣ и самое существенное, что происходитъ въ Лондонѣ, о чемъ его информируетъ братъ, французскій посолъ въ Англіи. Свѣтскій человѣкъ, не шовинистъ, свободно чувствующій себя въ византійскихъ кругахъ, парижскій гражданинъ, французъ, пользующіся всеобщими симпатіями, онъ охотно проживаетъ здѣсь и, поэтому, безъ особой необходимости не беретъ рѣзкаго тона и думаетъ покинуть красивый дворецъ у Парижской площади только спустя много лѣтъ. Сэръ Эдуардъ Гошенъ, его англійскій коллега, болѣе сдержанный и культурный, болѣе уважаемый чѣмъ любимый, желаетъ для себя того же самого и имъ обоимъ многое уже удалось сгладить.

Подобнымъ образомъ живется въ Вѣнѣ ихъ обоимъ колегамъ. Старый господинъ Дюменъ столь же охотно дышетъ полуфранцуской атмосферой Габсбургскаго двора, какъ и англійскій посолъ сэръ Морисъ

де-Бунзенъ, нѣмецъ по происхожденію, внукъ прусскаго посла въ Лонцонѣ. Всѣ четыре, въ особенности оба англичанина, въ эти дни имѣютъ порученіе настоять на англійскихъ предложеніяхъ о конференціи, причемъ одно предложеніе быстро слѣдуетъ за другимъ. Когда вѣнцы отклонили подъ предлогомъ одіозности этого имени *„призракъ конференціи“* Грей предложилъ совѣщаніе четырехъ пословъ: — стоитъ мнѣ собрать ихъ за общимъ столомъ, думалъ онъ, какъ ни одинъ изъ нихъ не встанетъ, хотя бы ради одного револьвернаго выстрѣла.

Сперва англійскій посолъ сдѣлалъ представленіе въ Берлинѣ и не получилъ отрицательнаго отвѣта. Но на другой день, послѣ обѣда настроеніе перемѣнилось и Яговъ сказалъ Гошену: *„это значило бы создать своего рода третейскій судъ“*. Вечеромъ еще разъ приходитъ французъ. Онъ предупреждаетъ германскаго статсъ секретаря, съ которымъ его связываютъ долгіе годы дружескихъ отношеній. Напрасно.

— „Вы развѣ обязаны слѣдовать за Австріей повсюду, съ завязанными глазами? Вы сегодня утромъ не успѣли ознакомиться съ отвѣтомъ Сербіи?

„Я еще не имѣлъ времени!“

„Жаль. Вы бы увидѣли, что Сербія, за исключеніемъ немногихъ деталей, подчиняется полностью. Теперь вы должны посовѣтовать Вѣнѣ удовлетвориться этимъ. Или, можетъ быть, Германія желаетъ войны?“

„Я знаю, что это ваше убѣжденіе. Но на самомъ дѣлѣ не такъ.“

Камбонъ говоритъ объ отвѣтственности, хочетъ уйти, но уходя снова обращается къ нѣмцу, открыто, но гораздо любезнѣе, чѣмъ вчера въ Парижѣ говорилъ Бертело.

— „Сегодня утромъ у меня было впечатлѣніе, что настала моментъ ослабленія напряженности. Окажите воздѣйствіе на Вѣну въ цѣляхъ ускоренія дѣла! Весьма важно не дать въ Россіи возникнуть мнѣнію, которое могло бы увлечь за собой всѣхъ,“

Черезъ три минуты французъ сидитъ у англи-

чанина, въ зданіи посольства, отстоящаго отъ министерства на три дома. Англичанинъ слушаетъ его и все же не въ правѣ говорить:

„Объ Англіи я думаю совершенно то же, что и вы, дорогой другъ. Но къ несчастью я не уполномоченъ сказать этого.“

* * *

Трагическій пунктъ: Грей стоитъ передъ гамлетовскимъ вопросомъ, съ которымъ онъ не можетъ справиться. Въ эти дни онъ все время предостерегалъ германскаго посла отъ перваго выстрѣла Австріи. Сейчасъ, въ тотъ же день, почти въ тотъ же часъ, когда происходилъ разговоръ въ Берлинѣ, въ Лондонѣ русскій посолъ настаиваетъ на томъ, чтобы онъ, наконецъ, заявилъ открыто:

„Берлинъ и Вѣна увѣрены въ нейтралитетѣ Англіи . . . Выступите же, наконецъ, впередъ и вы заставите ихъ испугаться и желать мира.

Грей: „Но вѣдь Черчиль отдалъ приказъ по флоту не давать никакихъ отпусковъ на время маневровъ. Развѣ это не будетъ имѣть опредѣленнаго дѣйствія въ Берлинѣ? И все-таки вы ни въ коемъ случаѣ не должны воспринимать это указаніе въ томъ смыслѣ, что мы обѣщаемъ нѣчто большее, чѣмъ дипломатическое воздѣйствіе!“

Часъ спустя, на томъ же креслѣ, рядомъ съ письменнымъ столомъ Грея, сидитъ кузенъ русскаго посла графъ Менсдорфъ изъ Вѣны. Грей говоритъ ему:

„Первая эскадра, которая случайно находится въ Портлэндѣ и сегодня должна была разойтись, останется на мѣстѣ. Но вы не должны видѣть въ этомъ угрозу! При наличіи возможности европейскаго пожара мы не можемъ въ данный моментъ распустить наши боевыя силы. Но также еще не насталъ моментъ призвать резервы. Тѣмъ не менѣе вы уже можете сдѣлать выводъ, что мы обезпокоены.

Какое мучительное положеніе для министра, который, честно желая мира, благодаря своимъ ого-

воркамъ и полунамекамъ становится подозрительнымъ обѣимъ сторонамъ и, въ концѣ концовъ, даже самому себѣ.

* * *

Петербургъ. Та же дилемма для англичанина. Со времени завтрака втроемъ франко-русскій дуэтъ гудитъ въ ушахъ англійскаго посла. Уже на слѣдующій день они снова втроемъ засѣдаютъ въ рабочемъ кабинетѣ Сазонова.

„Вы никогда не заручитесь содѣйствіемъ Германіи въ пользу мира, если вы въ этомъ кризисѣ, когда на карту поставлена свобода Европы, не объявите открыто о вашей солидарности съ нами и съ Франціей.“

Бьюкененъ, все время, вопреки своимъ симпатіямъ выполняя только инструкціи, отвѣчаетъ:

„Вы ошибаетесь полагая, что Англія могла бы споспѣшествовать дѣлу мира, сообщивъ германскому правительству, что поддерживая Австрію вооруженной силой оно будетъ имѣть дѣло съ Англіей, какъ и съ Франціей и Россіей.“

Палеологъ подымается и, съ истинно французскимъ жестомъ, указывая на висящій на стѣнѣ портретъ Горчакова, восклицаетъ:

„Поглядите сюда, уважаемый сэръ Джорджъ, въ этой комнатѣ вашъ родной отецъ, въ іюлѣ 1870 года доказывалъ этому великому человѣку германскую опасность. Но тотъ остался глухимъ. Смотрите, чтобы Англія сегодня не допустила эту ошибку, за которую Россіи тогда пришлось дорого расплачиваться.“

Бьюкененъ негромко отвѣчаетъ, пожимая плечами:

„Вы сами знаете, что пытаетесь только убѣдить убѣжденнаго.“

Оба союзника молчатъ и напряженно обдумываютъ чѣмъ сейчасъ можно было бы усилить разговоры въ Лондонѣ.

Вторая группа въ Петербургѣ: германскій и австрійскій послы, которые не довѣряютъ другъ другу

и съ которыми Сазоновъ, примѣнительно къ ихъ характерамъ, обращается совершенно различно. Чиновничьи манеры германскаго графа Пурталеса невыносимы для русскаго и заставляютъ его быть болѣе рѣзкимъ, чѣмъ это желательно между посредниками. Венгерская галантность графа Сапари манитъ его къ большей любезности, чѣмъ это принято между противниками. А впрочемъ, этотъ русскій охотно оскорбляетъ одну страну передъ лицомъ посла другой.

Сазоновъ еще не желалъ войны, за которую онъ могъ бы ухватиться по первому желанію, но надменность центральныхъ державъ заставила его зарваться въ возбужденныхъ словахъ по адресу нѣмцевъ.

„Ваша ненависть къ Австріи ослѣпляетъ васъ,“ — сказалъ нѣмецъ.

„Ненависть, не въ моемъ характерѣ графъ. Даже къ Австріи я не питаю ненависти, а всего лишь презрѣніе. Намъ извѣстны широко задуманные планы Австріи. Сперва скушаютъ Сербію, потомъ очередь придетъ за болгарами, пока мы не увидимъ ихъ у Чернаго моря.“

„Но вѣдь вы же знаете, ваше превосходительство, что рѣчь идетъ только о карательной экспедиціи и что Австрія совершенно не думаетъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ.“

Два дня спустя.

„Вы должны интервенировать въ Вѣнѣ. Помогите намъ найти мостикъ“,— говоритъ Сазоновъ.

„А тѣмъ временемъ вы думаете вооружаться?“— спрашивалъ Пурталесъ.

„Только нѣкоторыя проготовленія, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, но никакой мобилизаціи. Мы рѣшили обождать, пока Австрія не займетъ по отношенію къ намъ отрицательной позиціи.

Въ такомъ случаѣ, я долженъ самымъ серьезнымъ образомъ предостеречь васъ: въ подобныхъ мѣропріятіяхъ въ отвѣтъ на которыя могутъ послѣдовать контръ — мѣропріятія, таится большая опасность.“

Этими словами графъ Пурталесъ охарактеризовалъ духъ войны гораздо лучше, чѣмъ даже созна-

валъ: онъ предсказалъ собственную жизнь, свободную волю и месть этой огромной и искусно сдѣланной машинѣ, которая наконецъ, вырывается изъ рукъ своихъ конструкторовъ. Онъ одновременно охарактеризовалъ русскую машину, которая будучи болѣе огромныхъ размѣровъ и грубой въ теченіе нѣсколькихъ дней одновременно съ германской придетъ въ страшное движеніе, потому что ея владыки нажали кнопку. Графъ Пурталесъ, юнкеръ и офицеръ, самъ осудилъ систему, которой онъ служитъ. Черезъ день послѣ этого Сазоновъ соглашается.

„Не готова ли была бы Австрія нѣсколько умѣрить свои требованія по формѣ?

„Не могу подать вамъ никакихъ надеждъ, но совѣтую вамъ, если вы черпаете надежду изъ разговора съ графомъ Сапари, обратиться прямо въ Вѣну. Читатель облегченно взыцыхаетъ: наконецъ то *„прямо“*. Потому что въ то время, какъ Европа дрожитъ за судьбу милліоновъ людей, ея кабинеты не говорятъ прямо, не отвѣчаютъ: переговоры, смертельная опасность, война, а вмѣсто того, нота, разговоръ, осложненіе, проявленіе силы, — и никто въ этихъ затхлыхъ помѣщеніяхъ, не считается съ тѣмъ, насколько отчеты о подобныхъ переговорахъ вводятъ въ заблужденіе народы и даже туманятъ мозги самихъ переговаривающихся.

Теперь Сазоновъ готовъ принять германскую мысль: вѣдь она была собственной. Но это сейчасъ же ослабило его позиціи по отношенію къ Вѣнѣ. Германская мысль тѣмъ самымъ уже наполовину вѣнская: одновременно выигрываютъ позиціи русскаго противъ Англіи. Онъ показываетъ, что дѣло идетъ и безъ Грея и сейчасъ же телеграфируетъ въ Вѣну.

Сазоновъ любезно бесѣдуетъ съ венгерцомъ, лжетъ ему о симпатіяхъ къ Австріи, берется за ультиматумъ, и послѣ того, какъ венгерецъ оффиціально заявилъ, что онъ *„не уполномоченъ для дискуссіи и интерпретаціи по поводу этого документа“*, то есть не слушать то, что ему говорятъ, оба какъ два разумныхъ

спеціалиста обсуждаютъ требованія Вѣны къ Сербіи. Семь изъ нихъ русскій считаетъ пріемлемыми, для трехъ другихъ онъ предлагаетъ измѣненія и заканчиваетъ:

„Короче говоря, дѣло идетъ . . . собственно говоря только о словахъ".

Сазоновъ, который въ этотъ часъ еще не знаетъ о подчиненіи Сербіи, слѣдовательно хочетъ похитить у вѣнцевъ всего лишь полный *„дипломатическій успѣхъ"* (месть за Бухлау) и къ концу разговора съ противникомъ онъ *„очень обрадованъ"*.

— Только три пункта?—думаютъ оба и телеграфируютъ въ Вѣну. У Сазонова указъ о мобилизаціи въ карманѣ, онъ усиливаетъ его позиціи. Но теперь онъ читаетъ отвѣтъ Сербіи и раздосадованъ, что они сами начинаютъ справляться со всѣмъ, но видятъ, что дѣло идетъ собственно говоря только о двухъ пунктахъ и съ тѣмъ большей увѣренностью надѣятся на быстромъ согласіи Вѣны. Всѣ высказываютъ свое восхищеніе по поводу этого новаго *„прямого"* пути переговоровъ, на который открывается возможность. Грей называетъ его *„лучшимъ чѣмъ его собственный"*.

Они не знаютъ, что Берхтольдъ въ тотъ часъ когда его собственный посолъ только что договорился въ Петербургѣ, набрасываетъ черновикъ объявленія войны Сербіи, потому что онъ во что бы то ни стало желаетъ войны.

* * *

Развѣ въ Вѣнѣ въ шестой разъ напрасно ждали получить предлогъ противъ Сербіи? Нѣтъ. И въ эти дни огульно отклоняются всѣ предложенія откуда бы они ни исходили. Мы насчитали уже четыре, начиная съ предложенія Россіи, продолжить ультиматумъ, и кончая первымъ предложеніемъ Грея о конференціи. Теперь отклоняется также категорически предложеніе Россіи о *„собесѣдованіи"*. И когда, наконецъ, сербы *даютъ знать*, что они можетъ быть приняли бы еще оба послѣдніе пункта, Берхтольдъ отвѣчаетъ, что

остается еще достаточное количество вопросительныхъ знаковъ. Вообще Австрія послѣ объявленія войны ставитъ совершенно иныя требованія, чѣмъ раньше.

Если Вѣна крѣпость, думаютъ иностранцы, то мы сперва должны бомбардировать фортъ Берлинъ. Развѣ и онъ останется неприступнымъ? Но какъ Берлинъ относится къ предложенію о посредничествѣ?

Первое предложеніе, когда русскій повѣренный въ дѣлахъ предлагаетъ продолжить срокъ ультиматума, его задерживаютъ съ отвѣтомъ, чтобы въ часъ истеченія срока Яговъ могъ сказать.

„Боюсь, что уже поздно.“

„Значитъ Австрія рѣшила воевать съ Сербіей?“

„Рѣчь идетъ не о войнѣ. Дѣло о карательной экспедиціи по чисто мѣстному вопросу“.

Англичанину, который по порученію Грея предлагаетъ то же самое продленіе срока для Сербіи, Яговъ отвѣчаетъ, что онъ *„немедленно“* (въ 10 ч. утра) передалъ это предложеніе дальше своему посланнику въ Вѣнѣ, съ порученіемъ поговорить объ этомъ съ Берхтольдомъ. На самомъ дѣлѣ Яговъ телеграфировалъ Чиршки только въ 4 часа дня именно потому, что онъ зналъ, что срокъ истекаетъ въ 6, а Берхтольдъ находится въ Ишлѣ, и слѣдовательно ничего въ этомъ нельзя было измѣнить.

Второе предложеніе: Грей приглашаетъ на конференцію. Берлинъ заявляетъ, что не можетъ *„схватить за руку“* союзника.

Третье предложеніе: Россія противъ того, чтобы въ Вѣнѣ настояли на согласіи на непосредственное собесѣдованіе. Яговъ холодно обѣщаетъ, но наполовину беретъ назадъ свое обѣщаніе слѣдующими словами: *„Но мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ оказать на Австрію давленіе“*.

Четвертое предложеніе: Грей на этотъ разъ предлагаетъ взять сербскій отвѣтъ въ основу переговоровъ. Бетманъ колеблется. Непріятно. Что же можно подѣлать. Онъ даетъ инструкціи австрійскому послу и тотъ облегченно можетъ телеграфировать въ Вѣну:

„Германское правительство категорически увѣ-

ряетъ, что оно ни въ коемъ случаѣ не отождествляетъ своего мнѣнія съ этими предложеніями; оно даже рѣшительно противъ принятія ихъ во вниманіе и передаетъ ихъ по назначенію только, чтобы исполнить просьбу англичанъ. „Правда онъ добавляетъ, что Германія, при каждомъ отдѣльномъ требованіи Англіи категорически объявитъ ей, что она никоимъ образомъ не поддерживаетъ подобныя требованія интервенировать по отношеніи къ Австро-Венгріи."

Но что Бетманъ тогда 27 іюля думалъ и чувствовалъ показываетъ коментарій, который онъ въ полночь протелеграфировалъ въ Вѣну. Въ этотъ часъ, благодаря новой тревожной телеграммѣ Лихновскаго: *„если при такихъ обстоятельствахъ дѣло дойдетъ до войны, то мы будемъ имѣть Англію противъ себя,"* — начали наконецъ проясняться мысли господъ на Вильгельмштрассе. Теперь, наконецъ, Бетманъ началъ понимать опасность своей слѣпой поддержки Берхтольда. Но вмѣсто того, чтобы энергично бить отбой, онъ ограничился слѣдующей телеграммой своему вѣнскому послу:

„послѣ отклоненія предложенія о конференціи невозможно попросту отвергнуть англійскую иниціативу," безъ того, чтобы *„передъ лицомъ всего міра... быть выставленными въ качествѣ истинныхъ подстрекателей къ войнѣ..."*

„Это сдѣлало бы совершенно невыносимымъ наше собственное положеніе въ странѣ, гдѣ мы должны дѣлать видъ, что насъ принуждаютъ къ войнѣ . . . Слѣдовательно мы не можемъ отказаться отъ роли посредника . . . тѣмъ болѣе, что Лондонъ и Парижъ продолжаютъ вліять на Петербургъ." „Дѣлать видъ." „Жалкій плодъ дипломатовъ пока онъ цвѣтетъ въ тѣни шифра, жалкій когда исторія, наконецъ, вырубаетъ лѣсъ и выноситъ его на свѣтъ Божій. Когда Бетманъ передавалъ по назначенію англійское предложеніе тономъ недвусмысленно совѣтовавшимъ отклонить его — онъ думалъ создать для Германіи историческій документъ. Но когда черезъ пять лѣтъ раскрылись архивы,—онъ превратился въ историческій до-

кументъ противъ самого Бетмана. Для пущей увѣренности, чтобы въ отвѣтъ на это въ Вѣнѣ внезапно не заколебались, онъ велитъ еще добавить, что здѣсь *„даже рѣшительно настроены противъ лондонскаго посредничества и передаютъ его по назначенію, чтобы исполнить просьбу англичанъ“*. И когда на слѣдующій день миролюбивый императоръ Вильгельмъ самъ настаиваетъ передъ нимъ, что бы Берхтольдъ удовлетворился *„вещественнымъ залогомъ“*, Бетманъ заканчиваетъ свои указанія въ Вѣнѣ слѣдующими историческими словами:

„Рѣчь идетъ исключительно о томъ, чтобы найти модусъ, который сдѣлалъ бы возможнымъ осуществленіе цѣли, къ которой стремится Австро-Венгрія, поразить великосербскую пропаганду въ жизненный нервъ безъ того, чтобы одновременно вызвать міровую войну; если она, въ концѣ концовъ, неизбѣжна, то по мѣрѣ возможности улучшить для насъ условія, при которыхъ ее придется вести.“

Это чистѣйшее безуміе, но у него есть свой методъ. Нигдѣ колоссальное легкомысліе не слышится явственнѣе, чѣмъ въ бюрократической фразѣ канцлера, который хотя и не желаетъ подобно генераламъ войны, во что бы то ни стало, но который видитъ, какъ она двигается и, тѣмъ не менѣе, несмотря даже на рѣшительный поворотъ своего императора, пальцемъ не ударяетъ, чтобы задержать ее и думаетъ, какъ бы искуснѣе свалить вину на другихъ передъ всѣмъ міромъ, *„если въ концѣ концовъ нельзя избѣжать міровой войны“*.

* *
*

Въ Царскомъ Селѣ воинственное настроеніе. Молчаніе Австріи и уклончивые отвѣты Берлина облегчали настойчивость генераловъ: Сазоновъ, почувствовавшій свободу дѣйствій, не долженъ больше колебаться и теперь, когда генералы уже нѣсколько дней какъ заняты приготовленіями, самъ начнетъ мобилизацію и именно въ южныхъ и восточныхъ округахъ: Московскомъ, Кіевскомъ, Одесскомъ и Казан-

скомъ. Ящикъ Пандоры раскрывается, правда сначала не очень широко, но кто въ состоянiи снова закрыть его? Генералы взвинчены. Вчера они уже успѣли снять съ одного германскаго парохода радiо-аппаратъ, а сегодня, послѣ поступившей жалобы, снова вернули его. Въ самый разгаръ такого настроенiя попадаетъ телеграмма германскаго императора, о которой просили частнымъ образомъ уже три дня тому назадъ, но которая до сихъ поръ не была отправлена. Но только вчера, когда императоръ пошелъ на соглашенiе, а Бетманъ желалъ видѣть Россiю виноватою, онъ съ такой мотивировкой предложилъ своему монарху послать телеграмму. Императоръ взываетъ къ содѣйствiю царя при улаживанiи конфликта, такъ какъ оба имѣютъ основанiя наказывать за цареубiйство.

Генералъ фонъ Хелiусъ встрѣчаетъ состоящаго при дворѣ князя Трубецкого, который говоритъ ему:

„Слава Богу, пришла телеграмма вашего императора, но я боюсь, что уже поздно!"

Хелiусъ: „Но тогда, вѣроятно, не будутъ удивляться, если вслѣдъ за вашей мобилизацiей послѣдуетъ и мобилизацiя германскихъ военныхъ силъ."

Трубецкой стоитъ пораженный ужасомъ и говоритъ, что долженъ отправиться въ Петергофъ. Обладающiй чуткимъ слухомъ Хелiусъ вслѣдъ за этимъ отмѣчаетъ свои впечатлѣнiя, *„что здѣсь изъ страха передъ надвигающимися событiями произвели мобилизацiю, не имѣя агрессивныхъ намѣренiй, а теперь испуганы тѣмъ, что сами натворили."* Этотъ выводъ психологически совершенно правильный, объясняетъ русскую позицiю въ тѣ дни, но отнюдь не обвиняя ее и, прiобрѣтаетъ значенiе, потому, что онъ сдѣланъ генераломъ и подтверждается замѣчанiемъ германскаго императора: *„Правильно, такъ оно и есть"*. Одновременно онъ даетъ лучшее объясненiе психоза европейскихъ кабинетовъ. Хелiусъ въ данномъ случаѣ еще до объявленiя войны находитъ формулу для страха всѣхъ передъ всѣми, для легкомыслiя немногихъ, раздувающихъ войну, которую вполнѣ можно

избѣжать, и, слѣдовательно, для необходимости созданія инстанціи, къ которой Европа сумѣетъ обратиться, когда ея государственные люди когда-нибудь снова потеряютъ равновѣсіе.

Еще 30 іюля Европу можно было спасти. Всѣ державы признали права Австріи проучить Сербію, занявъ нѣкоторыя области, въ знакъ гарантіи проведенія такихъ требованій, которыя бы не задѣвали сербскій суверенитетъ. Берхтольдъ, обѣщавшій это всѣмъ кабинетамъ, а въ дѣйствительности хотѣвшій уничтожить Сербію, далъ такимъ образомъ въ руки противникамъ средство уличить Австрію. Одновременно онъ улыбался во всѣ стороны и обманывалъ союзника не меньше, чѣмъ враговъ, такъ что наконецъ Бетманъ 29 іюля разразился рѣзкими словами въ телеграммѣ къ Чиршки:

„Я разсматриваю поведеніе (вѣнскаго) правительства... съ возрастающимъ изумленіемъ. Въ Петербургѣ оно заявляетъ о своей территоріальной незаинтересованности, насъ оно оставляетъ въ совершенномъ невѣдѣніи относительно своей программы, въ Римѣ оно отдѣлывается ничего незначущими разговорами по вопросу о компенсаціяхъ, въ Лондонѣ графъ Мендсдорфъ раздариваетъ части Сербіи, Болгаріи и Албаніи и становится въ полное противорѣчіе къ торжественнымъ заявленіямъ въ Петербургѣ. Изъ этихъ противорѣчій я долженъ сдѣлать выводъ, что тамошнее правительство носится съ планами, которые она считаетъ своевременнымъ держать отъ насъ втайнѣ, чтобы на всякій случай заручиться германской поддержкой."

Изъ системы лжи и обмана Вѣны, готовые къ войнѣ русскіе извлекали желанные предлоги для уловленія своего слабаго государя.

Царю, несмотря на то, что вокругъ него все гремитъ оружіемъ, самому мирному человѣку во всемъ мірѣ, такъ же охотно хотѣлось бы отступить, какъ и германскому императору. Полный предчувствій онъ телеграфируетъ ему послѣ полуночи. *„Я предвижу,*

что очень скоро долженъ буду уступить оказанному на меня давленію.“

Трудно сказать; трогательна или смѣшна эта фраза, въ которой могущественнѣйшій монархъ міра, послѣдній самодержецъ въ исторіи, сознается въ своемъ безсиліи? И развѣ адресатъ, посмѣивающійся надъ этой слабостью, совершенно не замѣчаетъ, насколько его собственное положеніе напоминаетъ его кузена? Вечеромъ того же дня царь указываетъ наиболѣе разумный путь: *„Было бы разумно представить австро-сербскую проблему Гаагской конференціи.* Твой тебя любящій Никки.“

Скоро и англійскій король тоже вступитъ въ электрическій кругъ телеграммъ и скоро на порогѣ міровой катастрофы увидятъ трехъ коронованныхъ кузеновъ, называющихъ другъ друга Вилли, Ники и Джорджи: наслѣдники нѣкогда могучихъ домовъ, изъ которыхъ одинъ подъ конецъ бѣжалъ, а другой былъ разстрѣлянъ въ погребѣ.

Когда 28 іюля венгерецъ выходитъ изъ рабочаго кабинета Сазонова, онъ встрѣчаетъ въ пріемной француза. Тотъ спрашиваетъ:

„У васъ есть благопріятное сообщеніе изъ Вѣны?“

„Ничего новаго. Колесо пришло въ движеніе.“

Снова одинъ человѣкъ, самъ того не зная, обвиняетъ Европу.

Венгерецъ уходитъ. Приходитъ нѣмецъ. Французъ въ пріемной держитъ передъ нимъ цвѣтистую рѣчь, нѣмецъ отвѣчаетъ:

„Я призываю Бога во свидѣтели. Германія мирно настроена. Исторія докажетъ, что доброе право на нашей сторонѣ и что нашей совѣсти не въ чемъ себя упрекнуть.

„Развѣ вы уже настолько далеки, что должны взывать къ приговору исторіи?

„Мы не можемъ оставить и мы не оставимъ нашего союзника на произволъ судьбы.“

Французъ уступаетъ нѣмцу очередь посѣщенія министра. Когда нѣмецъ вышелъ, англичанинъ сказалъ французу:

„Положеніе еще ухудшилось... Я больше не сомнѣваюсь въ томъ, что Россія собирается участвовать во всемъ. Я только что умолялъ Сазонова не допускать никакихъ военныхъ мѣръ, которыя Германія могла бы воспринять, какъ подстрекальство. Надо предоставить германскому правительству полную отвѣтственность и инціативу нападенія. Англійское общественное мнѣніе только тогда освоится съ мыслью участія въ войнѣ, если нападеніе, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ исходить отъ Германіи... Заклинаю васъ поговорите съ Сазоновымъ въ этомъ смыслѣ."

„Развѣ этотъ англичанинъ сегодня въ полдень въ Петербургѣ не высказываетъ тѣ же самыя мысли тѣми же самыми словами, какими сегодня вечеромъ германскій канцлеръ телеграфно обратился къ Вѣнѣ. Роль стороны подвергнувшейся нападенію, — идеалъ всѣхъ воинственныхъ дипломатовъ Европы. Врачи взвинтили другъ другу нервы въ теченіе восьми лѣтъ и восьми дней, а теперь всѣ отказались отъ надеждъ на миръ и отшлифовываютъ каждый свой діагнозъ, чтобы оказаться правыми при вскрытіи.

Послѣднимъ заходитъ въ кабинетъ Сазонова его другъ французъ, находитъ его взволнованнымъ, узнаетъ подробности и предостерегаетъ.

„Малѣйшая неосторожность съ вашей стороны можетъ намъ стоить соучастія Англіи".

Сазоновъ: „Я знаю. Но нашъ генеральный штабъ очень нетерпѣливъ и мнѣ стоитъ большихъ усилій удерживать его".

Въ теченіе слѣдующаго дня Вѣна окончательно отклоняетъ *„собесѣдованіе"*. Теперь Сазоновъ хочетъ дѣйствовать съ полной увѣренностью. Одного за другимъ принимаетъ онъ пословъ.

Сперва онъ убѣдительно обращается къ венгерцу, который напрасно совѣтовалъ Вѣнѣ быть уступчивой и которому сейчасъ приходится играть самую непріятную роль,

Русскій: „Мы сегодня совершимъ частичную мобилизацію, но эти войска не предназначены для того, чтобы напасть на васъ.

Они только будутъ стоять, держа ружье къ ногѣ. Мѣры предосторожности, такъ какъ Австрія имѣетъ преимущество и кромѣ того быстро произвела мобилизанію".

Венгерецъ: „и всетаки это произведетъ у насъ самое глубокое впечатлѣніе".

Русскій снова успокаиваетъ. Во время этого *„интимнаго"* обмѣна мыслями звонокъ по телефону: Бѣлградъ обстрѣливается!

Съ Сазоновымъ сразу происходитъ перемѣна и онъ рѣзко обращается къ послу:

„Царь совершенно правъ, вы желаете только путемъ переговоровъ выиграть время и тѣмъ временемъ обстрѣливаете незащищенный городъ. Что вы, собственно говоря, желаете еще завоевать, когда столица въ вашихъ рукахъ! И о чемъ намъ еще бесѣдовать, когда вы дѣйствуете подобнымъ образомъ!

„Слышенъ ли шумъ армейскихъ моторовъ? Съежившись сидятъ въ трехъ огромныхъ гаражахъ шоферы на своихъ колосальныхъ машинахъ, нажимаютъ кнопки моторовъ, для того чтобъ они начали жужжать почти одновременно въ трехъ столицахъ міра. Только нѣсколько историковъ, желающихъ спасти своихъ государственныхъ людей въ національномъ отношеніи, интересуются тѣмъ, кто началъ жужжать на нѣсколько часовъ раньше. Знаютъ ли они Гамлета? „Ничто само по себѣ не добро ни зло, только мысль дѣлаетъ его такимъ."

* * *

Съ германскимъ посломъ Сазоновъ сегодня гораздо спокойнѣе. Потому что вчера, было столкновеніе, предупрежденіе, примиреніе, русскія объятія *„инцидентъ исчерпанъ?"*

Сегодня: *дальнѣйшее развитіе русской мобилизаціи заставило бы и насъ произвести мобилизацію и тогда едва ли можно будетъ пріостановить европейскую войну."*

Сазоновъ: *„Я сдѣлаю докладъ его величеству."*

Вслѣдъ за нѣмцемъ приходитъ англичанинъ, которому Сазоновъ, возвращаясь къ предложенію Грея, рекомендуетъ поспѣшность.

Повсюду рядомъ бѣгутъ вперегонку два конкурента: генералы Европы даютъ министрамъ шпоры, чтобы они мчались быстрѣе и пришли бы къ старту раньше противниковъ; министры Европы тянутъ генераловъ за узду, чтобы тѣ не вырвались изъ ихъ рукъ, потому что обѣ породы власть имущихъ одновременно всадники и лошади въ одномъ лицѣ. Вздохъ Сазонова по поводу того, что ему стоитъ труда удерживать свой генеральный штабъ, царь всей Руси передалъ по телеграфу германскому императору, императоръ умолчалъ о подобномъ чувствѣ своему сыну, премьеры всѣхъ четырехъ странъ испустили его быть можетъ въ одинъ и тотъ же часъ. Потому что, если лошадь, стоявшая въ конюшнѣ такъ долго, что она почти разучилась бѣгать снова взнуздана и выѣзжена, то она стоя лицомъ къ скрипящей двери конюшни, бьетъ по ней копытомъ, чтобъ отворить насильно. Но какое дѣло до всего этого спокойнымъ людямъ на улицѣ, которые вовсе не желаютъ, чтобы ихъ переѣхали?

Итакъ, сегодня Петербургскій военный совѣтъ утверждаетъ, оффиціальная мобилизація противъ Австріи, тайное начало общей мобилизаціи, такъ какъ частичная *„технически невозможна.“*

Конфликтъ, мотивы котораго до сихъ поръ поддавались изслѣдованію и взвѣшиванію, начинаетъ скатываться въ чистѣйшую психопатію. Отсюда начиная только партійное желаніе можетъ различать въ Европѣ провоцируемыхъ отъ провоцирующихъ. При помощи слова „техническій“ тогда загонялись въ тупикъ министры, а теперь загоняются историки. Мундиръ стабилизовалъ понятіе о тайной стратегической наукѣ, которую тебѣ нечего понимать, но въ которую ты долженъ вѣрить и вѣрующіе бормочутъ: *„вѣрую, хотя это и нелѣпо“*.

* * *

Немедленно, царь, всегда стремящійся подобно германскому императору снова ослаблять дѣйствіе своихъ энергичныхъ рѣшеній, велитъ передать германскому послу, что приказъ о мобилизаціи не есть враждебный актъ противъ Германіи. Здѣсь даже нѣтъ никакой скрытой интриги генераловъ, это всего лишь перестраховка царя отъ своей собственной болѣзни. Потому что генералу порученіе непріятно, — онъ минуя посла проситъ вызвать германскаго военнаго атташе.

Германскій маіоръ, который обычно въ полной формѣ являлся минута въ минуту и умѣлъ говорить по русски, приходитъ сегодня въ штатскомъ съ опозданіемъ на часъ и говоритъ по французски.

„Мы навѣрно знаемъ, что ваша мобилизація въ полномъ ходу."

„Даю слово благороднаго человѣка, что вы ошибаетесь."

„Я не сомнѣваюсь, но мы имѣемъ непреложныя доказательства."

„Вы хотите моего честнаго слова письменно?"

„Нѣтъ, благодарю покорно."

„Въ такомъ случаѣ я повторяю вамъ: въ этотъ часъ не призванъ еще ни одинъ человѣкъ и не мобилизована еще ни одна лошадь."

Русскій считаетъ себя формально вправѣ сказать эту ложь благороднаго человѣка, потому что царскій указъ еще находится въ его карманѣ. Одинъ штабной офицеръ, находившейся тутъ же и слышавшій все, подтверждаетъ все цѣликомъ съ той только пикантной разницей, что *„указъ тѣмъ временемъ лежалъ на столѣ."*

На этомъ документѣ подъ словомъ „Николай" стояли подписи трехъ министровъ военнаго, морского и внутреннихъ дѣлъ и *„рѣчь шла объ общей мобилизаціи."* Британскій посолъ въ Берлинѣ тогда подтвердилъ, *„что въ то время, какъ германскій императоръ, согласно просьбѣ царя воздѣйствовалъ на Вѣну, Россія*

производила мобилизацію." Было бы вѣрнѣе сказать, что въ то время, какъ царь и императоръ оба желали избѣжать мобилизаціи, Янушкевичъ и Мольтке оба подготовляли ее. Тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ, что въ Россіи раньше другихъ была мобилизована вся страна.

Но русскіе военные все еще не побѣдили: Вильгельмъ II снова ставитъ палки въ колеса. Въ тотъ же вечеръ царь вскрылъ новую телеграмму германскаго императора, въ которой послѣдній поручился своимъ словомъ за миръ, поскольку царь отмѣнитъ свою мобилизацію. Подъ вліяніемъ своей суггестивной, страдающей жены, позади которой стоялъ Распутинъ, противникъ войны, онъ почувствовалъ облегченіе и думалъ тѣмъ самымъ имѣть козырь противъ своихъ генераловъ. Въ 11 часовъ ночи онъ велитъ соединить себя со своимъ военнымъ министромъ. Сухомлиновъ, глубоко погруженный въ работу по мобилизаціи, слышитъ по телефону голосъ своего монарха, который читаетъ ему телеграмму. Самъ царь — существуютъ двѣ версіи,—очевидно не могъ рѣшиться дать прямой приказъ и только настойчиво спросилъ:

„Развѣ въ самомъ дѣлѣ невозможно задержать мобилизацію?"

„Невозможно. Мобилизаціи нельзя тормозить и снова пускать въ ходъ, какъ машину. Не угодно ли вашему величеству еще выслушать докладъ начальника генеральнаго штаба?"

Съ изумительной ясностью сказывается здѣсь образъ мышленія военнаго министра, которому безпорядокъ отмѣненной мобилизаціи кажется ужаснѣй, чѣмъ сама война. Мы скоро столкнемся съ подобными чувствами у его германскаго коллеги. Лихорадочные моменты! Черезъ нѣсколько минутъ снова звонятъ: Янушкевичъ начальникъ генеральнаго штаба.

„Нѣчто ужасное. Только что позвонилъ царь, чтобы мы сократили общую мобилизацію до размѣровъ частичной: я отвѣтилъ, что это технически невозможно. Но онъ настаивалъ на этомъ. Германскій импера-

торъ будто бы гарантировалъ миръ своимъ честнымъ словомъ. Что я долженъ дѣлать?

„Ничего не дѣлайте!"

„Слава Богу!"

Такимъ образомъ, въ ночь съ 29 на 30 іюля фактически была мобилизована вся Россійская Имперія. Какъ эти ночи полны голосами духовъ страха, лжи, судебъ витающихъ по освѣщеннымъ министерствамъ во всѣхъ столицахъ континента!

На слѣдующій день передъ обѣдомъ германскій посолъ является къ Сазонову: при какихъ условіяхъ Россія согласилась бы на демобилизацію? Дебаты. Наконецъ, министръ письменно формулируетъ мнѣніе, смягчающее ультиматумъ. Оно уходитъ въ Берлинъ. Оно остается только формулой: потому что тамъ сейчасъ тоже считаются только съ цифрами, а не съ величинами. Министръ ѣдетъ къ своему монарху.

Кабинетъ царя въ Петергофѣ. Большія окна въ первомъ этажѣ, открывающія видъ на Финскій заливъ, два стола обложенные бумагами, нѣсколько батальныхъ картинъ, кожанныя кресла, простота. Ежедневно здѣсь показывается, словно злой духъ, Янушкевичъ, — правая рука жестокаго Николая Николаевича, великаго князя и дяди царя. Сазоновъ появляется только разъ въ недѣлю. Сегодня, послѣ обѣда 30-го, онъ, стоя передъ царемъ, читаетъ новую телеграмму германскаго императора: если Россія мобилизуетъ противъ Австріи онъ не можетъ взять на себя посредничества. Сазоновъ кладетъ телеграмму обратно на письменный столъ.

„Мы больше не можемъ избѣжать войны. Германія явно уклоняется отъ посредничества и пытается только выиграть время. При такихъ обстоятельствахъ я не думаю, чтобы вашему величеству дольше слѣдовало колебаться издать указъ о всеобщей мобилизаціи."

Царь, блѣдный, запинающимся голосомъ: „Подумайте только объ отвѣтственности, которую я благодаря вашему совѣту беру на себя? Подумайто только,

что рѣчь идетъ о томъ, чтобы послать на смерть многія тысячи людей?

„Ни совѣсть вашего величества, ни моя, не должны будутъ упрекать себя въ чемъ бы то ни было, если вспыхнетъ война. Ваше величество и правительство сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы избавить міръ отъ этого ужаснаго испытанія, но отнынѣ надо думать и о безопасности государства. Война все же вспыхнетъ въ указанный часъ передъ Германіей.“

„Для того, чтобы уговорить царя, министру потребовался *„битый часъ.“* Наконецъ царь говоритъ твердымъ тономъ: *„Ну хорошо, Сергѣй Дмитріевичъ: позвоните по телефону начальнику генеральнаго штаба, что я отдаю приказъ произвести всеобщую мобилизацію.“*

Сазоновъ откланивается, идетъ въ вестибюль къ телефонной будкѣ, передаетъ Янушкевичу приказъ, потомъ царь подписываетъ указъ правительствующему сенату. Начальника генеральнаго штаба, чующаго возможное опроверженіе со стороны своего августѣйшаго монарха по соглашенію съ Сазоновымъ въ этотъ день нигдѣ нельзя найти. Одновременно оба заботятся о томъ, чтобы послѣдовательность мобилизаціи была сообщена въ Парижъ и Лондонъ въ перепутанномъ и фальсифицированномъ порядкѣ.

* * *

За день до того, какъ Россія приняла военное рѣшеніе, Англія снова предостерегаетъ и угрожаетъ на двѣ стороны.

Бенкендорфъ, *съ его естественнымъ взглядомъ на людей и вещи*“, ежедневныя донесенія котораго о Греѣ читаются, какъ бюллютени о настроеніяхъ великой куртизанки, чувствуетъ, что рѣшеніе приближается. Лихновскій ежедневно долженъ защищать упрямство Вѣны, которое онъ осуждаетъ и давать совѣты о посредничествѣ въ Петербургѣ, на которомъ онъ даже въ Берлинѣ настоять не можетъ.

Но постоянный отказъ Вѣны уже облегчилъ англійскому кабинету переломъ, который кабинетъ желалъ только отчасти. Грей, который въ теченіи пяти дней устоялъ передъ искушеніемъ ускорить войну, занявъ угрожающую партійную позицію, хочетъ предотвратить войну. И какъ разъ въ этой угрозѣ видитъ послѣднее спасительное средство. Въ тотъ же часъ, когда въ Петербургѣ русскій генералъ, указывая на часы, даетъ германскому маіору свое коварное честное слово, въ Лондонѣ англійскій статсъ-секретарь говоритъ германскому послу.

„Положеніе все больше обостряется. Вѣна никакъ не поддается. Мы какъ всегда, съ тѣхъ поръ какъ вы здѣсь, вели переговоры въ дружественномъ тонѣ. Но я не смѣю вводить васъ въ заблужденіе. Пока конфликтъ ограничивается Австріей и Россіей мы можемъ стоять въ сторонѣ, но если будутъ вовлечены Германія и Франція, то Англіи при извѣстныхъ обстоятельствахъ придется принять быстрое рѣшеніе.“

— Больше я ничего не могу сказать, — думаетъ Грей.—Можетъ быть теперь берлинскіе господа повѣрятъ. Для пущей увѣренности онъ часъ тому назадъ предупредилъ француза Камбона объ этомъ шагѣ, но прибавилъ:

„Не дѣлайте никакихъ окончательныхъ выводовъ изъ нашего приказа по флоту. Англія сегодня во всякомъ случаѣ не настолько безраздѣльно стоитъ на сторонѣ Франціи, какъ во время Марокскаго конфликта, потому что тогда вы казалось были подъ непосредственной угрозой со стороны Германіи. Англія не имѣетъ обязательствъ, это я вамъ долженъ повторить.“

Въ тотъ же вечеръ парижскій и петербургскій кабинеты узнаютъ изъ Берлина и Вѣны объ этой позиціи Англіи. У его союзниковъ предупрежденіе Грея имѣло успѣхъ полный, но у противника его угроза имѣла только успѣхъ половинный. Парижъ, Петербургъ и Берлинъ чувствуютъ себя достаточно неувѣренными, чтобы пріостановиться. Но Вѣна съ возмутительнымъ легкомысліемъ сохраняетъ рѣши-

мость ликвидировать всю сумму германскаго бланко-векселя цѣликомъ.

* *

Въ Берлинѣ настроенiе стало сегодня болѣе мрачнымъ: замѣчаютъ, что дѣло становится серьезнымъ, Россiя мобилизуетъ. Смущенiе, не признающее собственныхъ упущенiй, превращается въ гнѣвъ, обращенный по адресу Вѣны.

Больше всего испуганъ императоръ. Развѣ онъ не пошелъ на соглашенiе, то-есть воспретилъ дѣлать выводы изъ своей прежней позицiи? Когда онъ въ одномъ отчетѣ читаетъ о тяжелой отвѣтственности, которую беретъ на себя Австрiя онъ пишетъ на поляхъ:

„Это та же забота, которая охватила меня по прочтенiи сербскаго отвѣта." Когда тамъ же рѣчь заходитъ о надеждѣ, что „императоръ дастъ Австрiи добрый совѣтъ, не натягивать тетиву", онъ пишетъ рядомъ только „фразы, чтобы взвалить отвѣтственность на меня."

На совѣтъ предоставить рѣшенiе Гаагскому третейскому суду, онъ пишетъ только слово *„ерунда"*. Въ этомъ пунктѣ онъ за семь лѣтъ не измѣнилъ свое мнѣнiе.

Вечеромъ онъ собираетъ коронный совѣтъ въ Потсдамѣ. За столомъ сидятъ министры и генералы: принимается рѣшенiе мобилизовать въ случаѣ, если русскiе произведутъ всеобщую мобилизацiю, но не выговариваютъ этого еще окончательно. Кивокъ царя въ сторону Гааги игнорируется, такъ какъ его мобилизацiя почти закрываетъ этотъ выходъ. Но что будетъ съ Англiей? Терпѣнiе. Въ этотъ вечеръ Бетманъ покажетъ свой шедевръ.

Въ ту же ночь изъ Лондона поступаетъ недвусмысленное предостереженiе, которому до сихъ поръ не желали вѣрить послы. Смертельный испугъ! Значитъ все таки! Что дѣлать? Трубить отбой! Заставить императора еще разъ спѣшно телеграфировать царю

Послѣ обѣда отправляется телеграмма въ угрожающемъ тонѣ, совѣтующая мириться.

Бетманъ падаетъ съ ногъ. Онъ старается спасти, оттолкнуть отъ себя все, что еще возможно. Онъ телеграфируетъ своему вѣнскому послу:

„Мы хотя готовы исполнить нашъ союзническій долгъ, но не должны дозволить Вѣнѣ легкомысленно и не считаясь съ нашими совѣтами вовлечь насъ въ міровой пожаръ."

Въ этихъ словахъ предостерегающе звучитъ голосъ Бисмарка.

„Съ того момента, какъ въ Вѣнѣ придутъ къ убѣжденію, что мосты между Россіей и Германіей сожжены, Германія подвергнется опасности въ извѣстномъ смыслѣ стать зависимой отъ Австріи, чтобы въ концѣ концовъ рисковать своимъ достояніемъ и кровью ради балканской политики Вѣны." Пророческій духъ! Какъ разъ такой случай былъ въ іюлѣ 1914 года.

Если бы канцлеръ пустилъ въ ходъ свой телеграфный протестъ противъ Вѣны на четыре дня раньше, то Европа была бы спасена. Сегодня онъ не имѣлъ никакой цѣны, даже въ томъ случаѣ, если бы, такъ утверждали впослѣдствіи, Чиршки въ Вѣнѣ намѣренно не воспользовался имъ.

Теперь военные взяли въ свои руки вожжи въ иностранномъ вѣдомствѣ. Четыре года подрядъ они не выпустятъ вожжей изъ рукъ. Генералы телеграфируютъ: Мольтке *„настойчиво совѣтуетъ"* Вѣнѣ произвести немедленную мобилизацію всей арміи: это звучитъ какъ первый германскій приказъ. За нимъ послѣдуетъ тысяча другихъ. Вождь германской арміи настолько рѣшительно вмѣшивается въ союзную политику, что Берхтольдъ, когда Конрадъ 31 числа прочитываетъ ему двухколонныя депеши изъ Берлина, восклицаетъ: *„Удалось! Кто правитъ: Мольтке или Бетманъ? Я попросилъ васъ къ себѣ потому, что имѣлъ впечатлѣніе, что Германія идетъ на попятную, но теперь я получилъ успокаивающее объясненіе изъ авторитетнаго военнаго источника."* Только въ отвѣтъ на

это въ Вѣнѣ было *„рѣшено испросить у его величества приказа о всеобщей мобилизаціи.“* Старый императоръ подписалъ, но какъ мало онъ на что бы то ни было надѣялся и что онъ ощущалъ—показываютъ его слова, сказанныя въ эти дни Конраду фонъ Гецельдорфу: *„если уже монархіи суждено погибнуть, то пусть она по крайней мѣрѣ погибнетъ съ достоинствомъ.“*

Въ Берлинѣ, вечеромъ, правящій генералъ фонъ Мольтке велѣлъ канцлеру отмѣнить свою рѣшающую угрозу: „Прошу временно не выполнять порученія“; только не было высказано предполагавшееся обоснованіе, „такъ какъ генеральный штабъ сообщаетъ, что приготовленія (Россіи) заставляютъ торопиться съ быстрымъ рѣшеніемъ. Какъ сообщаетъ Лерхенфельдъ, Мольтке *„уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ высказался въ томъ смыслѣ, что съ военной точки зрѣнія моментъ настолько благопріятенъ, что врядъ ли можно надѣяться на повтореніе его въ ближайшее время“*. Теперь донесеніе баварскаго уполномоченнаго по военнымъ дѣламъ въ Берлинѣ подтверждаетъ, что Мольтке:

„пускаетъ въ ходъ все свое вліяніе, чтобы на рѣдкость благопріятное положеніе было использовано для выступленія. Онъ указываетъ на то, что Франція буквально испытываетъ военныя затрудненія, и что Россія меньше всего чувствуетъ себя увѣренной. Къ тому же благопріятное время года, урожай большей частью убранъ, обученіе новобранцевъ закончено.“

Этотъ отчетъ союзнаго офицера и показываетъ настроеніе умовъ: такими же словами даже, если они не были записаны, выражались Янушкевичъ въ Петербургѣ и Конрадъ въ Вѣнѣ, навѣрно въ одинъ и тотъ же часъ. Врагъ не увѣренъ въ себя, урожай убранъ, время года благопріятно для войны. Удивительно, какъ всѣ господа безъ исключенія, которые думали и рѣшили подобнымъ образомъ, во всѣхъ странахъ сумѣли обезопасить себя отъ геройской смерти.“

Въ обѣденное время неизвѣстныя лица кинули офиціозному „Локаланцейгеру“ чтобы тотъ сообщилъ какъ о совершившемся фактѣ о мобилизаціи, пись-

менное согласіе на которую они все еще не могли вырвать. Въ часъ дня въ Берлинѣ появляется сто тысячъ экземпляровъ экстреннаго выпуска. Всѣ дипломаты телеграфируютъ объ этомъ къ себѣ домой. Яговъ звонитъ по телефону къ посламъ и опровергаетъ. Никто не вѣритъ опроверженію; оно и поступаетъ въ чужія столицы только спустя нѣсколько часовъ послѣ сообщенія. Царь снова телеграфируетъ, предлагая посредничество. Германскій императоръ отмѣчаетъ:

„Объ этомъ больше не можетъ быть и рѣчи. Только манера задержать насъ, чтобы увеличить уже достигнутое преимущество во времени. Мои обязанности кончились. В.“

Мои обязанности кончились. Слышны ли голоса его генераловъ? Здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который пытался бы творить политику, то-есть умѣлъ бы думать за другихъ: сравнить давленіе военныхъ на боязливаго царя съ давленіемъ на боязливаго германскаго императора и однимъ могучимъ словомъ укрѣпить кузена! Послѣ того, какъ онъ 25 лѣтъ подрядъ своими рѣчами и въ теченіе 25 дней своей Нибелунговой вѣрностью вводилъ Европу въ заблужденіе, самъ не желая войны, императоръ при видѣ своего единственнаго врага, котораго онъ дѣйствительно ненавидѣлъ, въ этотъ вечеръ, наконецъ, разражается слѣдующими словами, которыя онъ пишетъ на поляхъ послѣдняго доклада изъ Петербурга:

„Значитъ знаменитое окруженіе Германіи въ концѣ концовъ все-таки стало совершившимся фактомъ, несмотря на всѣ попытки нашей политики... Великолѣпный результатъ, вызывающій восхищеніе даже въ томъ, который благодаря этому погибаетъ. Эдуардъ VII и послѣ своей смерти сильнѣе меня — живого!.. И мы попали въ ловушку въ трогательной надеждѣ тѣмъ самымъ успокоить Англію!!! Всѣ мои предостереженія и просьбы были безцѣльны. Теперь въ отвѣтъ приходитъ такъ-называемая англійская благодарность! Изъ диллемы союзной вѣрности по отношенію къ достопочетному старому им-

ператору для насъ создается ситуація, дающая Англіи желанный поводъ уничтожить насъ... Теперь всѣ эти интриги должны быть безпощадно раскрыты!! И наши консулы въ Турціи и Индіи, агенты и т. д. должны разжечь дикое возстаніе во всемъ магометанскомъ мірѣ противъ этого ненавистнаго, изолгавшагося народа лавочниковъ, потому что если уже намъ суждено истечь кровью, то пусть Англія по крайней мѣрѣ потеряетъ Индію. В."

Въ этихъ фразахъ, вперемешку, какъ брызги водопада, сыпятся истинныя чувства, кривыя мысли, настроенія и вспышки, заранѣе отнимающія у нѣмцевъ лучшіе лозунги ближайшихъ лѣтъ. Какъ это узко и, все же, что за мстительная страстность, что за огонь истинной ненависти, которую монархъ могучей страны питалъ противъ другой, чувствуя, какъ англійскій дядя презиралъ его! Если мы видимъ его настолько же пессимистическимъ, какъ и его союзника въ Вѣнѣ, начинающимъ предпріятіе, отъ котораго его могло спасти одно единственное „нѣтъ", то спрашивается, что же, въ концѣ концовъ, подталкивало его дерзнуть, несмотря на свое предчувствіе: ненависть къ Англіи, или страхъ передъ генералами?

* * *

Въ германское посольство въ Вѣнѣ поступаетъ срочное сообщеніе Бетмана, — настоять на англійскомъ предложеніи. Послъ немедленно, прежде чѣмъ берлинскіе генералы прикажутъ дать опроверженіе, является на завтракъ къ графу Берхтольду. Рѣчь идетъ правда о немногихъ оставшихся часахъ, о судьбѣ Европы, но галантность хозяина дома заставляетъ посла прочесть свое порученіе только *„по окончаніи завтрака"*, потому что подобные господа никогда не теряютъ аппетита. Графъ Форгачъ, завтракавшій вмѣстѣ съ ними, дѣлаетъ замѣтки. Берхтольдъ *„стоитъ блѣдный и молчаливый"*. Въ самый послѣдній моментъ онъ видитъ, что его война подвергается опасности. Что сейчасъ надо дѣлать? — спрашиваетъ

онъ себя. Переодѣться, потому что собирается поѣхать къ императору. Тѣмъ временемъ нѣмецъ еще разъ обращается къ совѣсти другого графа. Тотъ, однако, считаетъ необходимой общую мобилизацію, которую Конрадъ сегодня вечеромъ собирается привезти отъ императора. Берхтольда *„тянутъ въ разныя стороны самыя разнообразныя вліянія“*, ввязывается Тисса. Совершенно, къ сожалѣнію, больше нельзя уклониться и, подъ давленіемъ Берлина, но только на слѣдующій день, приходятъ къ рѣшенію чисто формально принять посредничество Грея, въ видѣ формулированнаго отвѣта; они готовы *„подойти ближе“* къ англійскому предложенію, а тѣмъ временемъ сербскій походъ можетъ продолжаться.

Но, даже это запоздалое согласіе на одну четверть было задержано графомъ Берхтольдомъ до тѣхъ поръ, когда оно больше не могло быть опаснымъ, два дня подрядъ англійскій посолъ въ Берлинѣ повторно, напрасно спрашивалъ объ отвѣтѣ изъ Вѣны. Только 24 часа спустя онъ былъ отправленъ въ Берлинъ и оттуда никогда не былъ посланъ въ Лондонъ. Генералы управляли и вмѣсто этого, въ Вѣнѣ была объявлена общая мобилизація, на нѣсколько часовъ позже, чѣмъ въ Петербургѣ.

И все же соотношеніе между штатскими и военными въ Вѣнѣ и Берлинѣ было весьма неодинаковымъ: въ Берлинѣ, гдѣ генералы были дѣльнѣе дипломатовъ, правили генералы, въ Вѣнѣ, гдѣ дѣло обстояло какъ разъ наоборотъ, искушенные дипломаты могли приказывать генераламъ даже послѣ начала войны. Какъ они поступали, показываетъ телеграмма, извлеченная изъ потайнаго закоулка и которая должна быть предана на посмѣшище и ужасъ потомства. 28 іюля фельдцейхмейстеръ Потіорекъ, котораго послали завоевать Сербію, и который уже на Рождествѣ, разбитый очутился въ Вѣнѣ, получилъ телеграмму, что *„небольшія стычки съ сербами желательны, крупные ангажементы, которые могутъ привести къ неудачамъ, очень нежелательны.“*

Въ столицѣ сидитъ министръ, выдумавшій войну.

Но болѣе могущественный министръ мѣшаетъ ему и онъ, чувствуя угрозу конференціи, которая можетъ заставить избѣжать войны, поэтому, весьма заинтересованъ въ томъ, чтобы поскорѣе начали стрѣлять и пушки заставили бы государственныхъ людей умолкнуть, потому онъ приказываетъ телеграфировать на фронтъ: впередъ. Но такъ какъ онъ питаетъ ограниченное довѣріе къ господамъ генераламъ, то добавляетъ на всякій случай прошу никакихъ *„ангажементовъ“*, (салонное выраженіе для битвъ), при которыхъ можетъ что-нибудь случится. Только нѣсколько ударовъ въ воздухъ, чтобы имѣть возможность солгать Европѣ и главнымъ образомъ, союзнику, утверждая, что англійскій шагъ онъ „послѣ открытія Сербіей враждебныхъ дѣйствій . . . считаетъ послѣдовавшимъ слишкомъ поздно.“

Но, одновременно, Берхтольдъ сдѣлалъ еще шагъ по направленію къ Петербургу, теперь онъ разрѣшилъ своему послу начать съ Сазоновымъ *„собесѣдованіе“*, то есть обсуждать ультиматумъ, но не разрѣшилъ вести переговоры о его *„правообоснованности“*. Почему же теперь сдѣлано то, что онъ отказывался дѣлать пять дней подрядъ? Теперь онъ былъ увѣренъ, въ томъ, что русскіе и нѣмцы перессорились, теперь маленькій Меттернихъ могъ дѣйствовать въ выгодахъ Австріи. Послѣдующіе дни даютъ тому доказательства.

* * *

Въ Берлинѣ одновременно было объявлено *„состояніе военной опасности“* — изобрѣтеніе генеральныхъ штабовъ, чтобы на случай войны мобилизовать до оффиціальной мобилизаціи. Военные апплодировали твердой позиціи Вѣны. Хотя послѣдній шагъ Берхтольда въ Петербургѣ и былъ извѣстенъ, шагъ который автоматически долженъ былъ отозваться и на союзникѣ, потому что вѣдь Австрія, а не Германія имѣла ссору съ Россіей, но генералы правили.

Въ теченіе цѣлаго часа англійскій посолъ еще теперь пытался уговорить господина фонъ Ягова принять послѣднее предложеніе Грея.

„Яговъ: мы послали Россіи ультиматумъ съ 12 часовымъ срокомъ.

Гашенъ: „Почему вы требуете, чтобы Россія произвела демобилизацію и на югѣ?

Яговъ: „Чтобы она не могла укрыться подъ предлогомъ, что вся ея мобилизація направлена только противъ Австріи“

Настроеніе въ берлинскомъ иностранномъ вѣдомствѣ по нѣсколько сокращенному донесенію графа Лерхенфельда:

„Въ Вѣнѣ могли бы принять германско-англійское предложеніе... Мольтке уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ заявилъ, что съ военной точки зрѣнія моментъ настолько благопріятенъ, что врядъ ли можно надѣятся на повтореніе его въ ближайшее время. Основаніе: превосходство германской артиллеріи, Франція и Россія не имѣетъ гаубицъ, превосходство германскаго пѣхотнаго ружья, совершенно недостаточная обученность французской кавалеріи. Соціалъ-демократы по долгу службы демонстрировали въ пользу міра, но теперь сидятъ совершенно спокойно... императоръ послѣ нѣкоторой перемѣнчивости настроенія теперь очень серьезенъ и очень спокоенъ.“

Въ Петербургѣ господствовала та же рѣшимость. Германскій посолъ отправляется послѣ обѣда въ Петергофъ къ царю и говоритъ:

„Мое желаніе—открыто обрисовать вашему величеству впечатлѣніе, которое должна произвести въ Германіи всеобщая мобилизація въ Россіи. Ее будутъ разсматривать не только какъ угрозу и вызовъ Германіи, но и оскорбленіе германскаго императора, который все еще пытается посредничать.

Царь слушаетъ, ни однимъ движеніемъ не выдавая то, что происходитъ въ его душѣ, потомъ онъ говоритъ: „вы вѣрите въ это?

Пурталесъ: „единственное чѣмъ сейчасъ можно предотвратить войну — это взять обратно указъ о мобилизаціи.

Царь: „Вы сами были офицеромъ и поэтому

должны знать, что такіе приказы по техническимъ соображеніямъ нельзя больше задерживать."

Потомъ онъ показываетъ телеграмму и начатое письмо германскому императору. Онъ еще вполнѣ согласенъ признать себя побѣжденнымъ, и отправляетъ генерала въ Берлинъ. Этотъ мирный генералъ никогда не прибывалъ въ Берлинъ, также какъ и оттянутое Берхтольдомъ принятіе предложенія Грея не прибывало въ Лондонъ.

Такъ какъ одновременно Германія поставила вопросъ о войнѣ или мирѣ въ зависимости отъ отказа Россіи отъ мобилизаціи, то слѣдуетъ формально установить, что дѣло дошло до войны потому, что никто *безъ несчастья*" не можетъ пріостановить мобилизацію.

На другой день, около полуночи, графъ Пурталесъ передалъ германскій ультиматумъ. Сазоновъ спрашиваетъ:

„Почему вамъ недостаточно честнаго слова, которое царь далъ вашему императору?"

„Потому что оно дѣйствительно только пока есть надежда на улаженіе русско-австрійскихъ разногласій изъ за Сербіи. Можете ли вы гарантировать мнѣ, что Россія согласна сохранить миръ, даже если не послѣдуетъ соглашеніе съ Австріей?"

„На этотъ вопросъ я не могу отвѣтить утвердительно."

„Въ такомъ случаѣ вы не можете быть на насъ въ претензіи если мы не согласны дать Россіи еще большее преимущество при мобилизаціи."

Эту необходимость подтверждаетъ сербскій посолъ, который одновременно телеграфировалъ изъ Петербурга домой: ...„что Россія теперь затягиваетъ переговоры съ той цѣлью, чтобы... выиграть время для концентраціи своей арміи. Когда она будетъ готова, она объявитъ Австріи войну."

Только конецъ былъ неточенъ, потому что за нѣсколько часовъ до этого разговора на пушечномъ дулѣ Сазоновъ велъ очень мирную бесѣду съ австро-венгерскимъ посломъ.

„Мы не тронемся съ мѣста пока собесѣдованіе съ Вѣной, направленное на соглашеніе, въ ходу. Впрочемъ вы первые начинали."

Венгерецъ съ живостью протестуетъ. Сазоновъ заканчиваетъ этотъ гимназическій споръ многозначительной ироніей:

„Оставимъ эту хронологію!"

Вслѣдъ за этимъ они говорятъ объ ультиматумѣ, какъ и пять дней тому назадъ. Подъ конецъ Сазоновъ заявляетъ, что чувствуетъ значительное облегченіе.

* * *

Но еще раньше, чѣмъ ультиматумъ былъ переданъ въ Петербургъ, германскій императоръ держалъ свою первую воинственную рѣчь съ балкона берлинскаго замка, въ которой онъ говоритъ о мечѣ, о Богѣ и о противникахъ.

Тѣмъ временемъ довольно безпомощно ломали головы надъ формальнымъ объявленіемъ войны. Одновременно написали два текста,— одинъ авансомъ, для Франціи,— но при этомъ дѣло шло какъ у Фауста при переводѣ Библіи. Сперва должно было быть сказано: accepter la guerre octroyée:

Это не прошло, потому что когда посмотрѣли въ лексиконѣ, подобную войну можно было перевести словомъ „по соглашенію". Тогда написали кое-что о принужденіи, были вынуждены и это вычеркнуть, обошли наконецъ сторонкой причину войны, и написали: releve le défi, этотъ вызовъ принимается.

Въ часъ дня оно было передано по телеграфу послу, въ пять часовъ оно должно было быть передано на мѣстѣ. Въ 2 часа въ Берлинъ внезапно прибыла новая телеграмма царя, но пока никто не думалъ о томъ, чтобы прежде всего телеграфно задержать у посла объявленіе войны, хотя теперь прибыла наиболѣе разумная телеграмма царя.

„Понимаю, что ты вынужденъ мобилизовать, но хотѣлъ бы имѣть отъ тебя ту же гарантію, которую

я далъ тебѣ, именно, что эти мѣропріятія не означаютъ войны и, что мы будемъ продолжать переговоры".

Но все же Яговъ и Циммерманъ отправляются въ замокъ, чтобы воспрепятствовать мобилизаціи. И несмотря на то, что ихъ рѣшительный шагъ кончается неудачей, одинъ остается на должности еще два, а другой еще три года.

Послѣ обѣда, въ пять часовъ отъ замка вдоль по Унтеръ денъ Линденъ мчатся автомобили. Въ нихъ находятся офицеры, которые машутъ платками и кричатъ сквозь согнутыя ладони: „мобилизація". Толпа ликуетъ и тѣснится вокругъ нихъ.

Только у самаго замка въ королевскомъ кругу все идетъ съ прусской аккуратностью. Отчетъ гласитъ:

„По приказу императора вскорѣ послѣ 5 часовъ изъ дворцоваго подъѣзда вышелъ шуцманъ и сообщилъ ожидающимъ, что мобилизація рѣшена. Глубоко взволнованная толпа затянула хоралъ: „Возблагодарите всѣ Господа".

* * *

Иностранное вѣдомство изготовило объявленіе войны не только по французски, но одновременно въ двухъ варіаціяхъ и отправила ихъ петербургскому послу въ зашифрованномъ видѣ, чтобы ему осталась только роль передаточной инстанціи, рѣчь шла объ обоихъ случаяхъ: отклоненіи или молчаніи противника.

Только пять минутъ послѣ расшифрованія были бы достаточны для графа Пурталеса, чтобы продиктовать ее. Но онъ не велитъ переписать ее *„за недостаткомъ времени"*, а попросту беретъ съ собой въ двухъ варіантахъ и ѣдетъ къ Сазонову:

„Послѣ троекратнаго вопроса, не угодно ли ему дать мнѣ отвѣтъ на мое послѣднее заявленіе... я прочелъ ему предписанное заявленіе и оставилъ документъ врагу." Когда онъ ушелъ русскій читаетъ двояко составленное германское объявленіе войны.

„Такъ какъ Россія не удовлетворила это требованіе (не сочла необходимымъ дать отвѣтъ на это требованіе) и благодаря такому отказу (позицій) объявила, что ея дѣйствія направлены противъ Германіи, я имѣю честь по порученію моего правительства сообщить вашему превосходительству слѣдующее: его величество императоръ, мой августѣйшій государь, отъ имени имперіи принимаетъ этотъ вызовъ.“

Настолько ловокъ былъ графъ Пурталесъ.

Послѣ полуночи къ царю въ Петергофъ внезапно приходитъ новая телеграмма германскаго императора, который еще въ послѣдній моментъ пытается предотвратить войну. Она подана въ Берлинѣ черезъ три часа послѣ передачи объявленія войны, и онъ настоятельно предупреждаетъ о малѣйшемъ нарушеніи границъ, слѣдовательно объявляетъ недѣйствительнымъ объявленіе войны. Подпись: *Вилли*.

У царя появляется послѣдняя надежда, онъ думаетъ:—Вѣдь это своего рода опроверженіе объявленія войны, по крайней мѣрѣ условіе заднимъ числомъ. „Вчера я послалъ своего адъютанта въ Берлинъ. Если я задержу войска на границѣ то все еще разъ можно повернуть вспять. Онъ немедленно по телефону передаетъ Сазонову телеграмму и велитъ ему какъ можно скорѣе позвонить германскому послу.

Уже около 4 часовъ утра, медленно начинаетъ разсвѣтать. Графъ Пурталесъ укладывается всю ночь. Будучи вызванъ теперь по телефону онъ думаетъ, что разговариваетъ съ привидѣніемъ. Какъ, развѣ это въ самомъ дѣлѣ тотъ министръ, которому онъ только что объявилъ войну? Что царь получилъ? Новую телеграмму германскаго императора? Боже мой! Сазоновъ подчеркивая, подтверждаетъ дословный текстъ и часъ подачи берлинской императорской телеграммы и потомъ спрашиваетъ:

„Какъ мнѣ согласовать эту телеграмму съ вашимъ объявленіемъ войны?“

Еще разъ разумъ прокрадывается въ круги слабыхъ или преступныхъ дипломатовъ; въ послѣдній разъ! Что дастъ онъ германскому графу? Восклик-

нетъ ли онъ въ телефонъ: „Иду!—потребуетъ шляпу и карету, чтобы пять минутъ спустя держать въ рукахъ драгоцѣнную телеграмму своего монарха, или хотя бы копію ея?

Ничего. Вѣдь онъ же дипломатъ, т. е. онъ научился какъ вести себя, послѣ того, какъ объявлена война. И Сазоновъ слышитъ по телефону только слѣдующія (сообщенныя Пурталесомъ въ своихъ мемуарахъ) слова:

„Къ сожалѣнію, я не могу ничего сообщить по этому поводу. Можетъ быть эта телеграмма подана раньше, чѣмъ та, въ которой мнѣ было предписано сдѣлать спорное заявленіе. Впрочемъ, я долженъ попросить васъ обратиться къ американскому повѣренному въ дѣлахъ, который взялъ на себя защиту нашихъ интересовъ, черезъ четыре часа мы уѣзжаемъ" и вѣшаетъ трубку. „Можетъ быть, „спорное заявленіе," впрочемъ я долженъ попросить Васъ:" холодность, легкомысліе, желаніе избѣжать осложненій: типичное поведеніе европейскаго дипломата. Но онъ послѣ проигранной войны не сдѣлался въ глазахъ своей націи смѣшнымъ за „двойное" объявленіе войны и не былъ привлеченъ къ отвѣтственности за отклоненіе императорской телеграммы.

Глава XI.

Нейтральные.

Балканы, — горный массивъ, грозный какъ его имя. Отблескъ западно-европейской культуры покрываетъ 25 милліоновъ обитателей полуострова, но сквозь него просвѣчиваетъ расовая страстность, подобно тому, какъ блестящій сланецъ Балканъ перемежается дымчатыми вулканическими породами. Западъ пытался обмануть ихъ своимъ искусствомъ, своими знаніями — они же въ отвѣтъ извергли лаву своихъ вулкановъ, нарушая покой Европы азіатскими полчищами.

Что намъ до сербскихъ комитаджіевъ, борющихся противъ болгарскаго царя за города, чьи наименованія настолько для насъ сложны, что нашъ языкъ не въ состояніи ихъ выговорить? Какое намъ дѣло до распри двухъ королевскихъ домовъ Сербіи и до ихъ борьбы съ греками и албанцами изъ за Македоніи, ведущейся едва ли не съ временъ Александра Великаго? Какое значеніе имѣетъ валахскій господарь и интриги его пріемниковъ, разжигаемые въ Россіи и въ Турціи изъ-за Бессарабіи? Что намъ подземные ходы послѣднихъ султановъ, создавшихъ себѣ ядомъ и кинжаломъ на трупахъ цѣлыхъ народовъ, могущество, передавшихъ свои средства борьбы своимъ убійцамъ? „Не стоятъ даже кости одного померанскаго гренадера,“ Вначалѣ они были слишкомъ хитры для того, чтобы принять какое либо рѣшеніе. Всѣ пять балканскихъ государствъ оставались въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ или лѣтъ войны нейтральными.

* *

Румынія тайно присоединилась къ тройственному союзу. На практикѣ, какъ быстро выявилось, четверной союзъ оказался лишь двойственнымъ союзомъ. Когда за годъ до войны графъ Чернинъ, новый австрійскій посолъ, предложилъ довести въ тайномъ договорѣ до свѣдѣнія палаты, старый императоръ смертельно испугался.

Онъ былъ слабъ, какъ прочіе европейскіе монархи, но былъ честенъ. Будучи Гогенцолерномъ по крови и адъютантомъ кронпринца Фридриха во время датской войны и мужемъ поэтически настроенной принцессы, онъ оказался ближе къ своимъ порядочнымъ и потому лишеннымъ силы крестьянамъ, чѣмъ были управлявшіе страной балканскіе адвокаты. Король Кароль позволялъ партіямъ смѣняться у кормила власти боясь лишь одного—открыто связать себя съ какой-либо изъ сторонъ.

И все же можно было привлечь на сторону и

либераловъ, выучениковъ парижской школы, съ 1913 года управлявшихъ страной. Слѣдовало имъ лишь Семигорье, въ которомъ жили милліоны румынъ, покоренныхъ венграми. Въ тѣ времена они предложили, совсѣмъ въ духѣ Франца-Фердинанда, болѣе или менѣе заманчивый союзъ, но Тисса его отклонилъ. И старый Францъ-Іосифъ такъ же былъ противъ, тогда какъ его племянникъ былъ настроенъ въ его пользу. Тѣмъ большее впечатлѣніе произвело въ Бухарестѣ его убійство: *Убили друга Румыніи.*

Вѣнскій ультиматумъ Сербіи въ нѣсколько часовъ заставилъ измѣнить настроеніе. Еще недавно рука объ рука съ Сербіей румыны стяжали побѣду. Австрію, видя какъ она провоцируетъ войну, объявляли обезумѣвшей.

Балканскій монархъ, въ которомъ билось нѣмецкое сердце, не далъ австрійскому послу дочитать до конца ультиматумъ и воскликнулъ внѣ себя: „*Это міровая война.*“ И лишь по истеченіи нѣкотораго промежутка времени ему удалось снова политически овладѣть собою. Своему дневнику онъ довѣрилъ слѣдующее: „*Недоказано, что убійство было подготовлено въ Бѣлградѣ.*“ Онъ чувствовалъ, что его тайное соглашеніе задыхается въ безвоздушномъ пространствѣ. Когда нѣсколько дней спустя австріецъ воззвалъ къ его чести, напомнивъ, что данное слово продолжаетъ быть словомъ, онъ склонилъ голову на письменный столъ и заплакавъ попытался сорвать съ шеи орденъ „Пуръ-ле-меритъ“.

Межъ тѣмъ, нѣмецкій государь, „на правахъ Гогенцоллерна“ шлетъ въ Бухарестъ почти угрожающія посланія. Коронный совѣтъ. Король высказывается за оказаніе помощи союзной Австріи, — лишь одинъ Петръ, голосуетъ за это предложеніе. Всѣ остальные оспариваютъ необходимость выполненія союзнаго обязательства, такъ какъ Австрія выступила въ Бѣлградѣ безъ предупрежденія своего союзника. Истинная причина вражды на самомъ дѣлѣ кроется въ Венгріи, ибо чего ради имъ помогать своему смертельному врагу, попавшему въ западню? Король

обѣихъ сторонъ, „ничто само по себѣ не является зломъ или добромъ. Лишь мысль превращаетъ въ это“.

Всѣ штабы Европы теперь стали находить нарушенія границъ, дабы нажать на колеблющихся дипломатовъ. Послѣ измышленій Бертхольда, будто бы сербскія суда обстрѣляли австрійскія войска, германскій генеральный штабъ объявилъ о нападеніи русскихъ близъ Іоганнисбурга: „Этимъ Россія начала войну противъ насъ“, сообщали газеты-дипломаты. Какой-то маленькій командиръ дѣйствительно не будучи освѣдомленъ объ объявленіи войны нѣмцами перешелъ границу.

Гораздо важнѣе было Франціи оказаться въ роли подвергшейся нападенію: не только соціалисты, но даже и банкиры, ихъ противники, не питали особой склонности къ тому, чтобы распѣвать царскій гимнъ. Рѣшающій союзникъ, Англія, въ своемъ мнѣніи цѣликомъ зависѣлъ отъ того, окажется ли Франція подвергнувшейся нападенію. Извольскій скрупулезный секундантъ парижскихъ сторонниковъ войны телеграфировалъ нѣчто, ставшее достояніемъ гласности лишь послѣ революціи. Его военному атташэ французскій министръ якобы цинично сказалъ:

„Мы можемъ спокойно заявить о томъ, что мы особенно заинтересованы въ сохраненіи мира. Межъ тѣмъ мы замедлимъ мобилизацію, что не можетъ служить намъ препятствіемъ къ тому чтобы продолжать наши военныя приготовленія, лишь по возможности избѣгая переброски войскъ.“ И когда нѣмцы дѣйствительно выступаютъ, Извольскій восторженно телеграфируетъ своему шефу:

„Нѣмцы маленькими отрядами переходятъ границу. Это даетъ возможность и правительству разъяснить палатѣ, что на Францію совершенно нападеніе. Нѣмецкое вторженіе въ Люксембургъ здѣсь склонны разсматривать очень благожелательно, ибо оно неминуемо вызоветъ протестъ со стороны Англіи и побудитъ ее къ дѣйствіямъ. Еще болѣе ощутительнымъ для Англіи явилось бы нарушеніе нейтралитета Бельгіи, о чемъ здѣсь поговариваютъ“. Дьявольскій доку-

ментъ, обнажающій цинизмъ этихъ круговъ Европы. Одновременно Франція объявляетъ о мѣстахъ нѣмецкаго нападенія: Лонгви, Сирэй, Делль у Бельфора.

Нѣмцамъ не везло въ этомъ вопросѣ: они утверждали тоже самое, но говорили лишь о „различныхъ пунктахъ“, „нѣмецкихъ мѣстностяхъ“, о попыткахъ взорвать желѣзнодорожный путь у Везкля и Кохеме въ Вестфаліи. Одновременно они ссылались на почтовыхъ голубей, перелетѣвшихъ близь Базеля черезъ границу. Особенно много говорилось о послѣднихъ, изъ которыхъ одинъ якобы задержался, а затѣмъ повернулъ въ Голландію. Они были объявлены въ Лондонѣ „очевидно самыми тяжелыми нарушителями неприкосновенности границъ“. Бомбы въ то время сброшенныя французскими летчиками на желѣзнодорожное полотно близь Нюренберга были опровергнуты. О врачахъ, якобы близъ Меца отравлявшихъ колодцы холерными бациллами, было сообщено въ Римъ, дабы вызвать выступленіе союзника. Все это являло первого августа картину, которую не выдумать и художнику, — всеобщая боязнь, словно, распространяемая исполинскими прожекторами, заставляла искать враговъ на небѣ и на землѣ. Одинъ лишь начальникъ полиціи въ Вюртембергѣ сохранилъ чувство юмора, — онъ сообщалъ: „Облака кажутся летчиками, звѣзды — аэропланами, части велосипеда — бомбами.“

Другой путь оставался открытымъ. Путемъ большой осторожности и односторонности въ нѣмецкихъ мобилизаціонныхъ дѣйствіяхъ можно было бы усилить позицію сильныхъ антимилитаристскихъ элементовъ въ Парижѣ и предотвратить вступленіе Франціи въ войну. Франція сдѣлала одно — подъ давленіемъ соціалистовъ отодвинула свои войска отъ угрожаемыхъ границъ на 10 километровъ вглубь страны. Дѣйствіе это однако имѣло въ гораздо большей степени военное обоснованіе.

* * *

Въ Парижѣ нѣмецкій посолъ почелъ нужнымъ ограничиться ролью фельдъ-егеря, онъ едва ли не

ограничивается завѣреніемъ, что Австрія можетъ оставить свою румынскую границу безъ прикрытія: Доколѣ я король, ни одинъ румынъ не выступитъ противъ Австріи".

Братіану, премьеръ министръ, по воспитанію и по настроеніямъ французъ, приходитъ къ выводу, что старики подвержены къ смерти и на всякій случай продолжаетъ вооруженіе, заказываетъ пушки и, разумѣется, у Круппа.

* * *

Болгарія, въ силу раздуваемой сербами ненависти и непріязни къ Россіи, выявившейося во время послѣдняго пребыванія при царскомъ дворѣ послѣ последней войны, склоняется на сторону Германіи. Она готова примкнуть къ тройственному союзу, при условіи, что ей будутъ гарантированы отторгнутыя области. Въ теченіе года колеблются, прежде чѣмъ рѣшаютъ присоединиться къ союзу. Черногорія, эта ненавидящая сербовъ, сербская страна, быстро прекращаетъ игру въ прятки: король Черной Горы съ давнихъ поръ скупалъ въ Вѣнѣ и Парижѣ русскія цѣнности и поэтому онъ спѣшитъ, „своимъ тѣснимымъ братьямъ на помощь". Думаетъ онъ побѣдами своего оружія поддержать цѣнность русскихъ бумагъ, или же онъ вѣритъ въ ихъ непоколебимость на столько, что готовъ имъ въ жертву принести свою армію. Ему суждено потерять свое богатство и страну.

Королева Эллиновъ была въ іюлѣ мѣсяцѣ гостьей своего царственнаго брата въ Берлинѣ. Послѣдній потребовалъ присоединенія къ тройственному союзу, ознакомивъ ее съ еще несуществовавшимъ въ то время болгаро-турецкимъ соглашеніемъ съ Германіей. Константинъ колебался и не рѣшался выступить на защиту своихъ вчерашнихъ враговъ—болгаръ, *„Въ этомъ случаѣ я не встану на сторону Австріи противъ славянъ, какъ объ этомъ гласитъ телеграмма Вашего Величества"*. Въ переводѣ на болѣе опредѣленный языкъ это первое выступленіе короля звучитъ чисто по-гречески.

Императоръ внѣ себя, видя, что поза повелителя не помогаетъ, принимаетъ позу моралиста: *Я считаю совершенно очевиднымъ, что ты помятуя о твоемъ павшемъ отъ руки убійцъ отцѣ, воздержишься отъ того, чтобы выступить на сторонѣ сербскихъ убійцъ*". Въ случаѣ несогласія три союзника немедленно выступятъ противъ него и одновременно будутъ прерваны всѣ личныя отношенія: это говорится еще тогда, когда сестра гоститъ у своего брата. Не испугавшійся король отвѣчаетъ: онъ остается нейтральнымъ.

Въ Константинополѣ—также какъ и въ Лондонѣ и въ Вашингтонѣ—нѣмцы были хорошо представлены: лишь Вангенхеймъ и Лихновскій предостерегали въ іюлѣ 1914 года свою ослѣпленную столицу. Бернсдорфъ даже въ 16 году не убоялся Людендорфа, этого диллетантствующаго диктатора. Фонъ Вангенхеймъ высказался противъ союза съ Турціей. Онъ обладалъ блестящей внѣшностью, былъ высоко одаренъ, хитеръ, былъ знатокомъ искусствъ и женщинъ: во всемъ онъ былъ противоложностью типичнымъ нѣмецкимъ дипломатамъ. Когда Берлинъ потребовалъ отъ него привлечь Турцію къ союзу, онъ сумѣлъ отвѣтить убійственными доводами. Военный министръ навязалъ ему договоръ, онъ сумѣлъ отъ него уклониться. И рядомъ замѣчаніе императора: „*Ерунда. Пусть онъ сперва привлечетъ ее къ нашему союзу, а все прочее явится само собой. Она же прямо навязывается!*"

Эта замѣтка, брошенная безъ какихъ-либо оговорокъ, рѣшала весь турецкій вопросъ, такъ, какъ онъ рѣшался во времена Людовика 14-го. Вангенхеймъ воспринялъ ее, какъ безоговорочный приказъ и заключилъ противъ своей воли этотъ въ общемъ для обѣихъ сторонъ вредный союзъ.

Словно въ предвидѣніи будущаго онъ былъ заключенъ срокомъ на четыре года и истекъ вмѣстѣ съ концомъ договаривающихся сторонъ.

* * *

Въ теченіи долгихъ лѣтъ Италія принадлежала

къ тройственному союзу только на бумагѣ, на документахъ, хранившихся въ трехъ несгораемыхъ шкафахъ и оставшихся неизвѣстными большинству: Съ Россіей и Франціей Италія пришла къ соглашенію, національная вражда существовала лишь въ отношеніи союзной съ Италіей Австріи. На самомъ дѣлѣ еще за годъ до войны Вѣна запросила Римъ выступитъ ли онъ въ войнѣ противъ Сербіи. Изъ Вѣны, равно какъ и изъ Берлина послѣдовало запрещеніе. Санъ-Джуліано, этотъ старый опытный водитель Италіи, также какъ и Джіолитти предупреждалъ противъ этой „опасной авантюры“.

— Значитъ, на сей разъ придется выступить за свой собственный рискъ, подумали вѣнскіе графы. Но все искусство Меттерниха, таившееся въ цюжинахъ инструкцій, адресованныхъ посламъ, не устояло передъ тонкостью Италіи и, прежде чѣмъ ультиматумъ оказался написаннымъ, итальянскій министръ уже выступилъ противъ него, объявивъ нѣмецкому послу, что согласно воззрѣніямъ ихъ учителя ни одно правительство не можетъ нести отвѣтственности за революціонную агитацію. Поэтому Италія не сможетъ выступить противъ Сербіи, если Австрія и рѣшится на этотъ шагъ. И нѣмецкій государственный секретарь призналъ, что нельзя разсчитывать на союзъ съ Италіей въ случаѣ конфликта съ Сербіей.

Нѣмецкій посолъ въ Римѣ, хоть и былъ болѣзненъ и слабъ, фонъ Флоттовъ, трезво смотрѣлъ на вещи, и предостерегалъ, въ то время, какъ австрійскій посолъ фонъ Мерей, столь же болѣзненный, но ослѣпленный и упрямый, препятствовалъ всему, что могло бы связать союзниковъ. Большинство перипетій этихъ сценъ разыгрывалось внѣ Рима, на курортахъ у моря, гдѣ проводили свой лѣтній досугъ дипломаты и министры и гдѣ у министровъ имѣлась возможность уѣхать въ Римъ, въ ожиданіи непріятнаго выступленія, дабы затѣмъ по прибытіи преслѣдующихъ ихъ дипломатовъ снова имѣть возможность выѣхать на курортъ.

Въ послѣдніе дни распада Вѣна пыталась быть хотя бы вѣжливой. Австрійскій посолъ, словно въ фильмѣ преслѣдовалъ итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ, мчался за нимъ въ Римъ, дабы за день до врученія Сербіи ультиматума, информировать его о немъ. Министръ не смогъ его принять, затѣмъ австрійскій посолъ захворалъ, и когда на слѣдующій день совѣтникъ посольства выѣхалъ на взморье къ министру дабы оповѣстить его, то все уже было извѣстно.

Что либо измѣнить было поздно: Оба, и премьеръ министръ внутреннихъ дѣлъ, Саландра и Санъ Джуліано, первый—другъ Германіи, а второй — интриганъ, объявили, что Италія остается нейтральной, ибо нападающей стороной является тройственный союзъ, ибо Вѣна нападаетъ на Бѣлградъ. Въ остальномъ же у насъ имѣются, согласно параграфа 7-го договора, требованія компенсировать тѣ захваты, которые могли бы усилить Австрію на Балканахъ.

Ничѣмъ Берлинъ не занимался такъ основательно и серьезно, какъ своими ежедневными требованіями, предъявляемыми Вѣнѣ, что либо предложить Италіи, что могло бы заставить ее присоединиться къ войнѣ. Ни въ чемъ Австрія не проявила столько скупости и сдержанности. Германія проявила въ этомъ вопросѣ столько инициативы, что рискнула на свою отвѣтственность предложить Италіи Валону, что было съ подозрѣніемъ отвергнуто. А Австрія, между тѣмъ, все настойчивѣе возражала всѣмъ предложеніямъ Италіи, рисуя примѣрно слѣдующую картину: „Это было бы словно кто-нибудь кричалъ бы своему упавшему въ Дунай другу: „Я тебя не вытащу. А если тебѣ удается выплыть собственными силами, то тебѣ придется мнѣ уплатить возмѣщеніе.“

Когда фонъ Мерей поплылъ по теченію этого сравненія, никто не помогъ ему выплыть. Онъ не замѣчалъ того, что Австрія сама бросилась въ Дунай и плывя въ Бѣлградъ, кричала: „Мнѣ хорошо. Только Нибелунги могутъ оставаться терпѣливыми, занимаясь подобнымъ спортомъ. Фонъ Мерей настолько обрадо-

ванъ, что проситъ разрѣшенія заявить въ Римѣ, что: *„Если Италія не выполнитъ своего союзнаго долга до послѣдняго солдата, то мы будемъ считать всѣ наши союзныя обязательства отпавшими, а Италію выступившей изъ тройственнаго союза.“*

Въ самомъ дѣлѣ заслугой графа Берхтольда является то, что онъ не далъ согласія на это комическое предложеніе своего посла. Онъ видѣлъ передъ собою римскихъ ученыхъ, которые послѣ подобной угрозы со стороны ненавистнаго имъ союзника заворачивались въ тоги и уподобляясь Вотану восклицали: „Уходи, я не могу болѣе тебя удерживать“. Гораздо больше основаній было бы указать на компенсаціи въ томъ случаѣ, если бы Австріи, подкрѣпленной Италіей, удалось бы что-либо завоевать на Балканахъ.

Но этотъ шагъ былъ слишкомъ ничтоженъ и былъ сдѣланъ слишкомъ поздно, ибо Англія приняла рѣшеніе, а съ маленькимъ флотомъ и еще меньшей береговой охраной полуостровъ не смогъ бы выступить въ бой противъ морской державы. Санъ-Джуліано потребовалъ залогъ за свой нейтралитетъ. Когда онъ, наконецъ, упомянулъ о Трентино, фонъ Мерей закончилъ разговоръ слѣдующими словами: *„Если я въ теченіе многихъ лѣтъ своихъ бесѣдъ съ вами и позволялъ себѣ быть не по дипломатически рѣзкимъ, то сегодня я исправляю свою ошибку тѣмъ, что не отвѣчаю на ваши неумѣстныя заявленія глупостью.“*

Съ этой фразой, достойной третьего акта пьесъ Дюма, австрійскій посолъ покидаетъ итальянского государственнаго дѣятеля, въ помощи которого онъ нуждался. По рыцарски ретировавшись онъ облегчаетъ ему возможность броситься въ объятія соперника.

Когда Вильгельмъ прочелъ уклончивую депешу Виктора Эммануила онъ написалъ на ней не только: „Наглость. Негодяй“, но и постигъ осѣнившую его мысль, которую онъ выразилъ въ слѣдующемъ великолѣпномъ выраженіи: *„Союзники отпадаютъ отъ насъ еще до войны, подобно гнилымъ яблокамъ. Полное*

крушеніе нѣмецкой и австрійской дипломатіи. Этого слѣдовало, можно было и надо было избѣгнуть.“

Никогда Вильгельмъ не говорилъ и не видѣлъ такъ правильно.

* *

Когда въ Брюсселѣ манифестировали огромныя толпы, воспламененныя исторической рѣчью Жореса, восклицая: *„Долой войну“*, нѣмецкій посолъ сообщилъ объ этомъ въ Берлинъ, снабдивъ сообщеніе примѣчаніемъ: „Рѣчь, содержаніе которой не нуждается въ передачѣ“.

Этотъ посолъ, фонъ Беловъ, получилъ на слѣдующій день таинственный конвертъ съ предписаніемъ вскрыть его только по полученіи телеграфнаго предписанія. И на самомъ дѣлѣ нѣмцы — какъ сердобольные судьи, прочитывающіе смертный приговоръ какъ разъ передъ казнью, — ненадолго оставили осужденнаго въ страшномъ невѣдѣніи.

Онъ давно его предвидѣлъ. Уже рядъ лѣтъ былъ извѣстенъ верхамъ Бельгіи планъ графа фонъ Шлиффенъ, устанавливающій зависимость разгрома Франціи отъ похода черезъ Бельгію, несмотря на то, что Германія отрицала существованіе подобнаго плана.

Три года тому назадъ это отрицалъ Бетманъ въ Рейхстагѣ, пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ отъ него отрекался передъ депутатами Яговъ.

Это происшествіе, равно какъ и постройка германскихъ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, равно какъ и сообщенія французскихъ агентовъ, настолько укрѣпили вѣру въ нѣмецкій планъ войны, что бельгійскій главный штабъ вступилъ въ переговоры съ англійскимъ военнымъ атташэ по вопросу о предоставленіи англійскому дессантному корпусу на случай нападенія Германіи свѣдѣній обо всемъ необходимомъ, о дорогахъ, о снаряженіи и припасахъ. Министры не договорились, договоры не заключались, въ актахъ неоднократно повторяется: *„на случай нѣмецкаго на-*

паденія". О томъ, что о нападеніи со стороны Франціи не было и рѣчи, отнюдь не говоритъ въ пользу Франціи, это лишь подтверждаетъ довѣріе, которое Бельгія испытывала по отношенію къ Франціи.

Два поколѣнія тому назадъ наблюдалось обратное. Пруссаки, во избѣжаніе захвата Бельгіи Людовикомъ Филлипомъ гарантировали бельгійскій нейтралитетъ на вѣчные времена, по образцу гарантированного великими державами нейтралитета Швейцаріи. И затѣмъ предложили гарантировать этотъ нейтралитетъ остальнымъ четыремъ державамъ. На этомъ основаніи и выросъ нейтралитетъ Бельгіи.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ пяти воспріемниковъ Пруссія ближе другихъ стояла къ колыбели бельгійскаго нейтралитета. Это соглашеніе могло быть образцомъ для современности. Во первыхъ доброволь-ное признаніе неприкосновенности этого оспариваемаго дѣвственнаго государства, скрѣпленное присягой, во вторыхъ оно являлось образцомъ для Соединненныхъ Штатовъ Европы, мыслимыхъ какъ нейтральные государства, въ третьихъ свидѣтельствовало о возможности объединенія почти равныхъ по силѣ расъ, соединившихся для мирного бытія посреди національстической Европы. Къ этому пришло демократическое сознаніе эпохи.

Но что, въ концѣ концовъ, при измѣнившихся интересахъ представляетъ собой торжественнѣйшій договоръ, какъ не клочекъ бумаги. Такъ думалъ Наполеонъ III, помышлявшій о захватѣ Бельгіи и предложившій Бисмарку признаніе сѣверо-нѣмецкаго союза, при условіи допустить захватъ Бельгіи. Бисмаркъ отказался и приберегъ неосторожное предложеніе Франціи и переслалъ его къ моменту начала войны Англіи, въ нейтралитетѣ которой онъ нуждался. При Седанѣ часть окруженной арміи смогла бы спастись въ Бельгію, но граница была преграждена и Наполеонъ утратилъ свой тронъ изъ за барьера страны, чьими знаменами онъ намѣревался его украсить.

Когда къ началу той войны бельгійскій посолъ обратился къ Бисмарку за повторнымъ признаніемъ

нейтралитета, тотъ отвѣтилъ, заговоривъ не объ охранѣ малыхъ народовъ, или о данной клятвѣ, а сказавъ лишь эти простыя слова: „*Меня удивляетъ, что человѣкъ, обладающій остротой вашего ума могъ допустить мысль, что я соглашусь на то, чтобы бросить вашу страну въ объятія французовъ.*"

Нынѣ этотъ смыслъ таился въ запечатанномъ письмѣ нѣмецкому послу. (Въ дополненіе къ трагическому выявился и комическій элементъ — берлинскій референтъ по бельгійскому вопросу находился въ отпуску, его шкафъ со всѣми документами былъ запертъ и дипломаты принуждены были въ смущеніи остановиться передъ нимъ).

Лондонъ одновременно запросилъ Парижъ и Берлинъ по вопросу о Бельгіи: Парижъ обѣщалъ выполнить договоръ, Яговъ уклонился отъ прямого отвѣта: его отвѣтъ выдалъ бы стратегическіе планы Германіи. Представительный старикъ Давиньонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ въ Брюсселѣ, подтверждаетъ: что старое подозрѣніе относительно плана „стратегическаго" прохода нѣмецкихъ войскъ черезъ „нейтральную Бельгію оправдалось. Онъ посылаетъ чиновника къ нѣмецкому послу, дабы предостеречь. Чиновникъ повторно сообщаетъ послу запросъ Англіи и отвѣтъ Франціи, добавивъ что французы полагаютъ свой отвѣтъ оффиціально опубликовать въ брюссельской прессѣ. Фонъ Беловъ садится поглубже въ кресло, однимъ глазомъ заглядываетъ въ сообщеніе и повторяетъ дословно сказанное ранѣе. Затѣмъ онъ благодаритъ министра, предлагаетъ своему собесѣднику закурить, дабы дать понять, что оффиціальная часть бесѣды закончена и присовокупляетъ уже въ совершенно другомъ тонѣ:

„*Впрочемъ я почти что убѣжденъ въ томъ, что у Бельгіи нѣтъ основаній опасаться Германіи. Мы очевидно, выступимъ съ такимъ же заявленіемъ.*"

Дворецъ, министерства, столица удручены — вся страна предчувствуетъ грозу. Испуганно спрашиваютъ себя: неужели возможно, что мы оставили заказанныя у Круппа и давно выполненныя части вооруженія

по ту сторону границы только потому, что у насъ не закончены земляныя работы? Какое донкихотство?

Король Альбертъ молчаливъ, уменъ, сдержанъ, по материнской линіи онъ Гогенцолернъ, преисполненъ интереса къ судостроенію, къ путешествіямъ, къ Конго, питаетъ склонность къ современному искусству, Сенъ-Сансу, Цезарю Франку. Королева хороша, какъ хороши многія другія баварскія принцессы, дочь достойнаго уваженія герцога Карла Теодора, ставшаго въ силу своихъ склонностей врачемъ и подарившаго многимъ бѣднякамъ зрѣніе. Въ этомъ бракѣ, насчитывающемъ три четыре нѣмецкихъ вѣтви предковъ, царитъ благородство, сдержанность, то сочетаніе гальской и германской культуръ, которая сказывается въ силу исторіи и георафическаго положенія во всей странѣ. Король пишетъ министру письмо на нѣмецкомъ языкѣ, обращаясь къ нему на „*ты*" и пытаясь напомнить ему о его безчисленныхъ завѣреніяхъ.

На слѣдующій день нѣмецкій посолъ бесѣдуетъ съ министромъ въ томъ же тонѣ, какъ и наканунѣ, то же самое сообщаетъ онъ печати. Въ три часа въ „Вечерѣ" напечатано: „Крыша вашего сосѣда быть можетъ и запылаетъ, но вашъ домъ внѣ опасности."

Когда дипломаты настраиваются на поэтическій ладъ — обычно приходитъ, несчастіе. Весь Брюссель повторяетъ эти слова, черезъ три часа ихъ знаетъ наизусть каждый ребенокъ. Одновременно приходитъ сообщеніе: Нѣмцы вторглись въ Люксембургъ. Брюссель облегченно вздыхаетъ: значитъ нашъ фронтъ имъ не нуженъ.

Неожиданно подъ вечеръ, Беловъ снова въ министерствѣ. Три часа тому назадъ онъ получилъ предписаніе вскрыть таинственный конвертъ. Онъ знакомится съ его содержаніемъ и изумленъ. Онъ долженъ сдѣлать видъ, словно имъ только что полученъ ультиматумъ — ѣдетъ въ министерство и получаетъ ноту.

Бельгіецъ читаетъ:

Такъ какъ у насъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что французскій походъ къ Маасу бу-

детъ осуществленъ "безъ сомнѣнія" черезъ Бельгію и мы опасаемся, что Бельгія недостаточно сильна для того, чтобы оградить себя отъ этого, то мы считаемъ, что Германія поставлена подъ угрозу и принуждены, дабы предотвратить нападеніе „и со своей стороны вступить на бельгійскую территорію".

Если Бельгія при этомъ останется нейтральной, то ей будутъ обѣщаны территоріальныя присоединенія за счетъ Франціи. При дружественномъ со стороны Бельгіи отношеніи Германія готова платить за свои войска, а равно и возмѣстить ущербъ. При враждебномъ къ Германіи отношеніи — война. Рѣшеніе должно послѣдовать въ теченіе двадцати четырехъ часовъ.

Бельгіецъ нынѣ изумляется лишь манерѣ изложенія и приведеннымъ доводамъ, — онъ молчитъ. Затѣмъ въ нарастающемъ гнѣвѣ заявляетъ: *„Мы все, что угодно могли ожидать. Только не это, ваше превосходительство. Германія, притворявшаяся нашимъ вѣрнымъ другомъ, нынѣ приписываетъ намъ коварную роль."*

Министерство единогласно говоритъ: „Нѣтъ". Вечеромъ и ночью три засѣданія во дворцѣ — до четырехъ часовъ утра: единогласно рѣшено сопротивляться. Въ половинѣ второго ночи нѣмецкій посолъ является въ бельгійское министерство иностранныхъ дѣлъ, дабы заявить:

„Французскіе летчики сбросили бомбы, кавалерія перешла границу — все это безъ объявленія войны."

— „Гдѣ это все прозошло, Ваше Превосходительство?"

— „Въ Германіи, господинъ баронъ."

— „Въ такомъ случаѣ мнѣ непонятно, чего ради вы спѣшите ночью объ этомъ заявить здѣсь, въ Брюссюлѣ."

— „Дабы вы изъ этого нарушенія международнаго права усмотрѣли, что Франція предприметъ и рядъ схожихъ съ этими дѣйствій".

Этотъ забавный ноктюрнъ оказался предпослѣднимъ актомъ нѣмецкаго посла въ Бельгіи. Часъ спу-

стя французскій посолъ сообщаетъ министерству: *„На небѣ перемежающіеся огни. Безъ сомнѣнія это нѣмецкіе цепеллины."*

Француза лихорадитъ: онъ видитъ созвѣздія и ему мерещится, что они движутся, объ этомъ не одинъ думаетъ въ эту ночь. Франція предлагаетъ вооруженную поддержку. Ее благодарятъ и просятъ ограничиться дипломатической помощью, дабы лишитъ нѣмцевъ и этого предлога. Въ Англію телеграфируютъ объ интервенціи.

Срокъ нѣмецкаго ультиматума истекъ въ 7 часовъ утра. Лишь черезъ 23 часа послѣ истеченія срока нѣмецкій посолъ объявилъ о томъ, что *„если потребуется, то Германія будетъ пробиваться силой оружія."*

Три часа спустя первыя германскія войсковыя части были обстрѣляны бельгійскими жандармами.

Одновременно нѣмецкаго посла сражаютъ пулеметнымъ огнемъ ноты. Его властелина ранятъ въ самое сердце электрическимъ разрядомъ.

„Я имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, съ сегодняшняго дня королевское правительство не можетъ болѣе признать дипломатическаго характера въ Вашемъ пребываніи и что оно порываетъ съ Вами сношенія. „Король телеграфируетъ императору на французскомъ языкѣ:

„Дружескія изъявленія, выраженныя мною Вашему Величеству и Ваши въ томъ завѣренія . . . не позволяли мнѣ хотя бы на мгновеніе заподозрить, что Ваше Величество принудитъ насъ къ суровой необходимости передъ лицомъ всей Европы выбирать между войной и безчестіемъ, между вѣрностью своему слову и пренебреженіемъ нашего международнаго долга.

Альбертъ.

Глава XII.

На вѣсахъ судьбы.

Союзы Европы были возведены на трясинѣ. Каждый пытался заманить другого съ тѣмъ, чтобы въ тотъ моментъ, когда тотъ совершитъ нѣчто запретное, закричать: На помощь, разбойникъ переступилъ границы закона. Христіанская мораль запрещала нападеніе — поэтому только оборона могла быть объявлена причиной веденія войны, — поэтому каждая группа выжидала нападенія другой стороны. Сколько иронической правды въ томъ, что пишетъ французскій посолъ въ Мюнхенѣ:

„Ограниченный кругъ лицъ, знающихъ содержаніе договора, склоненъ его толковать на самый различный ладъ.“ Но кромѣ союзовъ существовали еще сами народы, которымъ фактически приходилось сражаться и страдать во время войнъ. Низшіе классы можно было воспламенить только убѣдивъ ихъ въ томъ, что на нихъ собираются напасть.

Поэтому каждый пытался сконструировать нападеніе другого. Они могли бы другъ друга въ теченіи недѣль держать подъ угрозой, предоставляя нейтральнымъ зрителямъ произнести могущественное слово безоружнаго разума.

Но воля генераловъ уже вырвалась изъ своего заточенія въ столичныхъ дворцахъ уже незримыми искрами проникла до передовыхъ постовъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ словно актеры передъ выходомъ. Повсюду имѣлись патрули въ 20 человѣкъ, топтавшихся у границы. Часть нарушеній границъ, на которыхъ основывалась большая часть объявленій войны были правдой. Вымышленная часть звучала правдиво и часомъ позже могла стать правдой. Напрасное препровожденіе времени, разбирать борьбу этихъ документовъ, при помощи которыхъ обѣ стороны пытаются заднимъ числомъ доказать свою невинность. Существенны лишь намѣренія вождей, легкомысліе форпостовъ и двусмысліе договоровъ — что наблюдалось съ

дошелъ до того, что и передавалъ ноты въ запечатанномъ видѣ. На его обычный вопросъ сохранитъ ли Францiя нейтралитетъ, послѣдовалъ обычный отвѣтъ о томъ, что Францiя поступитъ сообразуясь со своими интересами, что если принять во вниманiе одолженные Россiи миллiарды, было не лишено двусмысленности.

Когда Вивiани на слѣдующiй день объявляетъ дѣйствiя нѣмецкаго посла изъ ряда вонъ выходящими, а въ его вопросѣ усматриваетъ угрозу, ожидая, что онъ наконецъ потребуетъ свои паспорта, послѣднiй ограничивается заявленiемъ: *„Я готовъ къ отъѣзду.“*

Въ тотъ же день Камбонъ телеграфируетъ изъ Берлина въ Парижъ:

Въ виду прекращенiя телеграфнаго сообщенiя, ему придется дѣйствовать самостоятельно, причемъ онъ полагаетъ паспортовъ не брать, а выжидать пока его не вышвырнутъ.

Оба посла дѣйствовали соотвѣтственно всему ходу своихъ связей: оба хотѣли дождаться того, чтобы къ нимъ примѣнили насилiе и что дало бы имъ поводъ завопить о помощи.

Межъ тѣмъ объявляются мобилизацiи, въ Парижѣ въ 3 ч. 40 минутъ, въ Берлинѣ въ 5 часовъ. Даже объ этомъ государства будутъ ревностно спорить: каждый захочетъ быть послѣднимъ. Такъ какъ все зависитъ отъ внутреннихъ силъ, а не отъ стрѣлки часовъ, то можно присоединиться къ иронiи Сазонова: *„Оставимъ хронологiю.“*

Въ нѣмецкое посольство въ Парижѣ, склонное на разрывъ, поступаетъ сообщенiе изъ Берлина: — это изумительное предложенiе, адресованное Францiи: *„Если Францiя останется нейтральной, то нѣмцы не нападутъ на нее, но принуждены будутъ обезопасить себя занятiемъ крѣпостей Тулль и Верденъ.* Если ты мнѣ обѣщаешь не нападать на меня во время моей борьбы съ твоимъ другомъ, то выдай мнѣ твое оружiе. Только этого оружiя не хватало Делькассэ, который вскорѣ при пересоставленiи кабинета перенялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, что ему во время войны съ Германiей наиболѣе подобало.

Наконецъ, одинъ изъ враждующихъ принужденъ былъ сдѣлать первый шагъ, и этотъ шагъ сдѣлалъ ни Мольтке или По, не Кастельно или Тирпицъ, а маленькій генералъ въ Берлинѣ, перенявшій полицейскую службу, но носившій грозное званіе главнокомандующаго въ Маркѣ. Этотъ коротко и ясно довелъ до свѣдѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ о томъ, что онъ вынужденъ „въ силу доказанныхъ нарушеній границъ предпринять въ отношеніи французскаго посольства и французовъ въ Берлинѣ тѣ же мѣропріятія, что были предприняты по отношенію русскаго посольства и русскихъ. Тутъ уже самъ Яговъ схватился за красный карандашъ и надписалъ:

„Что это за мѣропріятія! Мы еще не находимся въ состояніи войны и дипломаты еще аккредитованы.“

Ибо лишь съ большимъ трудомъ удавалось составить объявленіе войны. Основываться на уклончивости отвѣта Франціи стѣснялись,—поэтому пришлось писать о нарушеніи границъ и нюренбергскихъ бомбахъ. Это оказалось чрезмѣрнымъ даже для многотерпѣливаго провода, соединяющаго Парижъ и Берлинъ. Онъ уклонился отъ передачи этого объявленія войны и когда посолъ пытался прочесть депешу, то оказалось, что знаки перепутаны.

Все же фонъ Шенъ замѣтилъ, что рѣчь идетъ объ объявленіи войны. Поэтому онъ рѣшилъ обойтись собственными средствами и послѣ обѣда составилъ для Вивіани текстъ объявленія войны, использовавъ между прочимъ и нюренбергскія бомбы, вычитанныя имъ депешы. Незадолго до отсылки депеши это сообщеніе о бомбахъ было опровергнуто прусскимъ посломъ въ Мюнхенѣ.

На этомъ нелѣпомъ основаніи началась „германо-французская война.“

* * *

Все еще держитъ Британія въ своихъ рукахъ вѣсы, но на ея глазахъ нѣтъ повязки. Напротивъ, при помощи сильнѣйшихъ стеколъ пытается она вглядѣть-

ся въ континентъ, дабы понять, гдѣ окажется больше всего шансовъ.

Объ Англіи у пангерманцевъ, по крайней мѣрѣ въ штатскомъ, были классическія представленія. „Достаточно небольшого нѣмецкаго отряда, чтобы основательно заткнуть рты всѣмъ этимъ героямъ по ту сторону канала. Достаточно перебросить одну дивизію черезъ каналъ и съ Англіей покончено.“

Берлинскіе дипломаты имѣли о ней свое сужденіе: коварны, самолюбивы, но находящіеся слишкомъ далеко,—прежде чѣмъ они высадятся со своей парой тысячъ наемниковъ мы будемъ въ Парижѣ. Во всемъ остальномъ это люди, желающіе на всемъ заработать и поэтому предпочитающіе остаться нейтральными.

Лишь напослѣдокъ, когда Грей заявилъ, что Вѣна и Петербургъ должны начать немедленно демобилизацію, въ противномъ случаѣ все потеряно, Циммерманъ полагалъ, что Лихновскій хочетъ своими предостереженіями застраховаться отъ возможности попасться, какъ попался Пурталесъ. Въ послѣднюю минуту онъ хотѣлъ обворожить императора успокоеніемъ Англіи и тѣмъ самымъ занять постъ Бетмана. Лихновскій, чьи враги въ предѣлахъ посольства раздували подобныя настроенія, узналъ объ этомъ и сказалъ: „*это безшумный выстрѣлъ*.“ Скептичнѣе были генералы. Еще Шлиффенъ поучалъ ихъ тому, что слѣдуетъ считаться съ возможностью англійскаго вмѣшательства. Близорукіе глаза императора ослѣпляла ненависть, но въ данномъ случаѣ онъ снова отчетливо видѣлъ, какъ близорукій, послѣ оперативнаго удаленія бѣльма.

Бетманъ вернулся въ Берлинъ въ воинственномъ настроеніи. Мобилизація была рѣшена, но отъ нея пока что воздержались. Самъ Бетманъ написалъ, что „мобилизація неминуемо повлечетъ за собой войну.“ Было поздно, онъ пригласилъ сэра Эдуарда Гошенъ къ 10 часамъ вечера.

— Хочетъ ли онъ еще сегодня произнести долгожданное слово?—думалъ англичанинъ, подымаясь къ

канцлеру по широкой лѣстницѣ. Что же пришлось ему услышать?!

„Мы хотимъ на случай конфликта сдѣлать слѣдующее предложеніе Англіи при условіи сохраненія ею нейтралитета."

— Неожиданно, ночью, безъ предварительнаго выясненія, къ тому же еще обусловленное? — думаетъ Гошенъ.

„Прежде всего мы обѣщаемъ въ случаѣ побѣдоносной войны не отнимать у Франціи земель,"—говоритъ Бетманъ.

„Это относится и къ колоніямъ?"

— Этого я не могу обѣщать, — испугался Бетманъ, т. к. о нихъ въ Потсдамскомъ предложеніи не упоминалось. „Во вторыхъ мы обѣщаемъ щадить Голландію до тѣхъ поръ, пока ее не тронутъ другіе." — Сейчасъ—онъ мнѣ предложитъ неприкосновенность Тибета, — думаетъ Гошенъ. Но Бетманъ продолжаетъ:

„Въ третьихъ, что касается Бельгіи, то вопросъ о томъ будетъ ли Германія вынуждена къ вторженію въ нее цѣликомъ зависитъ отъ Франціи. Во всякомъ случаѣ мы готовы гарантировать неприкосновенность Бельгіи послѣ войны при условіи, что она не будетъ воевать съ нами."

— Это какой-то сонъ,—думаетъ Гошенъ. Это не можетъ быть рабочей комнатой германскаго канцлера. Все же онъ принуждаетъ себя отвѣтить: „Я не думаю, чтобы Англія, могла бы теперь отвѣтить согласіемъ. Но я передамъ ваше предложеніе въ Лондонъ."

36 часовъ спустя англичанинъ передалъ отвѣтъ Грея. Бетманъ испугался, услышавъ его, но пытается скрыть свой испугъ: „Я настолько перегруженъ сейчасъ серьезными дѣлами, что прошу Васъ вручить мнѣ отвѣтъ въ письменной формѣ."

Англичанинъ счелъ вопросъ о нейтралитетѣ Англіи настолько серьезнымъ, что захватилъ съ собою ноту: онъ вручаетъ ее и уходитъ. Англія отклоняетъ предложеніе, ибо Франція можетъ быть обезсилена и безъ лишенія областей, „а въ особенности потому, что этотъ торгъ съ Германіей за счетъ Франціи по-

стыденъ для насъ, и что отъ этого позора доброе имя Англіи никогда не оправится.

Даже канцлеръ требуетъ отъ насъ, чтобы мы отказались отъ всѣхъ нашихъ обязательствъ и интересовъ по отношеніи нейтралитета Бельгіи, позволивъ ихъ отторговать отъ насъ — предложеніе, которое мы принуждены отправить обратно по принадлежности."

Бетманъ разглядываетъ документъ со всѣхъ сторонъ — Быть можетъ въ самомъ дѣлѣ его предложеніе не было мастерскимъ?

* * *

Черчилль счастливъ.

Онъ носится по Лондону съ германскимъ предложеніемъ, доказывая необходимость войны съ подобными людьми. Но все еще всѣ боятся принять какое нибудь рѣшеніе, большинство людей нельзя причислить ни къ друзьямъ балканцевъ, ни къ врагамъ Сербіи. Все еще либеральныя газеты пишутъ о томъ, что ихъ весь этотъ торгъ не касается. Надо было выждать минуты, все находилось въ рукахъ режиссуры.

Къ Ллойдъ Джорджу, еще за нѣсколько дней до этого предложенія Германіи, явились руководители крупной торговли и биржи и потребовали отъ имени представляемыхъ ими круговъ нейтралитета: даже побѣдоносная война являлась для нихъ раззореніемъ, въ качествѣ нейтральной силы они стали бы банкирами всей Европы. Послѣ ихъ ухода Ллойдъ-Джорджъ снова сталъ болѣе дружественно относиться къ Германіи и усилилъ позицію Грея. А теперь, послѣ предложенія Бетмана?

Такъ какъ Грей жилъ у лорда Хольдена на Квинъ-Аннъ-Гэтье, то склонны предполагать, что господиномъ положенія былъ Хольденъ, котораго посѣщали дипломаты.

На самомъ же дѣлѣ имъ не былъ даже Камбонъ, дважды въ день сносившійся съ Греемъ и также

какъ и Петербургъ, требовавшій отъ него выясненія положенія. О настроеніяхъ Берлина сообщалъ Камбону ежедневно его братъ-посолъ, и, надо полагать, сообщалъ полнѣе чѣмъ сообщали Грею его послы.

— *„Не наступилъ ли, наконецъ, моментъ?"* — спрашивалъ Камбонъ, подавляя вздохъ.

— *„Онъ наступитъ лишь тогда, когда полностью выяснится позиція Германіи"*,—неувѣренно отвѣтилъ Грей и отправился на засѣданіе правительства. Почуявъ колеблющееся настроеніе кабинета онъ снова телеграфировалъ Гошену: *„Выиграть время, дабы никто не нанесъ перваго удара."* Въ свои лучшія минуты онъ все еще помышляетъ о всеобщемъ мирѣ: онъ ненавидитъ войну, любитъ Англію и хочетъ сохранить миръ любой цѣной.

— Почему я не былъ сильнѣе,—думалъ онъ времемнамп.—Что мнѣ съ моей юридической свободы. Мы все же морально связаны.—То, на что онъ въ эти дни надѣется и одновременно чего онъ боится—это раздробленіе голосовъ въ правительствѣ.

Его внутреннее безпокойство растетъ въ эти дни, онъ съ обычной откровенностью ставитъ дилемму передъ своимъ завтрашнимъ врагомъ, передъ австрійскимъ посланникомъ:

„Мнѣ совѣтуютъ два противоположныхъ пути: встать на сторону Россіи и Франціи и тѣмъ предотвратить войну, или объявить при всѣхъ условіяхъ Англію нейтральной: послѣднее также бы не предотвратило войну."

Въ то же время германскій посолъ пытается у него узнать на какихъ условіяхъ можно было бы сохранить нейтралитетъ Франціи. О томъ же у короля освѣдомляется императоръ. Но петли сѣти слишкомъ крѣпки, при всемъ желаніи выпутаться изъ нея нельзя и правъ Палеологъ, когда онъ пишетъ:

„Время разсчетовъ дипломатическаго искусства позади... Не существуетъ человѣческой воли, личной инициативы, которая смогла бы противостоять самостоятельному дѣйствію раскрѣпощенной силы.

Когда Пуанкарэ телеграфируетъ въ Лондонъ

королю о томъ, чтобы втроемъ посодѣйствовать сохраненію мира и король отвѣчаетъ на это обращеніе моралистическими фразами, то знаютъ, что на самомъ дѣлѣ это означаетъ и что обращеніе „дорогой и великій другъ“. избранное французомъ и повторенное англичаниномъ лишь наполовину правдиво.

Да, если бы Германія демобилизовалась, то Англія сумѣла бы заставить своихъ друзей послѣдовать ея примѣру. Но съ этимъ запоздали: если бы даже удалось на это толкнуть императора, то на слѣдующій день ринулся бы въ радостную, новую войну его сынъ.

Тихо прозвучали два послѣднихъ обращенія къ императору черезъ каналъ:

„Бѣлградъ палъ, Сербія наказана, попытайтесь теперь удержать Австрію.... Только Ваше Величество можетъ.... Да будетъ съ вами Богъ нынѣ и вѣчно. Дэзи“.

Одновременно, нѣкто другой, болѣе значительный и тонкій, проситъ императора сдѣлать какое-нибудь предложеніе, которое при посредствѣ друзей можно будетъ передать въ Вѣну и въ Петербургъ. Дэзи — это прелестная англійская княгиня Плессъ, другой — лордъ Ротшильдъ.

На двадцать лѣтъ старше и на столько же лѣтъ моложе они, чѣмъ тотъ, къ кому они обращаются. Тѣ кому принадлежатъ эти голоса дружбы элегантны и полны обаянія, умны и могущественны. Все напрасно. Мольбу Дэзи императоръ откладываетъ въ сторону. На обращеніи другого пишетъ: „Мой старый и очень почтенный знакомый“. Слѣдуетъ замѣтка Циммермана: „Отвѣтъ послать отъ имени Вашего Величества?“. И тутъ же отвѣтъ. „Кабель бездѣйствуетъ, напрасно. Молчаніе“.

Слышны ли голоса Вильгельмштрассе? Безпрерывно, несмотря на перерывъ телеграфнаго сообщенія Берлинъ телеграфируетъ Лондону. Въ этомъ кроется послѣдняя опасность: банкиръ смогъ бы со своими еврейскими деньгами помѣшать намъ, по при-

мѣру Якоба Шиффа въ Нью-Іоркѣ, помѣшавшаго Россіи. Поэтому: „Безполезно, молчаніе“.

Наконецъ напряженіе англійскаго правительства разряжается Бельгіей. То, что Германія лелѣетъ мысль о вторженіи въ нее — всегда утверждали Черчилль и Китченеръ. Рѣшится ли Бельгія на сопротивленіе было сомнительно: въ соотвѣтствіи съ вѣковой традиціей Англія должна была желать этого сопротивленія и оказать ему поддержку. Развѣ не она со временъ перваго Эдуарда защищала этотъ берегъ отъ Испаніи, Бурбоновъ и Наполеона? Ни одна великая держава не смѣла приблизиться къ этому берегу: поэтому ему и даровали вѣчный нейтралитетъ.

Защита слабыхъ? Какъ въ такомъ случаѣ Англія смогла отклонить предложеніе Бисмарка о томъ, чтобы гарантировать нейтралитетъ Люксембурга? Люксембургъ — это дѣвственница изъ захолустья, чью честь Англія не считала возможнымъ охранять. Но дѣва Фландріи не должна никому принадлежать, ее замокъ у моря долженъ остаться безоружнымъ и беззащитнымъ садомъ.

Гладстонъ далъ этому однажды доказательство. Борецъ за права народовъ, за миръ, англичанинъ до мозга костей, предшественникъ Грея и его прототипъ, писалъ онъ въ 70 году въ отвѣтъ на сообщеніе Бисмарка, разоблачающее наполеоновскія намѣренія въ отношеніи Бельгіи:

„Для насъ было бы невозможно оставаться зрителями и смотрѣть на то, какъ будетъ попираться свобода и независимость.“ На свой ладъ онъ сказалъ правду, хотя ничего лишняго за эти идеалы и не склоненъ былъ предлагать. Ибо онъ одновременно предложилъ обоимъ враждующимъ государствамъ англійскую гарантію: во первыхъ для того, чтобы обезопасить международное право, во вторыхъ для того, чтобы обезопасить себя отъ чрезмѣрнаго усиленія одной изъ континентальныхъ державъ: совсѣмъ по англійски.

Все это мерещится правительству въ эту дни, а въ теченіи слѣдующихъ военныхъ годинъ англій-

ской общественности, сумѣвшей свой высшій интересъ задрапировать моралью и умно избравшей знамя, вокругъ котораго группировались всѣ друзья справедливости. Больше другихъ притворялся защитникомъ права Ллойдъ-Джорджъ. Его блестящія рѣчи плѣнили совѣсть Европы, вновь утраченную имъ въ Версалѣ. Онъ лучше другихъ зналъ, что одного лишь большинства въ палатѣ общинъ недостаточно для того, чтобы вести войну въ странѣ, въ которой армія состоитъ изъ добровольцевъ и чьи дочернія государства, расположенныя въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, стали самостоятельны и проявляютъ склонность къ критикѣ.

Отсюда у него и у Черчилля бралось естественное желаніе сохранить власть и безъ того ослабленную ирландскимъ вопросомъ. Только война могла ослабить консерваторовъ — лордовъ, юнкеровъ и аграріевъ, которые всюду были болѣе воинственно настроены чѣмъ либералы — купечество и трудовой элементъ, всегда склонявшіеся въ пользу мира. Если бы въ то время либералы сидѣли на скамьяхъ оппозиціи, а не въ правительствѣ, то не было сомнѣнія въ томъ, что имъ удалось бы сломить жажду войны консерваторовъ. Но при существующемъ положеніи они чувствовали себя усиленными дѣйствіями противника.

И все же въ послѣдніе дни не только позиція Грея, но и всего правительства была неясна. Отъ упрековъ въ маккіавелизмѣ передъ лицомъ исторіи послужатъ ему защитой его четыре предложенія о посредничествѣ, даже въ томъ случаѣ если незнаніе его характера позволитъ бросить этотъ упрекъ. Но, несмотря на свою тягу къ миру и отсутствіе интереса къ войнѣ у Англіи, онъ чувствовалъ что честь Англіи и его собственная, служившая залогомъ слову данному союзникамъ, вынуждаетъ его все глубже и глубже запутываться въ послѣдствіяхъ этой политики союзовъ. 29 числа онъ, преждупреждавшій такъ серьезно нѣмецкаго посла, промолчалъ о томъ, что флотъ собранъ, то есть частично мобилизованъ, 30-го сдѣлалъ онъ еще одну попытку посредничества въ

Берлинѣ и Петербургѣ и съ тѣмъ же выступилъ въ Парижѣ.

Но 30-го онъ заколебался. Очевидно на него повліяли письмо и докладъ его ближайшихъ сотрудниковъ Кроу и Никольсона, составленные въ подхлестывающемъ тонѣ и изобиловавшіе очень убѣдительными для Грея аргументами.

Безусловно оба его сотрудника являлись явными сторонниками Антанты — особенно большое вліяніе имѣлъ Кроу, работавшій 30 лѣтъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Въ правительствѣ Грей уже ранѣе заявилъ, что въ случаѣ затяжного нейтралитета Англіи онъ будетъ принужденъ выйти въ отставку. Но никто не зналъ приметъ ли Асквитъ его отставку, въ случаѣ которой противная партія, сгруппировавшаяся вокругъ Черчилля и Ллойдъ Джорджа заявитъ своего кандидата. Ибо дробленіе кабинета грозило опасностью. Въ трехъ монархіяхъ, въ которыхъ вопросъ войны и мира приходилось рѣшать суверреннымъ монархамъ, не существовало подобной проблемы. Что касается Парижа, то тамъ коалиція сплотилась. Въ Лондонѣ же послѣднія недѣли передъ четвертымъ августа шла глухая борьба между двумя крылами стоявшихъ у власти либераловъ.

Мысль о томъ, что Англія могла бы въ самую критическую минуту, въ силу распада партіи на двѣ группы, оказаться безъ правительства, казалась каждому англійскому политику почти столь же ужасной, какъ и война. Поэтому, рѣшили до конца остаться вмѣстѣ. Еше 31 числа правительство отклонило какое бы то ни было обязательство и объявило нейтралитетъ единственнымъ средствомъ сохраненія европейскаго кредита. Послѣднее, конечно, могло опредѣлить позицію Англіи.

Лихорадочно выжидаетъ Камбонъ и боится утратить всѣ столь искусно подгототовленные для Франціи шансы: онъ чувствуетъ себя какъ Мефистофель, у котораго ангелы пытаются похитить душу Фауста, изъ-за которой онъ ему такъ долго служилъ.

Ему приходится спокойно выслушать отъ Грея, что Россія вызвала кризисъ, и что „создается впечатлѣніе, что нѣмецкая мобилизація вызвана дѣйствіями Россіи.“ (Важное обстоятельство, отягчающее вину Россіи). Въ отвѣтъ на это Камбонъ можетъ лишь подтвердить предупрежденіе о томъ, чтобы не повторилась ошибка, сдѣланная Англіей въ 7 году, „допустившей небывалое усиленіе Германіи“.

1 августа, несмотря на состоявшееся объявленіе войны, Грей не сталъ рѣшительнѣе: онъ все еще не рѣшается что либо обѣщать Германіи на случай неприкосновенности Бельгіи. Это обстоятельство могло бы быть поставлено въ вину Англіи (хотя все равно — поздно), если бы Мольтке не признался, „что купленный цѣною неприкосновенности Бельгіи нейтралитетъ Англіи оказался бы чрезмѣрно дорогимъ, ибо наступательную войну можно было вести только по направленію на Бельгію.

Въ своемъ стѣсненномъ положеніи Грей хватается въ эти дни за послѣднее средство: онъ предлагаетъ Германіи и Франціи ограничиться вооруженіемъ и не предпринимать никакихъ военныхъ дѣйствій — въ этомъ случаѣ Англія сохранитъ нейтралитетъ въ качествѣ гаранта. Нѣмцы переходятъ въ наступленіе: казалось небывалымъ счастьемъ, что въ теченіе ряда десятилѣтій внушавшая страхъ война на два фронта нынѣ должна была превратиться въ борьбу на одномъ фронтѣ. Когда Грей сообщилъ объ этомъ Камбону, — онъ холодно присовокупилъ о томъ, что ему союзное обязательство передъ Франціей неизвѣстно: „Если Франція не можетъ извлечь пользы изъ этого предложенія, то приходится признать, что она связала себя обязательствомъ не обязывающимъ Англію и объ условіяхъ котораго послѣдней ничего не извѣстно“.

Камбонъ подымается и разыгрывается небывалая сцена: Онъ восклицаетъ: *„Это посланіе я не осмѣлюсь передать въ Парижъ. Слѣдствіемъ его явится возмущеніе и гнѣвъ. Мой народъ скажетъ, что вы его предали“*. Можетъ ли Грей призвать къ порядку

своего друга? Или же сердечный порывъ послужитъ извиненіемъ его волненію. Къ счастью онъ не подписалъ Франціи англійскаго бланко-векселя, какъ это сдѣлалъ Вильгельмъ къ выгодѣ Австріи, но въ теченіе восьми лѣтъ, а особенно за два послѣднихъ года, онъ неоднократно давалъ понять, что въ часъ испытанія англичане встанутъ на защиту Франціи.

„А что нынѣ?“ Вѣдь въ такомъ случаѣ нѣмецкій флотъ можетъ направиться въ каналъ и напасть на беззащитный французскій берегъ“ — восклицаетъ Камбонъ.

„Это бы измѣнило наше общественное мнѣніе“ — смягчается Грей.

На слѣдующее утро — 2-го августа Камбонъ собираетъ всѣ свои матеріалы и доводитъ до свѣдѣнія правительства о всѣхъ случаяхъ нарушенія нѣмцами границъ. Грей приводитъ правительство къ тому, что оно гарантируетъ охрану французскаго побережья и въ случаѣ выступленія Франціи противъ Германіи. Обязательство это должно быть санкціонировано палатой общинъ. Въ палатѣ же оппозиція изъявила согласіе на вмѣшательсво въ войну. Правительство соглашается на всеобщую мобилизацію флота, еще третьяго дня имъ отклоненную и которую Черчилль вчера произвелъ на свой собственный страхъ. Надежды Камбона растутъ; лихорадочно ждетъ онъ вторженія нѣмцевъ въ Бельгію, что въ теченіе десяти лѣтъ всѣми посвященными принималось въ расчетъ.

За завтракомъ умѣренно настроенные министры приходятъ къ всеобщему заключенію, что правительство весьма хитрыми дѣйствіями шагъ за шагомъ оказалось къ выгодѣ Франціи втянутымъ въ войну“. Когда затѣмъ Грей ставитъ передъ Франціей и Германіей рѣшающій вопросъ о томъ, будутъ ли они соблюдать нейтралитетъ Бельгіи онъ получаетъ о томъ обѣщаніе только отъ Камбона, Лихновскій по приказу Берлина принужденъ уклонится отъ прямого отвѣта. Это было то, чего Грей ранѣе боялся и что теперь, въ данную минуту, было ему нужно: наконецъ то ему была дана популярная причина для участія

Англіи въ войнѣ, причина понятная любому человѣку съ улицы.

Уже вчера, помимо смѣлаго помѣщика статсъ-секретаря Тревельяна четыре члена правительства подали въ отставку, хотя окончательное рѣшеніе еще не было принято и должно было быть вынесено палатой Общинъ: двое изъ нихъ послѣ нарушенія бельгійскихъ границъ взяли свое заявленіе объ отставкѣ обратно. Такимъ образомъ ихъ осталось лишь двое, представлявшихъ два совершенно различныхъ міра: 76-лѣтній представительный президентъ Тайнаго Совѣта, лордъ Морлей, котораго вся Англія называла „честный Джонъ", образецъ англійскаго сочетанія литературныхъ и политическихъ познаній. Второй былъ вождемъ рабочихъ, великанъ Джонъ Бернсъ; полстолѣтія тому назадъ онъ, десяти лѣтъ отъ роду, работалъ на свѣчной фабрикѣ, а затѣмъ сталъ соціалистомъ, ибо Милье показался ему недостаточнымъ, неоднократно сидѣлъ въ тюрьмѣ и нынѣ послѣ шести лѣтъ пребыванія министромъ, вышелъ въ отставку, дабы наложить на войну могущественное вето профессіональныхъ союзовъ.

Во всей Европѣ это были единственные люди изъ числа тѣхъ, что стояли у власти и заколебались дать свою подпись подъ тѣмъ, что въ каждомъ правительствѣ воспринималось нѣкоторыми, какъ актъ несправедливости и о которомъ все же молчали. Не давъ своей подписи, отбросивъ власть, которой они смогли пренебречь Морлей и Бернсъ вошли въ исторію съ большей честью, чѣмъ всѣ цари, князья, министры и генералы, пытавшіеся въ эти дни своими декретами усилить свою власть, дабы въ концѣ концовъ ее утратить. Ибо только два государственныхъ человѣка Европы, Ллойдъ Джорджъ и Пашичъ, пережили непрерывно оставаясь у власти, войну, въ объявленіи которой они участвовали вмѣстѣ съ другими. И они вскорѣ послѣ ее окончанія утратили свою власть.

На слѣдующій день и во время засѣданія палаты обрушились слѣдующія сообщенія: въ обѣденное время пришло сообщеніе о вторженіи нѣмцевъ въ

Бельгію, во время засѣданія стало извѣстнымъ обращеніе короля Альберта о помощи. Этимъ былъ положенъ предѣлъ возраженіямъ меньшинства.

Макдональдъ, радикальный вождь, ограничился въ палатѣ нѣсколькими словами, сказанными по адресу Грея: два дня спустя рабочая партія голосовала противъ войны. Она этимъ выявила образецъ того, что будетъ дольше жить и свѣтить, чѣмъ имена всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ сраженій, выигранныхъ и проигранныхъ въ этой войнѣ.

Впервые Грей казался обезпокоеннымъ: онъ хотѣлъ скорѣе взять слово, онъ чувствовалъ какое историческое значеніе имѣетъ его рѣчь. Онъ побѣдилъ, не потому что рѣчь его была блестяща, а потому, что она была единственной изъ произнесенныхъ въ Европѣ рѣчей, въ которой руководитель иностранной политики излагалъ представителямъ народа всѣ доводы за и противъ, выгоды и чувства, весь узелъ противорѣчій съ тѣмъ, чтобы каждый человѣкъ свободно пришелъ къ опредѣленному рѣшенію. Въ трехъ монархіяхъ въ эти дни происходили двукратныя и пятикратныя объявленія войны, объявленныя единолично, безъ всякаго контроля, послѣ совѣщанія нѣсколькихъ лицъ. Во Франціи и Бельгіи, надо признать, ставился вопросъ о войнѣ, но вопросъ остался риторическимъ, ибо одинъ изъ парламентовъ высказался послѣ объявленія войны, а второй не могъ дать отрицательный отвѣтъ. Лишь въ Англіи министръ нарисовалъ передъ отвѣтственными людьми всю картину:

„До вчерашняго дня мы ограничивались обѣщаніемъ дипломатической поддержки... Я ограничился тѣмъ ,что объяснилъ нѣмецкому и французскому посламъ, что по всей вѣроятности Англія выступитъ на сторонѣ Франціи въ томъ случаѣ, если послѣдней будетъ навязана война. Переговоры между военными кругами мною были допущены лишь подъ тѣмъ условіемъ, что оба правительства сохраняютъ за собой полную свободу дѣйствій, какъ это было обусловлено во время марокканскаго кризиса. Въ 12

году мы обмѣнялись взаимно нѣкоторыми поясненіями, обезпечивавшими за правительствами ихъ независимость (онъ оглашаетъ письма, которыми онъ обмѣнялся съ Кабономъ въ ноябрѣ 12 года)... Франція лишь на половину втянута въ конфликтъ дѣйствіями своего союзника. Мы издавна находимся съ нею въ дружественныхъ отношеніяхъ, а какія обязанности накладываетъ дружба, пусть каждый рѣшитъ сообразно съ тѣмъ, что онъ чувствуетъ и что ему подсказываетъ его сердце. Пусть этимъ онъ руководствуется устанавливая границу для своихъ обязанностей.

Мое личное мнѣніе таково: Французскій флотъ находится въ Средиземномъ морѣ, сѣверное и западное побережье не защищены. Если непріятельскій флотъ аттакуетъ ихъ флотъ, Англіи придется вмѣшиваться. Франція въ правѣ знать, и знать уже сейчасъ, можетъ ли она разсчитывать на поддержку Англіи въ случаѣ нападенія на ея незащищенные берега... Въ бельгійскомъ вопросѣ наши интересы задѣты никоимъ образомъ не менѣе, чѣмъ они были задѣты въ 1870 году. Мы не можемъ отнестись къ нашимъ обязанностямъ легче, чѣмъ къ нимъ отнесся Гладстонъ." (Онъ оглашаетъ отвѣты обоихъ государствъ и обращеніе короля Альберта.)

Если Бельгія утратитъ независимость, то утратитъ ее и Голландія. Взвѣсьте теперь сами, какіе интересы Англіи поставлены на карту, если мы воздержимся отъ вмѣшательства въ войну. Будетъ ли то, что будетъ сбережено къ концу войны, равнымъ по цѣнности степени уваженія, которое мы можемъ утратить.

Въ остальномъ я думаю, что великая держава, воюя или оставаясь нейтральной, смогла бы сохранить свой перевѣсъ. Мы съ нашимъ могущественнымъ флотомъ въ случаѣ войны немногимъ болѣе пострадаемъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если мы останемся пассивными, ибо при всѣхъ положеніяхъ намъ придется пострадать отъ этой войны. Наша внѣшняя торговля должна будетъ прекратиться, и при самомъ благопріятномъ случаѣ, въ концѣ концовъ, мы ока-

жемся недостаточно сильными для того, чтобы предотвратить то, что должно произойти: „Объединеніе всей Западной Европы подъ руководствомъ одной страны, направленное противъ насъ... Если страна эта взвѣситъ то, что поставлено на карту, тогда я думаю, она единодушно и длительно поддержитъ правительство"

Въ этой рѣчи все взвѣшено, ничто не преувеличено, ни о чемъ не умолчено. О святости договоровъ въ ней нѣтъ ни слова. Англія знаетъ, что у всѣхъ правительствъ имѣются корзины въ которыя можно бросить неудобные договоры. Послѣ этой рѣчи либеральнаго министра, говорившаго въ разрѣзъ съ программой своей партіи и наперекоръ велѣніямъ своего сердца въ пользу войны, произошло то, что его либеральные друзья смущенно молчали, а его консервативные враги выразили ему громко свое одобреніе. Ибо Грей умолчалъ объ основной своей цѣли и въ этомъ трагическое осужденіе его слабости.

Лишь Асквитъ вскорѣ, 6-го августа заговорилъ объ этомъ въ палатѣ общинъ:

„Мы боремся въ эти дни, когда человѣчество преклоняется передъ силой, за принципы, что малые народы въ нарушеніе принциповъ международнаго права не будутъ принесены въ жертву великимъ державамъ. Я не думаю, былъ ли случай въ исторіи, когда нація вступала съ чистой совѣстью въ большой споръ. Ибо мы боремся не за захваты, не за свои личные интересы, а защищая основные положенія на которыхъ значится человѣческая цивилизація."

На мгновеніе во время этихъ переговоровъ между Берлиномъ и Лондономъ показалось, что франко-германская война можетъ быть предотвращена англійской гарантіей. Правда, въ этомъ крылось недоразумѣніе, но это наглядно вскрываетъ властную натуру воинственной машины, которую не суждено удержать даже тому, кто ее привелъ въ дѣйствіе. Отчаяніе начальника русскаго генеральнаго штаба, когда царь захотѣлъ перенять на себя иниціативу передалось двумя днями позднѣе въ Берлинъ его нѣмецкимъ коллегамъ. Послѣ этого облегчающаго сообщенія изъ Лондона

императоръ сказалъ Мольтке: *„Значитъ мы просто выступаемъ въ походъ со всею арміей на востокъ.“*

Мольтке: *Ваше велчеество, это невозможно. Походъ милліонной арміи нельзя съимпровизировать. Если В. В. рѣшаетъ двинуть всю армію на востокъ, то у васъ вмѣсто арміи будетъ лишь безпорядочная орда вооруженныхъ силъ.*

Императоръ: *„Вашъ дядя далъ бы мнѣ иной отвѣтъ:“*

Мольтке: *„Невозможно выступить въ походъ иначе чѣмъ по плану: сильны противъ Запада, слабы на востокѣ.*

На это императоръ телеграфировалъ англійскому королю:

„Въ силу техническихъ причинъ моя объявленная послѣ обѣда мобилизація должна развертываться на два фронта, планомѣрно на востокъ и на западъ. Противорѣчашее этому приказаніе не можетъ быть дано... Я надѣюсь, что Франція не будетъ нервничать.

Дабы смягчить эту неизбѣжную угрозу императоръ даетъ приказъ: *„16-ая дивизія стоящая въ Трирѣ не должна идти на Люксембургъ.“*

Мольтке, описавшій эту сцену, признается:

„ Я себя чувствовалъ, словно у меня оборвалось сердце. Снова грозила опасность тому, что нашъ военный планъ будетъ опрокинутъ. Придя домой я почувствовалъ себя разбитымъ и пролилъ слезы отчаянія... Я сидѣлъ въ подавленномъ настроеніи въ моей комнатѣ пока меня въ 11 часовъ не вызвалъ снова Его Величество.“ Разъясненіе, недоразумѣніе, война Франціи, походъ, согласно предусмотрѣннаго плана. Мольтке заключаетъ: Я не могъ пережить впечатлѣнія этого событія. Во мнѣ что то разрушилось, что то вновь невозстановимое, довѣріе и надежда были подорваны.“

Логика машины подавила конструктора, она обратила его въ раба. Янушкевичъ и Мольтке всю свою жизнь прожили, подчинивъ свою дѣятельность, свои мысли, желанія, чувства войнѣ и пережили ужаснѣйшее мгновенье, когда ихъ дорого стоющія игрушки, придя въ дѣйствіе, пригрозили снова остановиться.

„Что то во мнѣ разрушилось — писалъ командующій прежде чѣмъ онъ началъ свое разрушительное дѣло.

Глава XIII.

Обманутые.

Гдѣ остались массы? Развѣ улицы уже опустѣли, отправивъ всѣхъ мужчинъ съ оружіемъ въ рукахъ на фронтъ, а плачущихъ женщинъ по домамъ? Развѣ вопли безсильныхъ милліоновъ не смогутъ заглушить десятокъ одинокихъ, металлическихъ призывовъ немногихъ властвующихъ?

Все еще шумятъ улицы. Прежде чѣмъ смертные приговоры не запылаютъ надъ домами, не перестанутъ жертвы стремиться съ суровыми выкриками къ таинственнымъ дворцамъ священнослужителей, не перестанутъ бросать ввысь къ окнамъ свои насущныя желанія.

Но они уже лишены руководства. Въ запертыхъ помѣщеніяхъ,—тѣ же дипломаты,—засѣдаютъ за столами вожди трудящагося народа и часами совѣщаются. Сидѣнія ихъ стульевъ жестче, ихъ сигары дешевле, одежда грубѣе,—нѣтъ и лакеевъ, охраняющихъ входы, не видно здѣсь и безмолвнаго канцеляриста, того, что у тѣхъ, другихъ, въ правомъ углу гнетъ свою спину надъ кожаной папкой съ документами, хотя его свѣтлость уже давно отвлекла отъ него свое вниманіе. Но и они уже имѣютъ секреты отъ массъ, и они уже стали священнослужителями, жрецами. Они чувствуютъ, но еще умалчиваютъ объ этомъ, что быть можетъ уже завтра имъ придется онѣмѣть.

Быть можетъ. Они еще надѣются и лишь слабѣйшіе изъ нихъ, лишь уставшіе отъ долгаго сопротивленія, скопившіе своимъ дѣтямъ на спокойный удѣлъ, приходятъ къ національному сознанію, желаютъ хоть нынѣ пойти вмѣстѣ съ государствомъ.

Берлинъ: „Назначенное на воскресенье въ Трептовскомъ Паркѣ собраніе направлено противъ войны.

Поэтому въ переживаемое серьезное время въ немъ кроется угроза общественному спокойствію".

Горе тому, кто подыметъ свой голосъ противъ войны. Онъ могъ бы спасти дѣло міра. На 39 народныхъ собраніяхъ соціалисты попытались достичь подъ крышей того, что стало запретнымъ подъ открытымъ небомъ. Напрасно двумя днями позже повторяютъ они эту попытку на 17 собраніяхъ. Полиція ихъ разгоняетъ.

Она чувствуетъ себя сильной. Она вѣдь читаетъ „Форвертсъ" и слышитъ какъ газета ворчитъ и колеблется:

„Не съ фаталистическимъ равнодушіемъ будемъ мы переживать грядущія событія, проникнутые сознаніемъ высокаго значенія нашей культурной миссіи, мы останемся вѣрны нашему дѣлу. Съ ужасающей суровостью разятъ строгія предписанія военнаго закона рабочее движеніе. Опрометчивость, безполезныя и ложно-толкуемыя жертвы въ настоящее время вредятъ не только личности, но и всему нашему дѣлу. Мы призываемъ васъ выждать, пока будущее, несмотря на все, не будетъ принадлежать объединяющему народы воедино соціализму".

Соціалъ-демократъ Гоффманъ говоритъ въ баварскомъ ландтагѣ:

„Мы стоимъ непосредственно передъ историческимъ событіемъ, ставящимъ подъ знакъ вопроса устойчивость государства, быть можетъ это вызоветъ необходимость встать до послѣдняго человѣка на защиту отечества. Если черезъ нѣсколько дней нѣмецкій народъ будетъ призванъ къ оружію, то и соціалъ-демократы пойдутъ защищать свое отечество".

Когда партія соприкоснулась съ этимъ отступленіемъ она почувствовала, что четырехъ милліоновъ голосовъ при выборахъ еще недостаточно, чтобы возстать, слѣдовательно надо покориться. „Мы будемъ повиноваться, но не перестанемъ возражать, — и никогда мы не дадимъ въ рейхстагѣ своего согласія на ассигнованіе средствъ для этого великаго кровопролитія. Наше угрожающее молчаніе скажетъ враждую-

щимъ съ нами братьямъ о томъ, что мы чувствуемъ. Скоро мы сможемъ черезъ головы офицеровъ протянуть и пожать другу другу руки".

Такъ, какъ будто рѣшило большинство, лишь немногіе говорили на первомъ совѣщаніи иное: Никакихъ рѣшеній. Скорѣе послать въ Парижъ довѣренное лицо, дабы оно смогло посовѣщаться съ Жоресомъ, два дня тому назадъ обѣщавшимъ нѣмцу Гаазе противостоять войнѣ. Наилучшимъ было бы произнести во всѣхъ центрахъ войны свое единое вето. Въ тотъ же вечеръ Германнъ Мюллеръ отбываетъ въ Парижъ—съ тѣмъ, чтобы сообщить противнику о голосѣ совѣсти Германіи.

Но все же нѣмецкіе рабочіе продолжали пребывать нѣмцами. Въ теченіе тридцати лѣтъ ихъ поругивали, называя ихъ парнями, лишенными отечества. Но эти парни съ охотой вспоминаютъ о прошломъ, о двухъ годахъ военной службы. Нынѣ снова случай манитъ вырваться изъ этихъ тисковъ, государство принимаетъ на себя заботу о дѣтяхъ, остающихся дома. Опасность? Какъ будто бы исключена возможность того, что завтра взорвется котелъ? Къ тому же не каждая пуля попадаетъ въ намѣченную цѣль. Вожди знаютъ, что думается массѣ на улицахъ, они знаютъ, что они слишкомъ слабы для того, чтобы возстать: одно слово покрываетъ все передъ ихъ совѣстью: Вашъ врагъ—кровавый царь.

Бетманъ поступаетъ какъ дипломатъ: теперь скорѣй опубликовать миролюбивыя посланія императора. Напротивъ того,—все, чѣмъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца пытались втравить другъ друга въ войну скрывается. Скрываютъ также и предложеніе царя о разбирательствѣ въ Гаагѣ. Воспряньте. Вспомните о вашемъ Бебелѣ, желавшемъ бороться противъ царя. Мы боремся за свободу, мы боремся противъ варварскаго господства кнута.

Если бы три пункта внѣшней политики были столь же глубоко продуманы, какъ этотъ одинъ изъ моментовъ внутренней политики, то не дошло бы до міровой войны. Тамъ высокомѣріе гнало къ легко-

мыслію, здѣсь боязнь — къ осторожности.. Постолько посколько удалось въ этой войнѣ нелогичныхъ союзовъ внушить идеальную идею борьбы съ азіатскими полчищами, красному знамени приходится свернуться. Быть можетъ удастся даже разрушить единство его бойцовъ.

Да, уже слышатся разногласія, уже нѣкоторые голоса диссонируютъ. Баденскій „Другъ Народа": „Въ этотъ страшный значительный часъ партійныя страсти должны замолчать... Соціалъ демократія сдѣлала все, что было въ ея возможностяхъ для того, чтобы предотвратить войну. Она снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за то, что событія такъ далеко зашли. Политика партіи не только со вчерашняго дня, а уже рядъ десятилѣтій была направлена на то, чтобы предотвратить ужасную катастрофу."

Хемницкій „Голосъ Народа": „Надъ всѣми нами господствуетъ вопросъ: Хотимъ ли мы побѣды?.. Прежде всего мы сознаемъ свой долгъ бороться противъ русскаго кнутодержавія. Нѣмецкія женщины и дѣти не должны стать жертвами озвѣрѣвшихъ русскихъ. Ибо если тройственное соглашеніе побѣдитъ, то надъ Германіей будетъ властвовать не англійскій губернаторъ или французскій республиканецъ, а русскій царь... Не съ выкрикомъ „ура", не съ ненавистью къ русскимъ рабочимъ, не съ Богомъ за кайзера, а за нѣмецкую свободу пойдутъ наши товарищи въ бой, твердо порѣшивъ выполнить свой долгъ передъ родиной, не давъ себя превзойти патріотамъ на словахъ."

„Эссенская рабочая газета": „Если теперь страна въ силу рѣшеній Россіи окажется подъ угрозой, то тогда соціалъ-демократы, исходя изъ положенія, что борьба ведется съ русскимъ кровавымъ царизмомъ, милліонократнымъ преступникомъ передъ культурой и свободой, не дадутъ себя превзойти въ своей готовности на жертвы и въ своемъ выполненіи долга... Долой царизмъ. Долой источникъ варварства. Вотъ что будетъ тогда нашимъ лозунгомъ."

Воспрянь нѣмецкій горнорабочій. Своего брата изъ сосѣдней лотарингской шахты, чьи штольни подходятъ вплотную къ твоей штольнѣ настолько, что ты чуть ли не слышишь удары его кирки, позвавъ къ нѣмецкому Богу и по приказу твоего короля — убей. И при этомъ, пока будешь цѣлиться, думай о томъ, что ты любишь убиваемаго тобою врага, о томъ, что ты своего короля, которому ты присягалъ ненавидишь, и что все это нынѣ происходитъ на Марнѣ потому, что въ противномъ случаѣ кровавый царь, ставъ повелителемъ Германіи, отдастъ твою дочь на поруганіе. Смятеніе наступило, но оно еще не стало всеобщимъ. „Подозрительные тираноубійцы" такъ одновременно именуетъ „Лейпцигская Народная Газета" своихъ собратьевъ и предостерегаетъ отъ того, чтобы цитировать Маркса и Бебеля въ свое время признававшихъ войну, направленную противъ Россіи, ибо „Нынѣ сыновья тѣхъ, что стояли на баррикадахъ, подпираютъ алтари и престолы, расшатанные ихъ отцами и дѣдами... Кто посмѣетъ утверждать, что среднеевропейское государство, ведя войну противъ Россіи, несетъ послѣдней революцію. Намѣреніемъ нѣмецкаго правительства является втянуть въ войну съ Россіей нѣмецкихъ рабочихъ, путемъ внушенія имъ устарѣвшей идеологіи. Нынѣ обманъ ясенъ.

Даже послѣ объявленія войны „Форвертсъ" пытался иронизировать надъ попыткой представить эту войну въ обликѣ соціалистическаго требованія и предостерегаетъ отъ признанія ея путемъ утвердительнаго голосованія въ рейхстагѣ, ибо тогда царь можетъ воскикнуть: „Вотъ новость, которая мнѣ была нужна. Теперь у нашей отечественной революціи перешибленъ хребетъ. Теперь я могу выпустить на свободу чудовище національзма. Я спасенъ."

Завтра „Форвертсу" придется заговорить по иному, ибо сегодня будетъ брошенъ жребій. Еще два дня тому назадъ президіумъ партіи объявилъ канцлеру, что они будутъ голосовать за отклоненіе кредитовъ. Сегодня?

Въ числѣ ста членовъ сидятъ они во фракціонной комнатѣ. Рядомъ съ ремесленниками, изборожденными морщинами людьми изъ народа, чьи кулаки во время возбужденной рѣчи, произносимой суровымъ голосомъ, ударяютъ по столу, рядомъ съ бреттерами, со смѣлымъ взглядомъ, короткой жесткой бородой, съ чрезмѣрно широкимъ воротникомъ, со старымъ штопаннным галстукомъ, сидятъ доктора и адвокаты, внѣшне схожіе съ буржуа, изъ среды которыхъ они и происходятъ. Представители большинства встаютъ и говорятъ:

Изъ новой бѣлой книги правительства явствуетъ, что Россія сначала объявила мобилизацію, а затѣмъ не дожидаясь объявленія войны съ нашей стороны перешла границы. И на Западѣ, судя по оффиціальнымъ даннымъ, французы уже находятся на нѣмецкой территоріи. Значитъ — оборонительная война. Въ этомъ случаѣ мы не должны голосовать противъ кредитовъ, изъ коихъ почти половина предназначается для дѣтей и неимущаго населенія. Такъ какъ четверть всего числа депутатовъ не можетъ воспрепятствовать утвержденію кредитовъ, нашъ отказъ въ кредитахъ смогъ бы только вызвать въ массахъ впечатлѣніе, что пораженіе и нашествіе врага намъ безразличны, а быть можетъ и желательны. На всеобщую забастовку можетъ пойти только тотъ, въ которомъ достаточно силы, чтобы выступить противъ правительства. Въ противномъ случаѣ гражданская война пойдетъ только на пользу непріятелю. Такъ говоритъ большинство.

Лучшая голова собранія Каутскій высказался за то, чтобы воздержаться при голосованіи, высказывается также какъ Бебель въ 1870 году и остается въ одиночествѣ.

Ибо меньшинство Гаазе, Ледебура, Либкнехта отклоняетъ призывъ къ тѣмъ давнишнимъ временамъ, когда въ рейхстагѣ засѣдали лишь два соціалиста. Нынѣ ихъ въ рейстагѣ 110 голосовъ, почти треть голосовъ народа. Бѣлая книга можетъ быть сфальсифицирована. Почему сегодня правительство должно

заговорить правдивымъ языкомъ, если все то, что говорилось до сего дня бралось подъ сомнѣніе? Наше голосованіе, утверждающее кредиты, постолько поскольку мы являемся самой большой партіей въ Европѣ, вызоветъ всеобщее смятеніе, разрушитъ Интернаціоналъ. Сегодняшнія и вчерашнія телеграммы изъ Лондона, Милана, Парижа, Брюсселя призываютъ насъ къ сопротивленію. Голосующій за кредиты одновременно перенимаетъ на себя отвѣтственность за веденіе войны и за ея цѣли. Канцлеръ долженъ еще сегодня связать себя обѣщаніемъ не стремиться къ захватамъ. Онъ это требованіе отклонитъ и тогда наше голосованіе противъ кредитовъ подѣйствуетъ проясняющимъ образомъ на массы.

Часами длился споръ. Меньшинство взвѣшиваетъ, отвергаетъ сепаратное голосованіе, дабы не ослаблять партіи: вѣрующіе двухъ различныхъ міровъ пытаются ужиться въ предѣлахъ одной догмы. Голосованіе § 78 и 14. Гаазе, предсѣдательствующій, подчиняется дисциплинѣ и принимаетъ на себя оглашеніе въ рейхтагѣ мотивировки, имъ отвергнутой:

„Какъ только война станетъ захватнической войной, мы выступимъ противъ нея съ самыми рѣшительными мѣрами.“ Послѣдній вопль пацифистской совѣсти. Когда вечеромъ канцлеру объявляютъ объ этой мотивировкѣ, онъ проситъ о томъ, чтобы это рѣшающее условіе было вычеркнуто. Совѣщаніе это не подлежитъ оглашенію. Фраза, содержащая въ себѣ это условіе, вычеркивается.

Эта позиція нѣмецкихъ соціалистовъ явилась за рубежомъ полнѣйшей неожиданностью. Бухарестская партійная газета продолжала даже недѣлю спустя объявлять это сообщеніе лживымъ, а непоколебимая вѣнская рабочая газета, располагая сообщеніемъ изъ Берлина, объявила его новымъ правительственнымъ органомъ.

Вѣна могла немедленно вмѣшаться, ибо австрійская партія была на милліонъ головъ слабѣе. Правительство могло себѣ позволить написать въ своемъ оффиціозѣ: „По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ въ австро-

венгерской монархіи имѣется большое количество элементовъ, въ высшей степени опасныхъ для общественного и государственнаго спокойствія. Поэтому государственные органы обращаются съ всеобщимъ призывомъ помогать изъ чувства своего патріотическаго долга въ дѣлѣ обезвреживанія этихъ элементовъ во всѣхъ направленіяхъ... Сообщенія по этому вопросу могутъ направляться въ дѣйствующее въ военномъ министерствѣ управленіе военной охраны." Въ теченіи двухъ недѣль стойко борются австрійскіе соціалисты противъ провокаціонныхъ актовъ графа Берхтольда. Сегодня слышатъ они „мѣдный" голосъ исторіи, занавѣсъ поднятъ надъ наглой игрой царской политики. " Что на самомъ дѣлѣ слышатъ партійные руководители явствуетъ изъ иронической заключительной фразы: „Жизнь за царя — все культурное человѣчество разыгрываетъ это оперное дѣйствіе на манеръ кроваваго мірового гротеска." И несмотря на это день утвержденія въ Берлинѣ кредитовъ, празднуется на страницахъ вѣнской рабочей газеты какъ день горделиваго и могущественнаго подъема нѣмецкаго духа. И такъ это въ Будапештѣ, въ Львовѣ, въ Прагѣ и Клагенфуртѣ, у всѣхъ народовъ Австріи.

* *

Что тому причиною? Обманъ народовъ чинимый европейскими правительствами. Въ трехъ большихъ кабинетахъ изъ пяти это можно установить документально. Въ Англіи традиція запрещаетъ подобный обманъ, а контроль нижней палаты дѣлаетъ его немыслимымъ. Британскіе документы — единственные изданные по свободной волѣ правительства, ибо въ остальныхъ трехъ монархіяхъ это сдѣлала революція,— остались вѣрны этому давнишнему англійскому положенію. Почти всѣ попытки открыть какія либо расхожденія между синей книгой августа 1912 года и собраніемъ документовъ 1926 года ни къ чему не привели . Расхожденія имѣются, но нигдѣ они не имѣютъ рѣшающаго характера. Разумѣется имѣются пробѣлы,

но лишь немного выпущено къ выгодѣ Англіи. Правдой между тѣмъ является то, что слабая связанность Грея съ Франціей и Россіей въ 12 и 14 годахъ произошли безъ вѣдома нижней палаты, даже безъ вѣдома половины состава министровъ, такъ что „Манчестеръ Гардіанъ" смогъ 4 августа писать: „рѣчь сэра Эдварда Грея со вчерашняго вечера показала, что онъ въ теченіе многихъ лѣтъ скрывалъ истину." Въ тѣ рѣшающіе дни часть прессы, выступивъ съ лживыми сообщеніями о выпадахъ, дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Германіи свела съ ума миролюбиво настроенную массу.

Желтая книга Франціи нуждается еще въ провѣркѣ, но и здѣсь можно придти къ выводу о фальсификаціи, хотя прямыхъ доказательствъ тому нѣтъ. Прежде всего кажется подозрительнымъ то, что потребовалось цѣлыхъ четыре мѣсяца для ея опубликованія. Французскіе друзья истины обнаружили пять фальсификацій. Такъ отъ населенія французскимъ правительствомъ было скрыто сообщеніе объявленной Россіей всеобщей мобилизаціи, что подчеркнуло якобы нѣмецкое стремленіе къ войнѣ и собственное миролюбіе.

Слѣдующіе два номера устанавливаютъ почти цѣликомъ найденные документы, которые Пуанкарэ напрасно попытался объяснить ссылкой на „тайны шифра". Слѣдующія возраженія противъ подлинности желтой книги мы находимъ въ сужденіи французскаго ученаго Ларнодо, декана Юридическаго факультета въ Парижѣ и у преподавателя международнаго права Лапраделля, которые во время мирныхъ переговоровъ работали для комиссіи, устанавливающей „уголовную отвѣтственность Вильгельма Второго за войну и между прочимъ „письмо гунна" въ которомъ императоръ якобы писалъ Францу-Іосифу: „Мое сердце исходитъ кровью, но все должно быть предано огню и мечу, мужчины, женщины, дѣти и старцы должны быть уничтожены, ни домъ, ни дерево не должны быть оставлены. Подобными мѣрами, единственными пригодными для того, чтобы разбить такой дегенерировавшій на-

родъ, какъ французовъ, мы сможемъ закончить войну въ два мѣсяца, тогда какъ война, если бы я прислушался къ доводамъ человѣчности, тянулась бы годы."

Свободная находка этого письма еще болѣе изумительна, если принять во вниманіе, что большому народу психологовъ пытаются приписать этотъ выдуманный документъ, лишенный психологіи. И знаменитую „оффиціальную и секретную памятную записку объ усиленіи нѣмецкой арміи", помѣченную въ желтой книгѣ 13 апрѣля и приписываемую Людендорфу нашли случайно.

Фальшивые документы русскаго правительства распубликованы большевиками: Вмѣсто распубликованныхъ 7 августа 14 года 79 номеровъ мы имѣемъ на самомъ дѣлѣ перечень 208 документовъ... Примѣрно четверть документовъ изъ общаго числа распубликованныхъ при объявленіи войны сфальсифицирована. Особенно это надлежитъ отнести къ телеграммамъ, которыми обмѣнивались Сазоновъ, находившійся въ Петербургѣ и посолъ въ Парижѣ Извольскій. Имѣлось намѣреніе скрывать все то, что могли бы истолковать какъ стремленіе къ войнѣ со стороны Франціи и Россіи, и одновременно превратить вынужденное стремленіе Германіи къ войнѣ въ активное стремленіе. Сообщенія о собственныхъ военныхъ приготовленіяхъ были смягчены, сообщенія о приготовленіяхъ Австріи были раздуты.

Больше другихъ лгалъ графъ Берхтольдъ. Ему потребовалось цѣлыхъ полгода прежде чѣмъ ему удалось въ своей красной книгѣ собрать и обнародовать для свѣдѣнія подданныхъ 69 документовъ. Четыре года спустя революція опубликовала еще 352 документа „въ дополненіе и въ исправленіе". Они содержатъ въ себѣ важнѣйшій источникъ для установленія того, кто несетъ вину за войну.

Изъ 69 документовъ Берхтольда девять не могутъ быть провѣрены, двѣнадцать не поддаются фальсификаціи, ибо они извѣстны другимъ державамъ, 10 распубликовано въ соотвѣтствіи съ ихъ подлиннымъ текстомъ. 38, т. е. двѣ трети изъ числа пятидесяти

семи, поддающихся фальсификаціи документовъ, сфальсифицированы. Мы беремъ изъ общаго числа сфальсифицированныхъ документовъ:

Когда въ № 6 посолъ въ Бѣлградѣ писалъ, что моментъ благопріятствуетъ (войнѣ) и что внутри-политическое и внѣшне-политическое положеніе сулитъ обѣщанія и возможности—очевидно послѣднія въ нашей эпохѣ“ то, это явно провоцирующее предложеніе цѣликомъ оказывается выпущеннымъ. Дата ультиматума и комментарія къ нему измѣнена на два дня. (Сравн. съ Берлинск. данными). Когда передаются благопріятныя для Австріи сообщенія господина Бьенвеню изъ Парижа (№ 11), то недостаетъ рѣшающаго дополненія: „На руководящую иностранную политику онъ (рѣчь идетъ о франц. министрѣ юстиціи) не имѣетъ вліянія“. Въ № 13 отсутствуетъ предостереженіе французскаго кабинета. Сообщеніе о мобилизаціи въ Сербіи преподносится въ сочетаніи съ нѣсколькими сообщеніями о разрывѣ дипломатическихъ сообщеній, (№№ 23 и 24) такъ что можно предположить, что сербская мобилизація повлекла за собою разрывъ сношеній. На самомъ же дѣлѣ мобилизація послѣдовала лишь за разрывомъ сношеній. Въ № 28, въ телеграммѣ отъ 26 августа изъ Петербурга отсутствуетъ рѣшающее заключеніе, слѣдующее за свидѣтельствомъ германскаго военнаго аташе: Произвело впечатлѣніе большой озабоченности и нервности. Считаю желаніе мира искреннимъ... Въ основномъ настроеніе: надежда на Германію и на посредничество. С. М.“

Рядъ мирныхъ предложеній Сазонова, напримѣръ отъ 27 числа, о томъ, чтобы посредникомъ явился итальянскій король, т.е. лицо связанное съ противникомъ союзомъ, были вычеркнуты. (№ 31). Когда Берхтольдъ уполномачиваетъ своего посла въ Берлинѣ выступить съ заявленіемъ, что онъ „не имѣетъ намѣреній добиватьтя какихъ либо территоріальныхъ завоеваній“ (№ 32), то отсутствуетъ рѣшающее дополненіе „безъ того чтобы пойти на какое нибудь связывающее соглашеніе.“ Въ № 38 зачеркнуты два мѣ-

ста, говорящіе въ пользу мирныхъ намѣреній сэра Эдварда Грея. Въ одной телеграммѣ, адресованной въ Берлинъ (№ 42) исчезаетъ неожиданно вынырнувшій изъ забвенія генералъ Конрадъ фонъ Гетцендорфъ. Онъ еще 28-го, т.е. еще до русской мобилизаціи требовалъ въ ней, чтобы „Австро-Венгрія въ соотвѣтствіи съ общимъ положеніемъ вещей предприняла далеко заходящія мѣры противодѣйствія.“

Уличающая телеграмма графа Седени совершенно выброшена (отъ 28 числа) ибо въ ней Берлинъ отказывается отъ англійскаго посредничества, лишь формальности ради препровождая его Вѣнѣ. Берхтольдъ пытается въ своей красивой красной книгѣ, утверждать противное, лживость чего установлена впослѣдствіи найденными и распубликованными документами.

Далѣе сфальсифицировано предостереженіе Бетмана отъ 28, съ сообщеніемъ объ угрозѣ Англіи (№ 44). № 47 содержитъ восемь фальсификацій: Въ этой телеграммѣ австрійскаго посла въ Петербургѣ скрыто о томъ большомъ впечатлѣніи, которое произвелъ на Сазонова обстрѣлъ Бѣлграда, равно какъ и умолчано о томъ, что русская мобилизація не таитъ въ себѣ агрессивныхъ намѣреній. Въ № 56 стушеваны заявленія Сазонова о томъ, что мобилизація еще не означаетъ войны, а также его завѣреніе въ томъ, что очевидно въ серьезъ ведшаяся бесѣда внесла нѣкоторое облегченіе.

Нѣмецкое правительство 3-го августа передало Рейхстагу докладную записку состоящую изъ 30 номеровъ и 7 вкрапленныхъ приложеній. Когда въ 1919 году революція распубликовала подлинные „нѣмецкіе документы“ то ихъ оказалось изданными по сей день 702. Ограничимся разборомъ 30 номеровъ — изъ нихъ 7 не поддаются фальсификаціи, ибо они извѣстны противникамъ. Изъ остальныхъ 22 документовъ правительство сфальсифицировало 18. Среди нихъ имѣются и такіе, на которыхъ базируется обвиненіе Германіи въ томъ, что она должна нести общую отвѣтственность за войну: въ нихъ стремленіе скрыть отъ народа истину налицо.

Изъ числа этихъ фальсификацій мы выберемъ слѣдующіе:

Приложеніе I, содержащее циркуляръ, адресованный Сербіи. Перенесено съ 21 іюля на 23 для того, чтобы скрыть, что нѣмецкое правительство узнало о вѣнскомъ ультиматумѣ ранѣе, чѣмъ о немъ узнали противники и тѣмъ самымъ съ нимъ солидаризировалось. Въ № восемнадцатомъ въ телеграммѣ прусскаго генерала изъ Петербурга отъ 30 іюля вычеркнуто рѣшающее сужденіе: „У меня впечатлѣніе, что здѣсь объявлена мобилизація изъ боязни передъ надвигающимися событіями, безъ аггресивныхъ намѣреній и что теперь здѣсь испугались того, что натворили."

Въ № 19 вычеркнуто русское предложеніе отъ 31 числа вступить въ переговоры съ Берлиномъ. Въ 24, въ нѣмецкомъ ультиматумѣ, адресованномъ Россіи, вычеркнуто самое важное — заключеніе, изъ котораго вытекала вѣра Россіи въ то, что нѣмецкая мобилизація имѣетъ преходящее значеніе. Изъ № 27 отвѣта Вивіани на ультиматумъ вычеркнута выраженная имъ надежда на англійское посредничество и на то, что удастся склонить основныхъ двухъ враждующихъ, что должно было бы вызвать впечатлѣніе рѣзкаго отказа и неминуемости объявленія войны Германіей.

Прежде всего отсутствуютъ всѣ отягощающіе вину акты, адресованные въ Вѣну или полученные оттуда. Съ ловкостью заслуживающей удивленія удается нѣмецкимъ дипломатамъ изъять свои собственныя ошибки и предупрежденія враговъ и все это для того, чтобы ввести въ заблужденіе свой народъ. О преступленіи Берхтольда, о слабости Бетмана, о бланко-векселѣ Вильгельма, о посредничествѣ Грея нѣмецкій читатель и редакторъ не должны были узнать: подданнымъ сообщалось лишь о нарушеніи слова царемъ, о козняхъ сэра Эдуарда, объ отказѣ Вивіани и поэтому каждый человѣкъ на улицѣ, даже либеральный или соціалъ-демократическій депутатъ должны были сказать: Да, на насъ коварно напали. На защиту отечества, подвергшагося нападенію! Если бы нѣмецкое правительство распубликовало хотя бы

* * *

часть рѣшающихъ документовъ 3 августа, то 4 августа нѣмецкіе соціалисты голосовали бы противъ военныхъ кредитовъ. Въ правильномъ предвидѣніи этого обстоятельства бѣлая книга фальсифицировала документы.

Въ Россіи, во второй, также какъ и Австрія нападающей державѣ сопротивленіе рабочихъ, словно въ предчувствіи войны усилилось особенно сильно. Громовые раскаты слышались тамъ въ теченіе десятилѣтій. 150000 человѣкъ примкнуло къ забастовкѣ. Уже къ серединѣ іюля цѣны на жизненные припасы поднялись въ обѣихъ столицахъ примѣрно втрое, трамвайное и пароходное движеніе протекали съ перебоями, оружейныя фабрики бастовали, желѣзнодорожное сообщеніе прервано, провода порваны. Даже самъ министръ внутреннихъ дѣлъ, окруженный разжигавшими войну, сказалъ 29: „Война въ глубинахъ народа никогда не сможетъ стать у насъ популярной."

Но ни одна партія не могла печатать или говорить. Поэтому мобилизація встрѣчается хмуро молчащими рабочими — безмолвно стоятъ они въ утро ея объявленія передъ маленькими красными листочками, висящими рядомъ съ летучками, призывающими къ забастовкѣ. Затѣмъ нѣкто прикрѣплялъ имъ кокарду къ фуражкѣ — все дальнѣйшее идетъ само собою, или подъ давленіемъ силы. На фабрикахъ втихомолку предупреждаютъ они другъ друга не роптать — война породитъ революцію — это подсказываетъ имъ ихъ инстинктъ.

Тысячи другихъ вопятъ: Въ Вильно рекруты бросаются на земь, лишь бы не садиться въ теплушки. Въ Харьковѣ въ теченіе цѣлаго дня не рискуютъ приступить къ призыву бастующихъ, въ Або рекруты распродаютъ свое обмундированіе и разбѣгаются по домамъ — за 30 копѣекъ можно купить пару сапогъ военнаго образца.

Но все же въ Россіи есть одинъ не запертый залъ засѣданій. У входа въ него казаки не избиваютъ

подошедшаго къ нему рабочаго: стоя на вытяжку
ѣдятъ они его глазами. Тамъ въ Думѣ, передъ іони-
ческими колоннами, тѣснится въ холодныхъ ампир-
ныхъ ложахъ придворная знать, блистательное обще-
ство, — тамъ, послѣ привѣтствующихъ войну вѣрно-
подданническихъ рѣчей, выступаетъ сѣрый человѣкъ
со стальнымъ взглядомъ, использующій свободу, пре-
доставляемую этой трибуной:

„Мы не смѣемъ говорить того, что мы хотимъ,
кекъ это допущено въ другихъ странахъ. Вмѣсто
амнистіи правительство даруетъ народу лишь тяже-
лые налоги. Крѣпите ваше сознаніе рабочіе и кре-
стьяне, накопляйте силы — дабы затѣмъ, защитивъ
свою страну, освободить ее.“ Это — Керенскій, тотъ
кто говоритъ это, и онъ голосуетъ за предоставленіе
кредитовъ, и онъ вѣритъ чистой совѣсти обороняю-
щейся Россіи или хочетъ этому вѣрить. И несмотря
на это открытый призывъ къ революціи *).

Тремя годами позже будетъ онъ здѣсь править.
Тѣ что сейчасъ сидятъ между іоническихъ колоннъ
злобно на него посматривая, будутъ гнить въ углахъ
или кусать себѣ губы на чужбинѣ. Еще сильнѣе
послѣ него говоритъ Хаустовъ отъ имени соціали-
стовъ и одновременно отъ пяти большевиковъ. Онъ
отклоняетъ кредиты. „Наши сердца бьются въ уни-
сонъ съ сердцами нашихъ братьевъ въ Европѣ. Мы не
можемъ воспрепятствовать этой войнѣ имперій, но мы
съ ней покончимъ. Это будетъ послѣднимъ боемъ
варварства. Миръ заключимъ мы, народы, а не ди-
пломаты.“

Мы въ Россіи — и этотъ темный, сотрясающій
все человѣкъ не боится того, что разставшись съ три-
буной и съ этимъ заломъ онъ одновременно разста-
нется съ жизнью? Кто препятствуетъ великому князю,

---

*) Тутъ очевидное недоразумѣніе. „Рѣчь“ Керенскаго со-
вершенно апокрифическая. О „рабочихъ и крестьянахъ“ Ке-
ренскій, вообще обращавшійся впослѣдствіи въ 1917 г. къ „то-
варищамъ и гражданамъ“ ни въ 1914 г. ни въ 1918 г. не упо-
миналось.

Примѣчаніе переводчика.

тамъ за стѣнами этого зала, убить его? Развѣ слышится еще одинъ такой голосъ съ трибуны свободныхъ народовъ?

Тѣмъ не менѣе два дня спустя предсѣдатель Думы лжетъ французскому послу:

„Война неожиданно положила конецъ всѣмъ нашимъ внутреннимъ разногласіямъ. Всѣ думскія партіи думаютъ объ одномъ, — о борьбѣ съ Германіей. Русскій народъ съ 1812 года не переживалъ подобнаго подъема патріотическихъ чувствъ."

* * *

Въ Англіи, не столько вступавшей въ войну, сколько въ нее скользившей, было либеральное правительство и соціалистамъ было легче чѣмъ гдѣ-либо.

Эта партія снискала себѣ славу тѣмъ, что составила самый лучшій манифестъ Европы. Не выкрики, а — правда, не пафосъ, а — разумъ: мастерское произведеніе.

„Рабочіе Великобританіи. У васъ нѣтъ споровъ съ рабочими Европы. У рабочихъ Европы нѣтъ споровъ съ вами. Спорятъ господствующіе классы. Не создавайте изъ этого спора межъ вами. Милліонъ австрійскихъ соціалистовъ протестовало въ Германіи. Не оставьте ихъ. Объединитесь съ рабочими Россіи и Франціи и скажите правительству: если вы объявите войну, мы объявимъ миръ. Знамя Интернаціонала развѣвается надъ всѣми знаменами. Что вы можете выиграть въ войнѣ? Двадцать тысячъ рабочихъ пали въ бурской войнѣ. По сей день приходится вамъ платить ежегодно по 12 милліоновъ фунтовъ для поддержанія семей павшихъ. А межъ тѣмъ рабочему Южной Африки живется хуже, чѣмъ гдѣ либо. Лишь богачи-магнаты выиграли. . . . Имущіе классы не хотятъ сражаться, они хотятъ васъ послать въ бой.

Ни одно правительство не можетъ вызвать войны, если народъ хочетъ мира. Заявите объ этомъ.

Маршируйте по улицамъ и скажите объ этомъ. Идите на площади, на рынки и говорите объ этомъ, говорите объ этомъ повсюду.... Долой войну".

Они повсюду объ этомъ говорили. Десять тысячъ людей собрались со своими знаменами въ Трафальгаръ — скверѣ, ибо никто здѣсь не препятствовалъ людямъ высказывать на улицѣ, что они чувствуютъ. Никто не препятствовалъ толпѣ ихъ слушать. Во всей Европѣ лишь одна Англія не запретила ни одного собранія, ни одной рѣчи или газеты. Шелъ дождь. Колонна теряется въ туманѣ, лишь Нельсонъ вѣнчающій ее, маячитъ призракомъ надъ нею. Они хотятъ изгнать этотъ призракъ войны. Старый Кенри Харди стоитъ на ступеняхъ и говоритъ. Толпа кричитъ и одобрительно киваетъ, но всѣ въ толпѣ остаются хладнокровными, какъ англичане.

По Пелль-Меллю проходятъ двѣ сотни молодыхъ людей, среди нихъ французы, слышенъ ихъ говоръ. Подъ дождемъ никнутъ знамена. Теперь ихъ набралось до 600 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ хотятъ говорить. Рабочіе прерываютъ ихъ выкриками. Ихъ оттѣсняютъ отъ ступеней.

Въ то время какъ рѣшеніе Гендерсона, направленное противъ войны, имѣетъ успѣхъ, глашатаи войны вопятъ передъ нѣмецкимъ посольствомъ: „Долой пруссаковъ." Затѣмъ они проходятъ передъ Букингемскимъ дворцомъ — король не показывается въ окнѣ, ибо теперь они ревутъ Марсельезу.

Недѣлю спустя все измѣнилось. Большинство соціалистовъ теперь стоятъ за организацію добровольческихъ частей, вскорѣ къ нимъ примкнутъ даже фабіи и даже самые крайніе, независимые не чинятъ болѣе препятствій въ томъ, чтобы поддерживать войну. Лишь немногіе остаются непоколебимыми: „Мы боремся", писалъ Макдональдъ въ своемъ великолѣпномъ свободомысліи, „не за независимость Бельгіи, а потому, что мы принадлежимъ къ тройственному соглашенію, потому что въ теченіе ряда лѣтъ политика нашего министерства иностранныхъ

дѣлъ была анти-нѣмецкой и, потому, что эта политика велась тайной дипломатіей, исходившей изъ того положенія, что надлежитъ заключать союзы для поддержанія европейскаго равновѣсія".

Основаніемъ для столь рѣзкой перемѣны было вторженіе въ Бельгію. Нынѣ они снова почувствовали себя стражами Европы.

* *

Брюссель принужденъ былъ уступить.

Еще не отзвучали улицы шествіемъ десятковъ тысячъ, циркъ еще продолжалъ дышать пылью, возгласами и дыханіемъ разгоряченной толпы, среди которой Жоресъ приносилъ клятву міру. Еще въ субботу Федеральный комитетъ призывалъ всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, къ огромной демонстраціи, назначенной на понедѣльникъ. Но въ воскресенье все было отмѣнено. Въ теченіе трехъ послѣднихъ дней мѣсяца судьба Бельгіи заволоклась съ ужасающей быстротой. Вандервельде, недавно еще руководившій массами въ циркѣ, ежеминутно посѣщаетъ министерство. Передъ грозящимъ странѣ нѣмецкимъ нашествіемъ, онъ объявилъ свою партію національной и изъявилъ согласіе принять портфель министра. Въ Народномъ домѣ, въ засѣданіи президіума онъ разрабатываетъ ко слѣдующему дню воззваніе:

„Мы, соціалисты, не несемъ отвѣтственности. Сегодня наступила бѣда и обуянные роковой силой событій мы полны лишь одной мыслью: быть можетъ скоро нашей странѣ суждено вооружиться противъ вражескаго нашествія. И тогда мы будемъ тѣмъ ожесточеннѣе сражаться, чѣмъ сильнѣе въ насъ желаніе защитить страну отъ милитаристическаго варварства.... Но и въ самомъ худшемъ положеніи вы не должны забывать о томъ, что мы принадлежимъ къ интернаціоналу и остаемся другъ другу по братски вѣрны, поскольку это допустимо при защитѣ своей родной земли".

Въ другой день партійная газета даже призвала къ добровольческой записи въ армію, ибо „лучше

умереть съ сознаніемъ, что умираешь за человѣчество, чѣмъ покориться закону вандаловъ и гунновъ.

* *

Въ Парижѣ рѣшеніе принадлежало массамъ. Германская соціалистическая партія была самой большой партіей, но она попрежнему, какъ и 40 лѣтъ тому назадъ, стояла въ непримиримой оппозиціи къ правительству и, постолько, посколько она могла призвать къ всеобщей забастовкѣ, могла лишь выбирать между войной и гражданской войной. Франція имѣла въ прошломъ рядъ соціалистическихъ правительствъ: Вивіани—премьеръ-министръ, Мальви — молодой министръ внутреннихъ дѣлъ были еще позавчера соціалистами. Правда слѣдуетъ признать, что они и люди изъ „Юманитэ“ боролись со всей страстностью двухъ взаимно исключающихъ сектъ, но сферы ихъ дѣйствія соприкасались, персонально врагами они не были. Общество, армія, знать всѣ прислушивались къ радикальнымъ вождямъ, все жило ихъ книгами, ихъ культуры соприкасались, — здѣсь все законно и ничто не отторгнуто. Близкое соприкосновеніе враждующихъ главарей было въ эти дни въ Парижѣ цѣлебнымъ слѣдствіемъ. Такъ какъ человѣческіе классы въ міровыхъ городахъ остаются особенно чуждыми другъ другу, ибо, здѣсь они соприкасаются ближе чѣмъ гдѣ либо — поэтому взаимное пониманіе между крайними людьми было невозможнымъ: между Клемансо и Ренodелемъ, между идеей реванша и дружбы.

Но возглавлявшіе Францію люди были еще далеки отъ Парижа. Наконецъ Пуанкарэ сошелъ на французскій берегъ и понесся изъ Гавра въ спеціальномъ поѣздѣ въ Парижъ. Когда онъ въ четвергъ днемъ прибылъ въ Парижъ его привѣтственно, словно побѣдоноснаго маршала, встрѣтили офицеры, адмиралы, депутаты, академики, поэты. Но во всемъ этомъ шумѣ и гомонѣ глаза президента ловили взгляды Извольскаго и англійскаго посла, молча пожавшихъ

ему руку. Снаружи, вокругъ Сѣвернаго вокзала, тѣснилась толпа, цвѣты, знамена, возгласы, пѣсни. И одинъ изъ адмираловъ, проѣзжая въ коляскѣ, бросилъ всѣмъ этимъ возбужденнымъ людямъ роковыя слова: „молчите. Есть часы, въ которые молчаніе означаетъ все. Мы не должны слушать предсказанія, но мнѣ мое чувство говоритъ: если часъ пробьетъ — Франція будетъ готова,"

Въ подобномъ же возбужденіи на слѣдующій день... прибылъ на тотъ же вокзалъ, въ числѣ сотни другихъ пассажировъ, и Жоресъ, возвращавшійся не отъ царя, а отъ братскихъ народовъ, нетерпѣливый какъ и тотъ, жаждущій поскорѣе очутиться въ Парижѣ. Оба вождя совѣщаются со своими друзьями и со своими врагами. Жоресъ еще полонъ опьяненіемъ брюссельскихъ массъ, еще проникнутъ похвалами своихъ нѣмецкихъ товарищей. Вѣдь еще вчера онъ писалъ въ манифестѣ:

„Соціалистическая фракція объявляетъ во всеуслышаніе, что только Франція имѣетъ право распоряжаться Франціей, и что она ни въ коемъ случаѣ, въ силу болѣе или менѣе намѣренно. . . тайныхъ договоровъ и неизвѣстныхъ обязательствъ, не можетъ быть впутана въ ужасное столкновеніе, и что она сохранитъ за собой полную свободу дѣйствій, дабы оказать на Европу умиротворяющее вліяніе... Если Россія этому не захочетъ внять, то нашей обязанностью будетъ разъяснить, что мы признаемъ только одинъ договоръ — договоръ, связывающій насъ со всѣмъ человѣчествомъ."

Сегодня ему суждено преисполниться заботъ: что случится? Здѣсь даже вѣрнѣйшіе говорятъ о возможности нападенія со стороны Германіи.

На шести огромныхъ собраніяхъ въ Парижѣ и во многихъ провинціальныхъ городахъ бросаютъ они массамъ пароль: всеобщая забастовка и миръ. Но свою завтрашнюю статью Жоресъ пишетъ въ приглушенномъ тонѣ. Появившаяся въ сегодняшнемъ номерѣ статья была еще брюссельскаго происхожденія и казалась полной упованія.

Сегодня вечеромъ, между новыми угрожающими сообщеніями изъ Берлина, въ обстановкѣ сдержаннаго волненія Парижа, пишетъ онъ о первой возможности нападенія со стороны Германіи, хоть онъ и отговаривается, что угроза эта представляется ему маловѣроятной.

Сегодня опасность таится не въ кабинетахъ, „а во всеобщемъ возбужденіи, въ неожиданныхъ, рожденныхъ страхомъ, импульсахъ... Поэтому спокойствіе, разсудительность. На воскресенье всѣ приглашены въ Ваграмскій залъ, гдѣ будутъ приняты рѣшенія. Медленное дѣйствіе, бдительность мыслей — вотъ подлинные стражи разума.“

Омраченная душа, боящаяся того, что не окажется побѣжденной: тогда какъ еще вчера изрыгала презрѣніе на преступниковъ, нынѣ она принудила себя къ покою, отодвигаетъ рѣшающее мгновенье, полна государственнаго сознанія, умалчиваетъ о томъ, что еще не заботитъ толпу.

Ибо на слѣдующій день, когда появится статья, Жоресъ будетъ совѣщаться отъ имени своихъ сторонниковъ съ правительствомъ о возможности спасти дѣло мира. Совѣщаніе, ходъ котораго доселѣ не удается полностью установить, якобы намѣчаетъ возможность соглашенія.

Почему?

Также какъ и его нѣмецкіе товарищи чувствуетъ онъ, что и рабочій хочетъ защищать себя и своихъ домашнихъ отъ вторженія. Но Жоресъ хочетъ прежде всего слѣдить за дѣйствіями министровъ, дабы накрыть ихъ на лжи, подготовляемой ими въ формѣ нарушенія границъ, дабы использовать это цѣнное для него сближеніе съ правительствомъ, предъ которымъ онъ обязался, чтобы въ рѣшающій моментъ смочь крикнуть:

„Вы лжете. Нѣмцы не тронулись съ мѣста. Вы хотите лишь отвлечь половину нѣмецкихъ силъ отъ проклятаго царя и провоцируете желаніемъ Эльзаса. Если нѣмецкіе товарищи попытаются, думаетъ онъ, разумомъ, угрозами и хитростью узнать то, что отъ

нихъ скрываетъ старый порядокъ, тогда, быть можетъ, намъ удастся предотвратить казалось бы непредотвратимое.

Хладнокровіе и разумъ; онъ чувствуетъ—насталъ рѣшительный день его жизни. Онъ спѣшитъ обратно изъ охваченнаго жаромъ войны министерства въ мирно настроенную редакцію „Юманитэ“: что скажутъ завтра утромъ массы? Какъ это объяснить? Изъ Брюсселя сообщаютъ по телефону: нѣмецкій товарищъ находится на пути въ Парижъ. Оживленіе, новыя надежды.

Поздно покидаетъ онъ редакцію, чтобы поужинать. Онъ не видитъ молодого человѣка, ожидающаго у входа въ редакцію. Но тотъ ихъ видитъ и слѣдуетъ за ними. Улица Монмартра, кафэ де Кроассанъ. Они сидятъ на обычномъ своемъ мѣстѣ — между этихъ оконъ, за столикомъ со старымъ диваномъ: — жарко, окна распахнуты, безвѣтренно, маленькія занавѣски вяло свисаютъ. Жоресъ взволнованъ, разсчитываетъ на нѣмцевъ и на завтрашній день.

Въ открытое окно просовывается рука, отстраняющая гардину, никто не успѣваетъ ее замѣтить, раздаются два выстрѣла, всѣ вскакиваютъ: лишь Жоресъ никнетъ на сидящій у окна диванъ. Могучаго человѣка кладутъ на два сдвинутыхъ вмѣстѣ мраморныхъ столика.

Онъ безпомощно, трогательно разводитъ руками, кровь течетъ изъ раны въ голову. Мгновеніе спустя окружающіе видятъ, какъ пульсируетъ мозгъ Жана Жореса. Его голову перевязываютъ салфетками. Врачи покачиваюъ головой. Черезъ пятнадцать минутъ онъ мертвъ. Затѣмъ коляска отвозитъ домой его обезкровленнаго и блѣднаго, тысячи тѣснятся на улицахъ. Отецъ страны—чувствуютъ они безсознательно. Многіе изъ нихъ плачутъ. Къ полночи рокочетъ весь Парижъ.

Вилленъ, убійца, чуть не подвергся самосуду. Это молодой, свѣтловолосый спокойный студентъ, въ своихъ движеніяхъ и манерахъ, въ своихъ словахъ и дѣяніяхъ лишенный чего либо фанатическаго. Онъ

заявляетъ: „я хотѣлъ убить противника трехлѣтней военной службы. Онъ причинилъ Франціи слишкомъ много вреда: я хотѣлъ его застрѣлить еще у входа въ его газету, но тамъ я не смогъ.“ Быть можетъ въ немъ не нашлось достаточно мужества при видѣ спокойнаго взгляда большого человѣка? Занавѣска придала ему мужество, которое у него отнялъ врагъ отечества.

„Сограждане. Свершилось ужасное преступленіе. Жоресъ, великій ораторъ, украшавшій трибуну Франціи коварно убитъ. Я обнажаю голову у гроба этаго великаго соціалиста, боровшагося за великія идеи и сумѣвшаго въ эти тяжелые дни оказать поддержку правительству въ его мирныхъ начинаніяхъ.“ На каждомъ углу Парижа кричатъ объ этомъ большія буквы плакатовъ. Что это—воззваніе партіи? Нѣтъ, это говоритъ правительство во главѣ съ самимъ Вивіани. Думается о томъ, что покойный еще недавно находилъ для отечества слѣдующія слова: „Нація это сокровище человѣческаго генія и прогресса. Пролетаріатъ долженъ остеречься отъ того, чтобы разрушить этотъ драгоцѣнный сосудъ человѣческой культуры.“

Пуанкарэ, должно быть легко вздохнувшій при вѣсти о томъ, что пуля счастливо достигла цѣли, пишетъ, объятый чувствомъ боли, письмо вдовѣ. Враждебныя газеты пишутъ: „Онъ былъ политическимъ преступникомъ. Высоко одаренный говорилъ онъ почти всегда противъ Франціи. Теперь, въ переживаемомъ кризисѣ, казалось онъ измѣнится.“

Не слишкомъ ли рано пытались они учуять перемѣну? Онъ палъ въ послѣдній день іюля: лишь еще одна ночь отдѣляетъ его отъ перваго августа, рѣшившаго судьбы Европы. Лишь полдня отдѣляло его отъ прибытія нѣмецкаго товарища. Быть можетъ все зависѣло отъ этого, назначеннаго на завтра разговора, въ которомъ два одинаково настроенныхъ меньшинства разсчитывали найти другъ въ другѣ поддержку, дабы стать большинствомъ. Теперь или никогда, все зависѣло отъ геніальной силы личности, которая сумѣла бы вдохнуть мужество въ уставшихъ друзей, а

храброму врагу внушала бы чувство страха, зависѣло отъ человѣка, подобнаго ему, чью смерть оплакивало даже враждебное правительство, уподобляясь Антонію на форумѣ, въ Парижѣ.

Это убійство случилось пять недѣль спустя послѣ того, какъ сербъ застрѣлилъ Габсбурга. Два молодыхъ націоналиста изъ убѣжденія застрѣлили вождей, которыхъ они считали врагами отечества.

Но мысли и мечты, витавшія въ нихъ были столь же различны, сколь различны были ихъ имена: Принципъ и Вилленъ. Основной и отвратительный. Принцепсъ и Виллянусъ: водитель и слуга. Освободить милліоны славянъ, порабощенныхъ въ теченіе ряда столѣтій: какая большая цѣль. Гораздо болѣе сомнительно другое; возобновить войну съ Германіей изъ за съ давнихъ поръ оспариваемой страны со смѣшаннымъ населеніемъ, изъ за Эльзаса и Лотарингіи, дабы въ результатѣ ея нѣкоторая часть населенія, численностью въ полтора милліона, была отторгнута отъ шестидесятимилліонаго народа, чтобы быть присоединенной къ сорокамилліонному народу,—очень сомнительное настроеніе.

Первый выстрѣлъ освободилъ роковыя силы, послѣдній устранилъ препятствія на ихъ пути. Принципъ сталъ національнымъ героемъ, а о его жертвѣ забыли. Вилленъ забытъ, но все яснѣе сила его жертвы, въ которой милліоны людей говорящихъ на различныхъ языкахъ усматриваютъ олицетвореніе свободы.

На слѣдующій день, когда Германія объявляетъ въ Петербургѣ войну, когда четыре страны выступаютъ въ смертельный походъ другъ противъ друга, товарищи еще не погребеннаго Жореса засѣдаютъ съ бельгійскимъ товарищемъ и съ нѣмцемъ. Заседаніе происходитъ въ партійномъ помѣщеніи дворца Бурбоновъ, чьи кулуары пылаютъ ненавистью къ нѣмцамъ. Шесть товарищей, выходцевъ изъ низшихъ слоевъ, представляющіе три враждующихъ государства совѣщаются, пытаясь рѣшительнымъ словомъ остановить пришедшія въ движеніе милліонныя арміи.

Вмѣсто того, чтобы создать благопріятную обста-

новку они уступают обстоятельствамъ: они отказываются отъ всеобщей забастовки и ограничиваются обсужденіемъ вопроса о кредитахъ. Что тому причиною? Ложь ихъ правительствъ, которой они принуждены вѣрить.

Нѣмецкій делегатъ завѣряетъ, что въ Берлинѣ вопросъ ставится только о томъ — отклонить ли кредиты, или же воздержаться при голосованіи. Французы разясняютъ, что въ случаѣ нѣмецкаго нашествія ни одинъ французъ не сможетъ отказать въ военныхъ кредитахъ. Мысль о томъ, чтобы въ Парижѣ и въ Берлинѣ выступить съ единой декларацiей отпадаетъ, „особенно въ силу того, что прервано телеграфное сообщеніе.“ Послѣ этого правильнаго, но трагикомическаго основанія нѣмецкій делегатъ покидаетъ Францію, оставивъ обѣимъ партіямъ свободу дѣйствій.

На большихъ собраніяхъ вожди обосновываютъ свою національную точку зрѣнія, ссылаясь на миролюбивыя стремленія своихъ правительствъ. Со своими отцами 1793 года провозглашаютъ они революціонный кличъ: „Миръ хижинамъ, война дворцамъ. Но какъ французы они заканчиваютъ этотъ кличъ возгласомъ: За родину. За республику!“ Они всѣ поспѣшатъ къ оружію, дабы защитить Францію отъ нападенія Германіи — въ томъ же стремленіи, которое проявляютъ нѣмцы, спѣша на защиту родины отъ русскаго нашествія. Нѣтъ, они не обманщики, они сами обмануты. Ибо также какъ и русскій мужикъ не испытываетъ никакой вражды къ Германіи, также не испытываетъ ея по отношеніи къ Франціи и нѣмецкій гражданинъ, или рабочій. Здѣсь, какъ и тамъ, горсть людей привела народъ къ безумной мысли, что на Западѣ есть что то, что слѣдуетъ ненавидѣть, что слѣдуетъ завоевать.

* * *

Въ эти дни нашелся одинъ русинъ, который сумѣлъ какъ нельзя лучше сформулировать вынужденное состояніи массъ: сербы, бельгійцы, французы на-

ходятся въ состоянiи правой обороны, — писалъ онъ, — они должны защищать свою родину, но и остальнымъ; послѣ объявленiя войны, не остается ничего другого, какъ „съ проклятiемъ войнѣ на устахъ и съ клятвой возобновить борьбу послѣ заключенiя мира, пойти въ походъ, выполнять свой воинскiй долгъ съ разбитымъ сердцемъ. Правительства еще имѣютъ возможность принуждать насъ къ братоубiйству.“

Глава XIV.

Лавина.

Пожаръ запылалъ. А межъ тѣмъ ни въ одномъ изъ кабинетовъ не видно огня: даже въ послѣднiя минуты не откроютъ они своей игры, изъ страха передъ ненавистью, разожженной ими въ своихъ народахъ. Яговъ не былъ чувствительнымъ, межъ тѣмъ онъ оставилъ ложь, сказавъ Гошену, англiйскому послу, явившемуся за своимъ паспортомъ, послѣ того какъ Германiя отвергла послѣднее предложенiе:

„*Мы должны вторгнуться во Францiю кратчайшимъ и наиболѣе удобнымъ путемъ* . . . Быстрота дѣйствiй является главнымъ козыремъ нѣмцевъ, тогда какъ у русскихъ имѣется неисчерпаемый запасъ людскихъ резервовъ.“

Съ Жюлемъ Камбономъ ведетъ онъ платоническую бесѣду объ ужасахъ войны, съ которой обоимъ господамъ не суждено будетъ соприкоснуться. Французъ говоритъ: „Когда умираетъ старое поколѣнiе, очищая мѣсто новому, не знающему ужасовъ войны и воинственно настроенному, а это случается примѣрно каждые сорокъ лѣтъ, то война приходитъ къ человѣчеству. Таковъ бѣгъ исторiи.“ Съ тѣмъ же цинизмомъ въ старыхъ салонныхъ пьесахъ соблазнитель говоритъ плачущей дѣвушкѣ: „Такова жизнь.“

Гораздо менѣе свободный характеръ носитъ собесѣдованiе нѣмецкаго канцлера съ англiйскимъ пос-

ломъ, состоявшееся въ тотъ же вечеръ: рѣдко когда было произнесено съ обѣихъ сторонъ столько лжи, сколько ее было произнесено въ этотъ историческій часъ. Бетманъ, во что бы то ни стало желавшій предотвратить войну и слишкомъ поздно уразумѣвшій, что его слабость привела къ паденію, говоритъ въ полномъ моральномъ ослабленіи: „Вѣдь это словно нападеніе сзади на человѣка, который борется съ двумя нападающими, защищая свою жизнь.“

Гошенъ: „мы идемъ въ бой не на жизнь, а на смерть за нашу честь, которой мы поручились за нейтралитетъ Бельгіи.“

Бетманъ: цѣною чего? Ради одного слова: „Нейтралитетъ“, столь часто нарушаемаго въ военное время. Ради клочка бумаги Англія будетъ воевать съ родственнымъ ей народомъ, не желающимъ ничего кромѣ дружбы. Вся моя политика рушится.“

Этотъ „клочекъ бумаги“ былъ въ своемъ цинизмѣ гораздо искреннѣе, чѣмъ фразы англичанъ объ ихъ чести. Дабы не говорить открыто объ англійскихъ интересахъ въ Бельгіи Гошенъ впадаетъ въ эстетическій тонъ: „Въ этомъ — драматическій узелъ этой трагедіи“, говоритъ онъ. „Народы оторгаются какъ разъ въ ту минуту, когда ихъ отношенія становятся дружественнѣе и сердечнѣе чѣмъ когда-либо.“ Лишь передъ уходомъ, символизирующимъ разрывъ двухъ народовъ, находитъ онъ слова, раскрывающія подлинный смыслъ войны правительствъ: *„Къ сожалѣнію, несмотря на всѣ наши усилія сохранить миръ между Россіей и Австріей, война началась и поставила насъ въ положеніе, при которомъ . . . мы не можемъ отъ нея уклониться . . . Это вынуждаетъ насъ разстаться неожиданно съ нашими сотрудниками. Никто объ этомъ не жалѣетъ въ большей степени чѣмъ я.“*

Съ подобными фразами сожалѣнія, за отсутствіемъ подлинныхъ основаній, покинули Берлинъ французъ и англичанинъ.

* * *

Графъ Берхтольдъ, начавшій эту игру, никоимъ образомъ не намѣревался довести ее до конца. Когда онъ увидѣлъ, что между Берлиномъ и Петербургомъ все кончено, ему показалось, что снова имѣется желанная возможность вновь избрать одного ихъ противниковъ; ученикъ Меттерниха не колебался рѣшивъ отдать предпочтеніе русскимъ. Въ послѣдній день іюля, когда русско-нѣмецкій разрывъ, вызванный Берхтольдомъ, сталъ явью, вѣнскій графъ рѣшилъ вновь улыбнуться впервые Невѣ и неожиданно возобновилъ „обсужденіе" т. е. то, чего Грей тщетно пытался достичь въ теченіе цѣлой недѣли. Лишь теперь Берлинъ понялъ опасность.

„Мы забыли," писалъ Тирпицъ, „спросить Австрію, хочетъ ли она вмѣстѣ съ нами воевать противъ Россіи. Мольтке сказалъ мнѣ при моемъ назначеніи, что если когда-либо австрійцы отступятъ, то мы будемъ принуждены пойти на миръ любою цѣной."

И тѣмъ счастливѣе для врага этотъ поворотъ въ лагерѣ Нибелунговъ: даже въ послѣднюю минуту тамъ хранятъ надежду, что удастся разлучить Берлинъ и Вѣну. Въ первый же день русско-нѣмецкихъ военныхъ дѣйствій, неожиданно настроившійся на мирный ладъ Берхтольдъ бесѣдуетъ съ русскимъ посломъ „въ дружественныхъ тонахъ" о Россіи. Послѣдній жалуется ему на германскую жажду войны и покидаетъ его съ успокоительными словами: „На самомъ дѣлѣ между нами ничего не произошло—только небольшое недоразумѣніе."

Берхтольдъ, по его собственному отчету, не находитъ и слова въ оправданіе Германіи, вовлеченной имъ въ войну. Не находятъ онъ ихъ и позже, когда онъ себѣ позволяетъ, именно сейчасъ, жаловаться на императора Вильгельма.

Межъ тѣмъ изъ Берлина въ Вѣну летитъ дождь депешъ, нынѣ съ полнымъ правомъ требующихъ вступленія въ войну, вызванную другими. Австрійское объявленіе войны Россіи хочетъ фактически своимъ

странно-путаннымъ стилемъ создать впечатлѣніе, будто бы Берлинъ вынудилъ Вѣну къ войнѣ.

Но зачѣмъ же разрывать сношенія съ Франціей? Зачѣмъ разрывать съ Англіей, чья культура и дѣловые интересы съ давнихъ поръ представлены въ Вѣнѣ? Уже тысячи нѣмцевъ пали на полѣ брани — въ честь Габсбурговъ. Графъ Берхтольдъ продожаетъ любезно принимать ежедневно гостей —пословъ, тѣхъ, что являются врагами ихъ союзниковъ. Недѣлю спустя послѣ объявленія войны французъ освѣдомляется въ Вѣнѣ, дѣйствительно ли Австрія послала свои войска въ Эльзасъ. Какъ можно предположить что-либо подобное? Нѣмцы, у которыхъ теперь появляются серьезныя опасенія, въ томъ, вступятъ ли ихъ союзники въ западную войну, распространяютъ нынѣ сообщенія въ нейтральныхъ странахъ о томъ, что они почти повсюду сражаются „плечомъ къ плечу" съ Австріей." Пожилой Думэнъ въ Вѣнѣ становится все настойчивѣе: снова задаетъ онъ свой вопросъ, его вновь успокаиваютъ, пока онъ, наконецъ, не устанавливаетъ, что австрійскія войска посланы на западъ. Онъ заявляетъ о своемъ отъѣздѣ. Австріей выражается большое сожалѣніе. Лишь вѣнскій бургомистръ думаетъ: „если французы рѣшатъ воевать съ нами, то мы имъ покажемъ." Въ тотъ же вечеръ съ бакона ратуши онъ объявляетъ всенародно: „Во Франціи революція. Президентъ убитъ."

Межъ тѣмъ англійскій посолъ въ Вѣнѣ продолжаетъ спокойно оставаться на мѣстѣ, на мѣстѣ же остается п австрійскій посолъ въ Лондонѣ. Когда князь Лихновскій покидаетъ Лондонъ, его является провожать посолъ дружественной державы и выражаетъ увѣренность, что онъ и впредь останется въ Лондонѣ. На самомъ дѣлѣ ему было суждено остаться въ Лондонѣ лишь девять дней, при этомъ онъ не имѣетъ возможности вести шифрованной переписки, но все еще продолжаетъ совѣщаться съ Греемъ по вопросу о возможности найти какое-нибудь сепаратное соглашеніе:

„Не будетъ ли лучше устранить все враждебное межъ нами?" спрашиваетъ графъ Менсдорфъ. Развѣ

не было бы желательнымъ если двѣ державы, по одной съ каждой стороны остались въ контактѣ?“ Когда наконецъ печать выставляетъ требованіе объ его отъѣздѣ, Грей говоритъ врагу: „Я надѣюсь, что вы не чувствуете себя оскорбленнымъ.“

Лордъ Розбери навѣщаетъ его въ посольствѣ, жалуется австрійцу на своего союзника и предсказываетъ, что въ этой игрѣ Англія облегчитъ царю достичь мірового господства. Одновременно съ этимъ Берлинъ требуетъ отъ графа Берхтольда: нѣмецкій флотъ въ Средиземномъ морѣ нуждается въ помощи австрійцевъ противъ англійскаго флота. Еще разъ этотъ благородный союзникъ пытается улизнуть, послѣ чего Берлинъ посылаетъ ультиматумъ: „Война Англіи должна быть объявлена не позже чѣмъ черезъ пять дней. Послѣдній срокъ — 1 августа.“

Сколько тягостной энергіи въ этихъ пруссакахъ? думаетъ Бертхольдъ и продолжаетъ надѣяться на то, что отыщется какая нибудь лазейка. Когда наступаетъ 12 число, англичане выводятъ вѣнскихъ господъ изъ ихъ двусмысленнаго положенія: вѣжливо отсылаютъ они домой графа Менсдорфа.

На слѣдующее утро — 13 августа, т. е. двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ Германія, являющаяся секундантомъ Австріи, вступила въ войну и сражается съ неимовѣрными потерями — Берхтольда навѣщаетъ англійскій посолъ. Послѣдній продолжаетъ, съ никогда не измѣняющей ему вѣжливостью, жаловаться на судьбу гонящую дружественные народы на поле битвы и во враждебные лагери дипломатовъ. Когда ничего не удается придумать они любятъ ссылаться на судьбу.

Бунзенъ: („взволнованнымъ голосомъ“):

„Мы не видимъ никакого основанія для конфликта. Осмѣлюсь просить вашу свѣтлость, и передать Его Величеству мою глубочайшую благодарность за все вниманіе и милостыни, расточаемыя мнѣ въ теченіе послѣднихъ восьми мѣсяцевъ и засвидѣтельствовать Его Величеству глубокое уважсніе моего монарха, взирающаго на Его Величество съ чувствомъ удивленія и выражающаго

надежду, что состояніе войны между Австріей и моей монархіей не будетъ длительнымъ.“

Берхтольдъ: „Я несказанно огорченъ мыслью о томъ, что мы находимся въ состояніи конфликта съ Англіей, ибо обѣ наши страны политически и морально въ силу выраженныхъ симпатій и общихъ интересовъ стоятъ очень близко. Позвольте мнѣ присоединиться къ выраженной вами надеждѣ, что состояніе войны не будетъ долго длиться, и что вскорѣ удастся возстановить нормальныя взаимоотношенія.“

На слѣдующій день австрійскіе и англійскіе моряки принялись убивать другъ друга, сражаясь подъ знаменами своихъ другъ другомъ восторгающихся монарховъ. Милліоны оказались вынужденными своими руководителями ненавидѣть другъ друга и большинство склонно было даже увѣровать въ эту ненависть. Даже спустя десятилѣтія будетъ жить въ душахъ потомства этихъ бойцовъ эта вымышленная преступниками ненависть. Въ теченіе четырехъ лѣтъ будутъ называть предателемъ и сажать въ тюрьму того, кто осмѣлится послать привѣтъ своему брату или отцу, находящемуся по ту сторону фронта. И въ то же время цари и короли Божіей милостью завѣряютъ другъ друга, при посредствѣ своихъ слугъ, въ своемъ почтеніи и желаютъ другъ другу счастливаго пути.

Въ давніе времена короли предводительствовали войсками и рѣшали споръ, вступая въ рыцарское единоборство. Сегодня они принуждаютъ своихъ мирныхъ подданныхъ ненавидѣть, затѣмъ гонятъ ихъ въ окопы, попутно объявляютъ „рыцарской“ неприкосновенность своей ставки, тоесть щадятъ изъ всего милліоннаго количества лишь себѣ подобныхъ, при этомъ выражая надежду на скорѣйшее возстановленіе мира, ими злонамѣренно нарушеннаго.

Двумя недѣлями позже, когда Брюссель оказался уже занятымъ германской арміей, Австріи ничего не остается другого, какъ сдѣлать послѣдній шагъ: наконецъ Австрія объявляетъ войну и Бельгіи.

За время послѣднихъ переговоровъ, судя по распубликованнымъ отчетамъ, пять разъ были про-

литы слезы: Король Кароль румынскій плакалъ въ присутствіи графа Чернина искренними слезами благороднаго и праведливаго властелина, почувствовавшаго, что его обошли. Пашичъ плакалъ слезами радости, въ присутствіи русскаго посла. Гошенъ всплакнулъ на прощанье передъ Бетманомъ. Сазоновъ и Пурталесъ всплакнули вмѣстѣ. И оттого, что объ этихъ слезахъ упоминается только въ сообщеніяхъ враговъ, можно сдѣлать выводъ, что у дипломатовъ не принято оплакивать несчастья страны, за которыя приходится отвѣчать. Гораздо благороднѣе оставлять возможность проливать слезы простымъ гражданамъ. Только объ этомъ ничего не пишется въ книгѣ исторіи.

* * *

Съ высотъ королей и министровъ брошенъ нетвердыми руками камень. Камень катится, онъ растетъ по пути съ ужасающей быстротой. Это — лавина. Въ теченіе первыхъ дней всѣ правительства купаются въ лучахъ грядущей побѣды, на самомъ дѣлѣ никому не выпавшей полностью на долю. Массы захвачены. Полные довѣрія кричатъ они, обманутые, безумствуютъ въ европейскихъ столицахъ.

Въ Вѣнѣ подъемъ протекаетъ въ ритмѣ вальса. Массы организуются къ праздничному шествію, подъ охраной пожарныхъ дружинъ, спѣвшіеся хоры оглашаютъ Рингъ до самой ратуши маршемъ принца Евгенія. Съ балкона ратуши имъ шлютъ привѣтъ разодѣтыя дамы: все красиво, весело, удачно сорганизовано. Не хватало лишь главнаго: ибо живущій въ Шенбруннѣ императоръ, превратившійся въ мифъ, не показывался, новаго престолонаслѣдника никто не знаетъ, въ теченіе десятилѣтій большинство министровъ проживало, таясь отъ народа. Поэтому народу приходится править праздникъ на свой собственный, не лишенный воображенія, ладъ. Уже 5 августа оба союзныхъ государя были показаны въ этомъ театральномъ городѣ со сцены въ живыхъ картинахъ.

Вѣна праздновала объявленіе войны въ садахъ и увеселительныхъ заведеніяхъ, распѣвая собственныя пѣсни, казалось городъ переживалъ праздникъ.

Въ Берлинѣ полные роковыхъ предчувствій, даже если они и хотѣли закричать громко, заглушались общимъ воплемъ. Серьезность массъ была ослѣплена прожекторами національзма. Взлелѣянный воинскій духъ придавалъ всему ритмъ марша, „заставлявшаго биться горячѣе каждое прусское сердце".

Когда послѣ обѣда, 1 августа на Унтеръ денъ Линденъ показались тяжелые сѣрые грузовики, когда молодые люди въ рабочей одеждѣ стали разбрасывать экстренные выпуски газетъ, не одиночками, а цѣлыми пачками, народъ привѣтствовалъ, ихъ ликованіемъ словно это были вѣстники побѣды. Еще сырые листы бумаги передавались изъ рукъ въ руки. Вечеромъ десятки тысячъ шествовали къ дворцу, они хотѣли видѣть императора. Онъ сказалъ имъ съ балкона: „Я не знаю больше партій, я знаю только нѣмцевъ". Великолѣпная мысль, рожденная для того, чтобы стать летучимъ словцомъ, и тогда еще обладавшее силой, заставившей массы повѣрить ему. Дворецъ создалъ берлинцамъ центръ, не хватавшій вѣнцамъ. Принцы, разъѣзжающіе въ автомобиляхъ по улицамъ, Бетманъ-Гольвегъ, попытавшійся своей рѣчью напомнить Бисмарка,—всѣ продолжали смѣяться. Все казалось праздникомъ побѣды. Лишь императоръ проносилъ сквозь улицы серьезность.

Берлинъ находился подъ властью генераловъ. Когда Седени въ послѣднюю минуту попытался возразить противъ похода на Бельгію, онъ получилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ классическій прусскій отвѣтъ: „Теперь слово принадлежитъ военнымъ, никто не смѣетъ вмѣшиваться своимъ словомъ". Мольтке диктовалъ политическія депеши иностраннаго вѣдомства такъ, какъ они были ему внушены его подчиненными. Не руководящій государственный человѣкъ намѣчалъ ходъ событій, а мысли какого нибудь полковника превращались въ голосъ государственной политики. Генеральный штабъ предписывалъ:

„Никоимъ образомъ мы не хотимъ захватить Бельгію подъ фривольнымъ предлогомъ. Въ этой войнѣ дѣло идетъ для Германіи не только о ее существованіи какъ государства, но и о сбереженіи и сохраненіи всей германской культуры отъ славянской некультурности".

Подобная нота должна была быть отправлена въ Лондонъ въ незашифрованномъ видѣ, „ибо намъ не повредитъ, если эта нота въ силу отсутствія шифра станетъ извѣстной и въ другихъ мѣстахъ". Эта нота была нѣсколько измѣнена и нанесла ущербъ государству, ибо впервые раскрылось глазамъ враждебнаго міра все чиновное высокомѣріе, выдаваемое за сужденіе націи, на самомъ дѣлѣ столь же мирной какъ и ея сосѣди.

На слѣдующій же день политическое выступленіе генеральнаго штаба обѣжало весь земной шаръ: Мольтке—Бетману: „Въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе.. Наши войска встрѣчаютъ едва ли не какъ друзей... Настроеніе Америки въ пользу Германіи. Тамъ возмущены коварными дѣйствіями предпринятыми противъ насъ.... Особое значеніе имѣетъ движеніе въ Египтѣ, въ Индіи, на Кавказѣ. Путемъ соглашенія съ Турціей министерство иностранныхъ дѣлъ сможетъ.... разжечь фанатизмъ ислама." Нѣтъ, это не пародія: такъ дѣйствительно гласятъ документы. Государственный секретарь еще два дня тому назадъ телеграфировалъ въ Константинополь „мусульманскій пароль": „Революціонизированіе Кавказа желательно".

Яговъ не только символически терялся въ военномъ окруженіи. Блестящими группами собирались они въ бѣлыхъ залахъ дворца, не вокругъ трона, ибо онъ стоялъ въ великолѣпномъ одиночествѣ межъ большихъ оконъ, но и не на большомъ отъ него разстояніи. Государственный секретарь Германіи направлялъ свои нерѣшительные шаги отъ группы къ группѣ, склоняя свои узкія плечи, прислушивая ко всѣмъ этимъ фигурамъ въ походной формѣ, ища информаціи, тогда какъ ему надлежало бы быть центромъ всѣхъ вопросовъ. Геній Бисмарка отсутство-

валъ, и лишь значительно позже удалось понять, что имѣлъ въ виду умный Баллинъ, сказавъ: „Не нужно было быть Бисмаркомъ для того, чтобы предотвратить эту глупѣйшую изъ войнъ. Императоръ слалъ грѣшному міру свое проклятье: „Міръ былъ свидѣтелемъ того, какъ мы во всѣхъ смутахъ послѣднихъ лѣтъ всегда находились въ первомъ ряду тѣхъ, что пытались уберечь державы Европы отъ войны... Въ состояніи необходимой обороны, съ чистой совѣстью и чистыми руками беремся мы за мечъ“.

Разумѣется онъ давно позабылъ о томъ, что онъ 5 іюля безоговорочно обѣщалъ австрійцамъ помощь въ ихъ авантюрѣ,—онъ продолжалъ себя чувствовать правымъ и бросилъ свой призывъ ко всему міру отъ чистаго сердца. Ибо таковъ былъ его характеръ.

Два часа спустя, послѣ обѣда канцлеръ изложилъ рейхстагу причины конфликта, умолчавъ однако при этомъ обо всѣхъ рѣшающихъ факторахъ. Онъ думалъ, что бельгійскій вопросъ будетъ легче всего разрѣшить если откровенно сказать о немъ. Объ этомъ походѣ черезъ Бельгію, являвшемся въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ основой нѣмецкихъ плановъ, Бетманъ сказалъ: „Мы находимся теперь въ состояніи самообороны, а нужда не знаетъ запретовъ... Франція могла-бы подождать. Зло, чинимое этимъ, мы постараемся загладить послѣ достиженія нашихъ военныхъ цѣлей. Тотъ, кому угрожаютъ, какъ намъ, и кто сражается за свое высшее благо, долженъ думать только объ одномъ — какъ пробиться.“ Бетманъ нашелъ вѣрный тонъ: рейхстагъ дрожалъ отъ рукоплесканій, вся Германія приняла новую догму, учителя права и церкви подкрѣпили ее: профессоръ Колеръ, въ качествѣ юриста, доказалъ почему нужда не знаетъ законовъ, а священнослужитель Траубъ писалъ:

„Лишь крайніе лѣвые въ парламентѣ почувствовали легкое содроганіе, они почуяли, что на слѣдующій день эта мысль разобьетъ земной шаръ на двѣ половины. Холоднымъ голосомъ, словно приговоренныхъ, отъ имени 4 милліоновъ рабочихъ объявилъ Гаазе, вождь нѣмецкихъ соціалистовъ о томъ, что онъ голо-

суетъ за кредиты. Каждое слово его рѣчи осуждало войну, на веденіе которой онъ предоставлялъ средства.

... въ согласіи съ нашими французскими товарищами. Мы думаемъ теперь о матеряхъ, разставшихся со своими сыновьями, о женахъ и дѣтяхъ... Мы чувствуемъ себя едиными съ интернаціоналомъ, признающимъ за каждымъ народомъ право на національную самостоятельность и осудившимъ завоевательную войну. Мы требуемъ, чтобы тутъ же, по достиженіи безопасности и согласія враговъ заключить миръ, война была бы прекращена“.

Правые, юнкера желаютъ, чтобы эту красную кампанію, даже сегодня не отказавщуюся отъ своихъ фразъ, забралъ бы дьяволъ. Но что происходитъ далѣе? Къ трибунѣ, несмотря на то, что списокъ ораторовъ исчерпанъ, протискивается человѣкъ съ бросающимися въ глаза серьезными движеніями. Это — Карлъ Либкнехтъ. Подобно тому, какъ его мужественный отецъ въ теченіе десятилѣтій боролся здѣсь со всею храбростью одинокаго пророка, прислушивающагося только къ своему внутреннему голосу, осмѣливается онъ бороться: одинъ противъ шестидесяти милліоновъ. Президентъ колеблется, покачиваетъ своей длиной сѣдой бородой, не осмѣливаясь дать слово этому опасному человѣку. И Либкнехтъ рѣшаетъ голосовать за пять милліардовъ военныхъ кредитовъ, ибо всѣ партіи въ этомъ вопросѣ единодушны. При слѣдующихъ голосованіяхъ о депутатовъ, а затѣмъ и 32 депутата голосуютъ противъ.

Въ тотъ же часъ, когда Бетманъ и императоръ защищаютъ Германію передъ Богомъ и исторіей, въ качествѣ аттакованной страны, Вивіани оглашалъ въ Бурбонскомъ дворцѣ передъ 400 депутатами слѣдующее посланіе президента:

„Франція стала жертвою неслыханнаго нападенія... Это нападеніе которое ничто не извиняетъ произошло безъ предварительнаго объявленія войны... такъ какъ цѣлость нашихъ границъ оказалась нарушенной въ пятнадцати пунктахъ. Бельгія и Люксембургъ под-

верглись нападенію. Вызванная на это Франція не желала войны — она сдѣлала все, чтобы избѣгнуть ее. Свободныя права Европы, на стражу которыхъ съ гордостью становится Франція и ея союзники, въ опасности."

И лишь одинъ въ этомъ собраніи оказывается болѣе остальныхъ взволнованнымъ. Успѣхъ не трогаетъ его, его волненіе слишкомъ глубоко. Это русскій съ головою паши. Это человѣкъ, сказавшій въ эти дни: „Это моя война." Это Извольскій, русскій посолъ въ Парижѣ. Онъ назвалъ этотъ день „самымъ гордымъ днемъ своей жизни" и сказалъ испанскому послу: „Четыре года нахожденія на моемъ посту пошли на достиженіе этой цѣли."

Ибо только въ Россіи умѣютъ подобные моменты представить „достойнымъ" образомъ. Третьяго дня въ тотъ же часъ блестящія коляски ѣхали черезъ Неву и мимо порталовъ Зимняго дворца: 5000 первыхъ людей страны быстро наполняли Георгіевскій залъ, все сіяло словно наступилъ большой праздникъ. И одновременно все молчало. Въ своихъ придворныхъ туалетахъ красуются дамы, горятъ ихъ драгоцѣнности. Безмолвно входитъ свита, становится у алтаря посреди зала. Съ гордо поднятой головой и опущенными глазами, съ поддергивающимися губами входитъ прекрасная царица. Даже царь кажется символомъ. Долго жужжатъ священники печальную литургію. Молча молится царь.

Затѣмъ старикъ Горемыкинъ оглашаетъ манифестъ совершенно схожій съ тѣмъ, что читалось въ Парижѣ и въ Берлинѣ: „На насъ напали." Снова призываютъ Бога въ свидѣтели. Затѣмъ подымается царь, кладетъ руку на Евангеліе и медленно начинаетъ: „офицеры моей гвардіи! Въ вашемъ лицѣ я привѣтствую свою армію и благословляю васъ. Я клянусь не заключать мира, доколѣ хотя бы одинъ врагъ будетъ стоять на русской землѣ."

Такъ говорилъ столѣтіемъ ранѣе предокъ этого Романова. Царь обнимаетъ французскаго посла. Съ площади доносятся клики. Царь выходитъ на балконъ.

Сотни тысячъ собрались на обоихъ берегахъ рѣки — знамена, иконы, портреты царствующаго дома. Въ это мгновеніе, словно обожествляя его, склоняютъ сотни тысячъ колѣна. Да, это послѣдній государь на землѣ, ибо передъ нимъ люди падаютъ такъ, какъ и тысячелѣтіе тому назадъ. Онъ одинъ, высящійся надъ толпой, кажется подлиннымъ владыкой надъ жизнями милліоновъ, владыкой Божьей милостью.

И все же та же толпа девять лѣтъ тому назадъ пришла сюда подъ руководствомъ священника, дабы испросить у батюшки-царя свободу. Тогда прискакали казаки, вооруженные кривыми саблями и ружьями, стрѣляя и рубя, тѣхъ кто не хотѣлъ отступить. И сегодня среди колѣнопреклоненныхъ имѣются мятежные сердца. Они поютъ царскій гимнъ и чувствуютъ — онъ поется въ послѣдній разъ. И пока головы еще думаютъ о его божественности они уже имѣютъ месть. Уже тогда Ленинъ писалъ изъ своего изгнанія о томъ, что Германія виновата въ войнѣ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ ея враги.

Самое изумительное разыгрывалось въ Лондонѣ. На улицахъ нельзя было замѣтить счастливыхъ лицъ, не было замѣтно ни гнѣва, ни ненависти, — лишь смущенно взирали мужчины на зеленые и красные плакаты, растягивавшіе банковскіе праздники на четыре дня. Война! Тысячи блѣдныхъ, испуганныхъ лицъ блуждаютъ около биржи, невѣроятное стало вѣроятнымъ — впервые за послѣдніе сто лѣтъ закрылась Лондонская биржа.

Въ Лондонѣ парадъ оказался менѣе подготовленнымъ, чѣмъ на континентѣ и поэтому онъ кажется болѣе напуганнымъ.

4 августа внезапно наступаетъ перемѣна. Когда война была объявлена всѣ оказались охваченными единой мыслью. Въ теченіе одного дня прекратилась гражданская война въ Германіи. Напрасно соціалистическіе группы выпускаютъ призывы и манифесты. Въ теченіе двухъ дней милліоны плакатовъ сообщаютъ о сотнѣ измышленныхъ насилій. Суффражистки берутъ

курсъ по вѣтру. Нѣмцы вчера еще жданные дѣловые друзья, сегодня подвергаются оскорбленіямъ и побоямъ.

Высоко въ небесную лѣтнюю синеву уходитъ памятникъ Нельсону. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ сборнымъ мѣстомъ пацифистскихъ рабочихъ демонстрацій. Что сегодня окружаетъ эту колонну, охраняемую четырьмя львами, словно пытающимися запугать толпу? Всю ночь проходятъ здѣсь шествія — мальчики изъ пригородовъ, отряды горожанъ маршируютъ къ Уайтъ Холлу и къ парламенту. Всѣ кричатъ! Долой Кайзера! Нѣмцевъ! Сумасшедшія сообщенія о выдуманныхъ событіяхъ выбрасываются ежечасно газетными выпусками и передаются изъ устъ въ уста.

„Правь Британія“ звучитъ и возносится къ звѣздамъ, слышащимъ одновременно и „Deutschland, deutschland über alles“ и „Vive la France“, „Боже царя храни“ и австрійскій гимнъ. Во всѣхъ столицахъ Европы въ этотъ часъ возсылаются къ небу пѣсни, которыми взволнованныя сердца пытаются передать себя волѣ Божьей, справедливости и пушкамъ.

Все тѣснѣе и тѣснѣе сжимается толпа вокругъ колонны Нельсона. Колышутся знамена, но только двухъ государствъ. Русскаго флага въ этотъ часъ еще нельзя найти во всей Англіи, посольство само испытываетъ нужду.

На каменныхъ львовъ взгромоздились взрослые мужчины, имъ передаютъ кружки съ пивомъ, провозглашаются безконечныя здравицы Англіи и побѣдоносной войнѣ. Вперемешку съ голосами звучитъ гармошка и шотландская волынка.

Приближается коляска съ женщинами. Она останавливается, Мужчины, столпившіеся у памятника высаживаютъ ихъ — это француженки сомнительнаго поведенія. Теперь онѣ отплясываютъ подъ гармошку канканъ. Вотъ онъ—свадебный танецъ Антанты. Да здравствуетъ Франція, страна, съ которой боролись рядъ столѣтій! Изъ театровъ и клубовъ прибываютъ дамы въ вечернихъ туалетахъ, со своими спутниками. Кэбы,

автомобили, коляски задерживаются. Дамы встаютъ, а кавалеры сходятъ на мостовую, смѣшиваются съ толпой. Въ колясках мерцаютъ бѣлыя шеи, украшенныя драгоцѣнностями. Оголенныя руки привѣтствуютъ кокотокъ, выплясывающихъ у подножія памятника моряку-герою свой воинственный танецъ.

Таковъ подлинный обликъ этого нелѣпаго единенія классовъ и сословій, о которомъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль будетъ говорить Европа.

* * *

Такою была Европа 4-го августа. Ложь и лицемѣріе, страсти и страхи трехъ десятковъ дипломатовъ, князей и генераловъ превратили милліоны мирныхъ жителей на четыре года въ убійцъ, грабителей и поджигателей, якобы изъ государственныхъ соображеній и въ концѣ концовъ привели земной шаръ къ огрубѣнію, разрухѣ и обнищанію.

Ни одинъ народъ не обрѣлъ ощутительныхъ выгодъ. Всѣ утратили нѣчто невозстановимое въ теченіе десятилѣтій. Чужой континентъ сталъ нашимъ заимодавцемъ. Ненависть и злоба обуяли народы, жившіе въ мирѣ,

Тѣ, кто въ этомъ повинны остались безнаказанными и свободными. Лишь на долю, одного, на долю Сухомлинова выпала кара — тюрьма. Народъ убилъ двоихъ, вначалѣ пытавшихся избѣжать войны — царя и графа Тиссу, послѣдняго потому, что онъ не захотѣлъ бѣжать. Убили и графа Штюргка, не принадлежавшаго къ тѣмъ, кто разжигалъ воинственныя страсти. Всѣ прочіе, персонально отвѣтственные руководители Европы, спасли себѣ жизнь бѣгствомъ, или въ силу долготерпѣнія ихъ народовъ. Никто, кромѣ Тиссы, не оплатилъ своего долга жизнью. Ни одно изъ именъ, явно или тайно подписавшихъ объявленіе войны, мы не найдемъ въ спискѣ павшихъ. Великій князь Николай Николаевнчъ и Извольскій, Берхтольдъ, Бетманъ, Вильгельмъ, Янушкевичъ и Мольтке — всѣ они продолжали спокойно жить, за исключеніемъ

одного Мольтке, переживъ войну. Никто изъ побѣжденныхъ не предсталъ передъ судомъ. Убійца эрцгерцога былъ приговоренъ къ смерти, убійца Жореса остался на свободѣ.

Этотъ счетъ народы Европы оплатили девятью милліонами жизней.

Перечень именъ, упомянутыхъ въ книгѣ:

Асквитъ, министръ-президентъ Англіи.
Баллинъ, генеральный директоръ „Hapag“а.
Бебель, нѣмецкій соціалистъ.
Беловъ, германскій посолъ въ Брюсселѣ.
Бенкендорфъ, русскій посолъ въ Лондонѣ.
Берхтольдъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи.
Бертело, вице-директоръ политическаго департамента французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.
Бетманъ-Гольвегъ, германскій канцлеръ.
Бьенвеню-Мартенъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Франціи.
Билинскій, австро-венгерскій министръ финансовъ.
Бисмаркъ, первый канцлеръ Германіи.
Бріанъ, французскій государственный дѣятель.
Бьюкененъ, англійскій посолъ въ Петербургѣ.
Бунзенъ, англійскій посолъ въ Вѣнѣ.
Бернсъ, англійскій министръ торговли.
Вандервельде, бельгійскій соціалистъ.
Вилленъ, убійца Жореса.
Вивіани, французскій министръ-президентъ.
Вангенгеймъ, нѣмецкій посолъ въ Турціи.

Вильсонъ, начальникъ англійскаго генеральнаго штаба.
Габриновичъ, убійца эрцгерцога.
Гизль, австро-венгерскій посолъ въ Бѣлградѣ.
Горемыкинъ, русскій министръ-президентъ.
Гошенъ, англійскій посолъ въ Берлинѣ.
Грей, министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи.
Гаазе, нѣмецкій-соціалистъ.
Гартвигъ, русскій посолъ въ Бѣлградѣ.
Гойосъ, начальникъ канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи.
Дэзи, княгиня Плессъ.
Давиньонъ, бельгійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.
Делькассе, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ.
Дюмэнъ, французскій посолъ въ Вѣнѣ.
Жоресъ, французскій соціалистъ.
Извольскій, русскій посолъ въ Парижѣ.
П. Камбонъ, французскій посолъ въ Лондонѣ.
Ж. Камбонъ, французскій посолъ въ Берлинѣ.
Кайо, французскій государственный дѣятель.
Капелле, нѣмецкій адмиралъ.
Конрадъ-фонъ Гетцендорфъ, начальникъ австрійскаго генеральнаго штаба.
Кейръ-Харди, англійскій соціалистъ.
Кробатинъ, австро-венгерскій военный министръ.
Лерхенфельдъ, баварскій посолъ въ Берлинѣ.
Лихновскій, нѣмецкій посолъ въ Лондонѣ.
Либкнехтъ, нѣмецкій соціалистъ.
Лиманъ фонъ Сандерсъ, начальникъ германской военной миссіи въ Турціи.

Ллойдъ-Джорджъ, англійскій премьеръ-министръ.
Мальви, французскій министръ внутреннихъ дѣлъ.
Макдональдъ, англійскій соціалистъ нынѣшн. премьеръ.
Маклаковъ, русскій министръ внутреннихъ дѣлъ.
Менсдорфъ, австро-венгерскій посолъ въ Лондонѣ.
Мерей, австро-венгерскій посолъ въ Римѣ.
Мольтке, начальникъ нѣмецкаго генеральнаго штаба.
Морлей, лордъ, предсѣдатель Тайнаго Совѣта.
Мюллеръ, нѣмецкій соціалистъ.
Палеологъ, французскій посолъ въ Петербургѣ.
Пашичъ, сербскій министръ-президентъ.
Пуанкарэ, президентъ французской республики.
Потіорекъ, губернаторъ Босніи и Герцеговины.
Пурталесъ, нѣмецкій посолъ въ Петербургѣ.
Принципъ, убійца эрцъ-герцога.
Саландра, итальянскій министръ-президентъ.
Санъ-Джуліано, итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ.
Сухомлиновъ, русскій военный министръ.
Сапари, австро-венгерскій посолъ въ Петербургѣ.
Седени, австро-венгерскій посолъ въ Берлинѣ.
Тирпицъ, нѣмецкій адмиралъ.
Тисса, венгерскій-премьеръ-министръ,
Трубецкой, генералъ-майоръ.
Черчиль, англійскій морской министръ.
Черникъ, австро-венгерскій посолъ въ Бухарестѣ.
Чирскій, нѣмецкій посолъ въ Вѣнѣ.
Циммерманъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Германіи.

Хеллiусъ, нѣмецкiй военный атташе въ Петербургѣ.

Шенъ, нѣмецкiй посолъ въ Парижѣ.

Шебеко, русскiй посолъ въ Вѣнѣ.

Штюргкъ, австро-венгерскiй министръ-президентъ.

Эренталь, бывшiй министръ иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгрiи.

Энверъ-паша, турецкiй военный министръ, вождь младотурокъ.

Фалькенгайнъ, прусскiй военный министръ.

Флотовъ, германскiй посолъ въ Римѣ.

Форгачъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгрiи.

Фредериксъ, русскiй министръ двора.

Францъ-Фердинандъ, австрiйскiй эрцъ-герцогъ.

Яговъ, германскiй министръ иностранныхъ дѣлъ.

Янушкевичъ, начальникъ русскаго генерального штаба.

g. 90. VI 1955

